

А. И. УТКИН

**Ртеодор
Гузвельт**

А. И. УТКИН

Ртеодор Гузвельт

политический портрет

СВЕРДЛОВСК ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1989

ББК ТЗ (7США) 6
У 847

Уткин А. И.

У 847 Теодор Рузвельт: Политический портрет.— Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.—192 с.

ISBN 5-7525-0016-8

В центре внимания автора — Т. Рузвельт, человек и политик, чья биография неотделима от судьбы Америки на рубеже XIX—XX вв. В президентство Рузвельта был совершен переход США к государственно-монополистическому капитализму, намечены основные вехи современного внешнеполитического курса.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных специальностей, представит интерес и для широкого круга читателей.

У $\frac{0503030000-16}{182(02)-89}$

ББК ТЗ (7США) 6

Редактор А. В. Данилова

ISBN 5-7525-0016-8

● Уткин А. И., 1989

Оглавление

<i>Америка городов</i>	11
<i>Элита богатства</i>	27
<i>Дальний Запад и Клио</i>	44
<i>Идеолог империализма</i>	70
<i>Дорога в Вашингтон</i>	87
<i>В Белом доме</i>	104
<i>Америка выходит на мировую арену</i>	115
<i>На пути к государственно- монополистическому капитализму</i>	136
<i>Раскол партии</i>	151
<i>Отставной политик</i>	172

От автора

Перед вами биография крупного буржуазного политического деятеля. Теодор Рузвельт — умелый, талантливый и по-своему дальновидный политик, сильный, энергичный, склонный к авантюрам, мастер обращения с людьми — как с группами, так и с отдельными личностями. Он вошел в американскую историю первым президентом «современного» типа: неутомимо пробирающийся сквозь рукопожатия на многомесячном пути предвыборных кампаний великий «упроститель» стоящих перед обществом проблем, политик с «лучшими намерениями», активный реформатор с обширными планами, реализации которых постоянно что-то мешает. Теодор Рузвельт создал стиль, модель поведения, подал пример мессианского служения обществу, праву, истине, справедливости и одновременно смирен-

ного, безучастного склонения перед стеной обстоятельств, мешающих реализации лучших из идей. Массовая вера в честность, порядочность федеральных властей, в их желание (и возможность) содействовать решению экономических и социальных проблем оказала тормозящее воздействие на действительно радикальные, прогрессивные движения начала XX века. Т. Рузвельт умело дискредитировал одних социальных критиков, привлекал и нейтрализовал других, обращал к себе на службу третьих. Он породил надежды относительно помощи федеральной власти обездоленным, ве симпатии к погубившим свой талант и способности, к тем, чье рождение внизу социальной лестницы закрывало все пути творческого проявления личности.

Т. Рузвельт, вопреки утверждениям буржуазной исторической науки, до тех пор, пока не стал президентом, не стремился к социальному реформаторству в силу социал-дарвинистских предрассудков. Он и не претендовал на такую заслугу перед американской историей. Отражая на сто процентов интересы своего класса, он вместе с тем понял опасность социальной «распущенности», проявляемой владыками Уолл-стрит на виду у всей нации. Ради укрепления капиталистических устоев он за время своего пребывания у власти изменил некоторые методы законодательного и правительственного регулирования. Благодаря этому президенты Вудро Вильсон и Франклин Рузвельт смогли создать систему частичного упорядочения и маскировки буржуазного господства, сумели обеспечить возможность социального маневрирования. Т. Рузвельт заложил основы государственно-монополистического капитализма, сделав государство не только охранителем, но и искусным помощником класса буржуазии.

Не меньшим оказался вклад Т. Рузвельта в формирование внешнеполитических основ Америки XX века. Круто отойдя от традиционной ориентации лишь на внутренний рынок, он использовал созданные в результате ускоренного развития капитализма в США периода последней трети XIX века условия для выхода страны на мировую арену. С Рузвельта начинается эра американского империализма. Как ключевая фигура в лагере идеологов экспансии, как фактический руководитель военноморского ведомства, он сознательно спровоцировал военное столкновение с Испанией в 1898 г., названное В. И. Лениным первой войной за передел уже поделенного мира, первой схваткой мировых эксплуататоров периода империализма. С именем и деятельностью Т. Рузвельта-президента связан отход США от внешнеполитической активности, обусловленной «доктриной Монро» — в пределах Западного полушария. Соединенные Штаты в начале XX века впервые в своей истории предприняли значительные усилия, чтобы занять место среди великих держав Европы.

У Белого дома появляется собственная европейская и азиатская политика. Т. Рузвельт форсировал отказ от прежнего изоляционизма и пошел на сближение с такими европейскими странами как Англия, что в перспективе привело к выступлению США в ходе первой мировой войны на стороне Антанты. Получив Филиппины, США встали в строй колонизаторов. Попытки достичь баланса сил с Японией, предпринимавшиеся Т. Рузвельтом, не дали длительного эффекта: его родственника — президента Франклина Рузвельта впереди ждал Пирл-Харбор. В Латинской Америке Т. Рузвельт неизменно руководствовался политикой «большой дубинки». Не обладая в до-

статочной степени лицемерием будущих американских политиков, он открыто ставил себе в заслугу захват части панамской территории для постройки канала.

Изучение биографии Т. Рузвельта полезно для понимания актуальных проблем современности, ибо сегодняшняя Америка начала складываться в период его президентства. Несомненно одно: деятельность Т. Рузвельта является вехой во внутренней и внешней политической трансформации американского капитализма.

Америка городов

СПУСТЯ столетие после того, как Томас Джефферсон покинул президентский особняк на Пенсильвания-авеню, стало ясно, что мечты великого демократа об Америке вольных хлебопашцев обречены. Правда, крытые фургоны переселенцев еще не вышли к обрывистой линии тихоокеанского побережья, еще манили необъятные просторы по обе стороны Скалистых гор, и по меньшей мере еще одно поколение пришельцев могло рассчитывать на такую полосу земли, какой в Европе владели лишь лендлорды. Однако политической власти уже не суждено было прийти в Вашингтон из лесистой Вирджинии вместе с Вашингтоном, Джефферсоном, Мэдисоном и Монро или из поселений на западной границе вместе с генералом Эндрю Джексонем. Политическая власть прочно осела в кирпичных особняках городов Северо-Востока. С развитием капитализма была сметена наивная вера в землю, плуг и первозданные добродетели пахаря как гаранта власти в североамериканской республике. В городах царил индустрия, а ее магнаты цепко взялись за власть в государстве.

Теодор Рузвельт выступил в американской истории неким антиподом Томаса Джефферсона. Хотя пиетет к отцам-основателям усиленно культивировался на протяжении всего XIX века, Рузвельт презирал «кумира толпы», «демагога», «лжепророка» Джефферсона. Личное в этом отношении базировалось на общественном. Американское буржуазное общество с пренебрежением взирало на шаткие теории раннего этапа своего развития, казавшиеся теперь провинциальным мечтательством. Бизнес компаний делал Америку «великой», бизнесмены желали не только вознаграждения за мировое первенство страны, но и прославления этого обогащения. Родившийся в нескольких кварталах от Уолл-стрит Теодор Рузвельт не мог не впитать дух безбрежного капи-

талиястического предпринимательства, видевшего справедливость не в уравнительной демократии, а в праве получить «справедливую долю дохода» от крупномасштабного бизнеса. Америка фермеров, Америка железных дорог, Америка колониальных владений — таков путь от Томаса Джефферсона к Теодору Рузвельту, пройденный за несколько десятилетий. Кратко проследим этот путь, который вывел США в XX век.

В 1865 году, когда тишина легла на поля сражений гражданской войны между Севером и Югом — этой второй американской революции, положившей начало беспрепятственному развитию капитализма, страна стояла на пороге огромного экономического броска. В несколько лет были вырублены леса Среднего Запада, в долинах Питтсбурга запылали огни сталелитейных заводов. Чикаго — место, где еще в 1837 году бродили волки, стал одним из крупнейших городов мира.

Гражданская война оборвала зависимость США от европейских индустриальных центров, дала импульс развитию собственной промышленности. В год рождения Т. Рузвельта (в 1858 г.) в Америке насчитывалось сто сорок тысяч промышленных предприятий, спустя десять лет их стало почти в два раза больше. К 1875 году — через десять лет после первого литья в бессемеровском конвертере, осуществленного в штате Мичиган, в США было уже двенадцать сталелитейных заводов. Э. Карнеги, стальной магнат, организовал в Питтсбурге грандиозную компанию с капиталом в 700 тысяч долларов. Конкуренты строили конвертеры в Чикаго, Кливленде и Сент-Луисе. Промышленники яростно боролись за месторождения железной руды в Мичигане.

С середины 70-х годов изобретение холодильников и появление консервной промышленности дали толчок развитию скотоводства и вывели американскую мясную промышленность на мировой рынок. Эмблемы мясных консервов Свифта и Армура появились во всех уголках земли. Мелкий предприниматель, фермер и владелец мясной лавки были сбиты с ног одним ударом. В год рождения Т. Рузвельта полковник Э. Л. Дрейк пробил первую нефтяную скважину в Западной Пенсильвании. В 1865 году первый нефтепровод вывел пенсильванскую нефть к пароходам, курсировавшим по Аллегейни-ривер. В это же время была изобретена нефтяная железнодорожная цистерна. Крекинг нефти

быстро вырос в целую индустрию, центрами которой стали Кливленд и Питтсбург. Основанная в 1870 году молодым дельцом из Кливленда Дж. Рокфеллером «Стандард ойл компани оф Огайо» быстро поглощала конкурентов. В этой борьбе не на жизнь, а на смерть велика была роль железнодорожных компаний, и Джон Рокфеллер сумел создать синдикат железнодорожных и нефтяных дельцов, доставлявших к океану самую дешевую нефть.

Наконец, быстрому расширению производства и его централизации способствовали стандартизация, поток, конвейер. Даже такие сугубо «индивидуальные» предметы, как обувь и одежда, впервые начинают изготавливать массово без традиционных предварительных примерок. В результате лишь одно предприятие в Массачусетсе производило обуви больше, чем тридцать тысяч парижских сапожников. Что вызвало удивление заграничных путешественников, так это груды одинаковой одежды по относительно дешевым ценам. Европе это еще предстояло. Все встало на поток — от очков до роялей. Но были изобретения, значение которых резко выходило за рамки обыденного. В конце 60-х годов Дж. Пульман стал выпускать свои спальные вагоны, а компания Маккормика начала тысячами производить новые сельскохозяйственные машины. Центр инженерной мысли переместился в цеха заводов Нью-Йорка, Чикаго, других городов. Здесь же окончательно умерла мечта о сельскохозяйственной Америке.

В последнюю четверть XIX века два главных процесса радикально изменили лицо Америки. Первый — развитие транспортных средств, второй — рост городов.

По окончании гражданской войны в США было тридцать пять тысяч миль железнодорожных путей, их стоимость приближалась к миллиарду долларов. Семью годами позже железнодорожная сеть удвоилась. Дороги связали два океана, окончилась историческая глава о необозримости Америки. Экспрессы сократили многомесячный путь до нескольких суток движения.

Строительство трансконтинентальных магистралей — веха в американской истории. Что вызвало их к жизни? В Вашингтоне боялись, что удаленные и растущие штаты, не будучи связаны с центрами страны, выйдут из федерального союза. Религиозные деятели сокрушались по поводу падения нравов среди грубых, оторванных от церковной службы

пионеров Запада, их заботил сбор средств с паствы. Но главным было не это. Банкиры Северо-Востока видели прячущиеся за Скалистыми горами доходы — и это предопределило судьбу дорог. Миллионы долларов соединились с тысячами безымянных тружеников, проложивших полотно дороги через долины и горы, над реками и каньонами. Одно из высших достижений XIX века — трансконтинентальная дорога — была создана за несколько лет. В 1869 году «Сентрал Пасифик» с запада и «Юнион Пасифик» с востока встретились в Промонтори Пойнте, знаменуя победу над пространством. Эта победа была достигнута кровавой ценой. Со стороны Калифорнии ветку тянули восточные рабочие, более десяти тысяч китайских кули. Они пробивали тоннели, строили мосты через горные реки, обходили снежные лавины. Навстречу им через бескрайние засушливые прерии тянули ветку переселенцы из Европы, преимущественно ирландцы. Уже 10 мая 1869 года телеграф передал во все более или менее крупные города: «Раз, два, три, сделано!» Трехтысячечкилометровая трасса связала американский Восток и Запад. В 60—70-е годы XIX века Америка покрылась плотной сетью железных дорог. Вдоль главных магистралей росли города, вытесняя поселения пионеров. Знай строители тех лет об автомобиле и шоссе, которые в XX веке обрекут железнодорожные станции на запустение, возможно, накал страстей и спешка утихли бы. Но в те времена прогресс виделся в образе локомотива, прорезающего девственные прерии.

Джефферсон и его аграрные демократы правили в 1800 году пятимиллионной страной, где лишь пять процентов населения жило в городах. К 1875 году в сорокамиллионных Соединенных Штатах города стали средоточием экономического богатства и политической мощи правящего класса, вступившего в полосу безудержной монополизации.

Мегалополис Нью-Йорк с его миллионным (в 1870 году) населением один имел больше жителей, чем все американские города эпохи Джефферсона. Небольшая двухэтажная Филадельфия периода континентальных конгрессов стала колоссальным семисотпятидесятитысячным вавилоном. Еще недавно в деревянном Цинциннати лошади тонули в грязи, а теперь это был каменный гигант с населением в четверть миллиона.

Города наступали на поля, закрывали небо. Фермер терял шляпу, глядя на восьмиэтажные громады, а с изобре-

тением лифта этажность увеличивалась чуть ли не ежегодно. Нью-Йорк еще не мог похвалиться небоскребами, но универмаг Лорда и Тейлора, Брайант-билдинг поражали воображение. «Козырями» Чикаго были шестьдесят миль брусчатых улиц и такие «гиганты», как восьмизэтажный Палмерхауз и шестизэтажный Шерман-хауз. Началось соперничество Нью-Йорка и Чикаго, продолжающееся по сию пору. Побеждало умение ухватить и использовать нововведение. Бетонные тротуары Чикаго были началом широкого применения этого строительного материала. Уступая в этажности, Чикаго стремился выйти вперед по части освещенности: на его улицах было две с половиной тысячи газовых ламп.

Города восточного побережья становятся в эти годы подлинными посредниками общения Америки и Европы. Первый трансатлантический кабель был проложен в 1866 году. «Ассошиэйтед пресс» тотчас передало речь прусского короля, биржа узнала о стоимости ценных бумаг в Лондоне. В эти же годы изобретают телефон и печатную машинку. Их звуки вскоре станут самыми обычными среди городских шумов.

Началась эра строительства мостов. Флагманом стал Бруклинский мост. Для освоения Запада особое значение имели мосты через Миссури и Миссисипи. Канзас-Сити и Омаха гордились своими стальными великанами. Чикаго построил трехкилометровый тоннель под озером Мичиган. Нью-Йорк, однако, не потерпел конкуренции. Уже в 1867 году здесь открылось движение по сабвею — поднятой на колонны городской железной дороге. Напрасны были жалобы коммерсантов, что шум разгонит покупателей, стенания ревнителей красоты, обличавших бездумное уродство, мольбы кебменов, видевших конец своей профессии. Сабвей имел поразительный успех, он разгрузил нью-йоркский даун-таун (центр города) и оказался экономически выгодным.

Устойчиво держалось предубеждение американцев в отношении асфальта. Хотя Париж и Лондон восприняли его благожелательно, янки долго считали его дорогим удовольствием, предпочитая каменное покрытие. Зато Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон и Чикаго могли похвалиться бетонными тротуарами. Но более перспективным оказалось иное употребление этого материала. В 1870 году первые здания из бетона выросли в городе Белвилл, штат Нью-Джерси. Оригиналы стали делать огромные окна — стеклянные витрины на первом этаже.

В год чикагской выставки 1893 года архитекторы М. Салливан и Д. Адлер образцами новых сооружений, «нанизанных» на стальной каркас, породили новое слово — «небоскреб». В архитектуре появилась формула: «Форма следует за функцией». Обстоятельства требовали максимального использования полезной площади в центре городов, и новаторы-архитекторы создали конструкции, в которых вертикаль решительно преобладала над горизонталью.

Строители еще украшали верхушки новых могучих зданий элементами классической архитектуры, а входы в них стилизовали под порталы готических соборов, но публика уже не могла с улицы оценить поднебесного благолепия, главным становился силуэт, его устремленность вверх. Учившийся в конторе Адлера — Салливан в 1890-е годы молодой Фрэнк Райт скептически смотрел на неловкое украшательство бетонных громад. Его поражали необъятные возможности жидкого бетона, готового принять любые формы. Отлитые в бетоне здания Райта начала 1900-х годов смотрятся как модерн и по сей день. Отныне не распростерший крылья орел, а рваный силуэт небоскребов стал символом Америки.

Другим ее символом стал автомобиль. Еще в 1900 году Англия имела автомобилей больше, чем Америка. Бросок был сделан за первое десятилетие XX века — с 4 тысяч до 187 тысяч автомобилей. Но все же большинство в Америке знало в те годы иные, не автомобильные колеса. На рубеже веков страна болела велосипедной лихорадкой. Завидным рекордом 1896 года была доставка на велосипеде почты из Сан-Франциско в Нью-Йорк за одиннадцать дней — со скоростью трансконтинентального экспресса.

Входя в век безграничного индивидуализма и лихорадки капиталистического накопления, Нью-Йорк периода гражданской войны и последующих десятилетий стал тем, чем и остался поныне: средоточием социальных контрастов. В этом городе те, кто стал образцом преуспевания, не прятались от людей. Уильям Астор, о состоянии и земельных угодах которого дельцы говорили, подняв к небу глаза, ежедневно появлялся в невзрачного вида одноэтажной конторе на Принс-стрит. Удачливому мультимиллионеру доставляло удовольствие пройти мимо общественной библиотеки своего имени и других свидетельств «благодеяний», оказанных им городу. В хорошую погоду по аллеям Центрального парка неслись дрожжи, и Нью-Йорк знал, что в руках воз-

ничего — Корнелиуса Вандербилта не только пара рысаков, но и сотни миль железных дорог. Третьим мультимиллионером Нью-Йорка был Александр Стюарт, владыка торговой сети. Его дом из мрамора на Пятой авеню долгие годы служил эталоном местного зодчества.

Теодор Рузвельт-старший не имел миллионов, не руководил масштабными сделками, но в своем городе был все же заметен. Его англо-голландское происхождение давало право претендовать на высший для Америки аристократизм. Между тем предки Т. Рузвельта отнюдь не принадлежали к создателям империи, к бесстрашным исследователям, конкистадорам или первопроходцам. Просто, когда жизнь в Голландии стала невыносимой, они покинули родные края, чтобы присоединиться к маленькой колонии, оккупировавшей устье реки Гудзон и назвавшей свой поселок Новый Амстердам. Завоеванный англичанами, он стал Нью-Йорком, но семья Рузвельтов все триста последовавших лет — начиная от Клаэса Мартенсена ван Рузвельта, высадившегося на Манхаттане в 1644 году, — не поддавалась порыву тех, кто видел Эльдorado на Западе. Вандербилты, Ван вик Бруксы и Рузвельты, смешиваясь по крови с англосаксонским населением, продолжали стоять на своем обжитом острове, обратившись к мореходству, морской торговле. Тесная англо-голландская колония сохраняла дух внутренней корпоративной замкнутости, лелеяла традиции и само чувство превосходства над потерянным людом, высаживающимся на Стаатен-Айленде. Это чувство внутреннего превосходства старожилов, горожан, связанных с Европой, имеющих достаток и уверенных в себе, передалось Теодору Рузвельту-младшему. Никогда он не ощущал тягостных моментов сомнений в правомочности своих претензий на руководство другими; это свойство было обусловлено не столько интеллектуальным преимуществом, сколько чувством «первенства по праву происхождения».

Итак, Теодор Рузвельт, представлявший седьмое поколение потомков Клаэса Мартенсена, считал свою родословную лучшей из возможных в Америке. Его дед, чистокровный голландец, в результате женитьбы породнился с ближайшими сподвижниками Уильяма Пенна, основавшего Пенсильванию. Прапрадед Т. Рузвельта по материнской линии был главой первого правительства штата Джорджия и работодателем.

Упоминание об основных фактах родословной Т. Рузвельта нам необходимо для объяснения некоторых важных черт мировоззрения будущего политика. Семья его отца и матери были аристократическими (по американским понятиям). В этих семьях не существовало идолов — политических или коммерческих героев, чья слава или богатство заставляли бы других чувствовать себя «второсортными». В политической практике Т. Рузвельта ярко проявится это качество самоутверждения, основанное на впитанных с детства идеях превосходства над окружающими. Нигде Рузвельт не упоминает о кумирах, которым он хотел бы следовать. Отпрыск богатой патрицианской семьи желал вести дело по-своему и проявил достаточно воли и выдержки.

Теодор Рузвельт родился в октябре 1858 года в Нью-Йорке. Его отец, занимаясь стекольной торговлей с Европой, приобрел четырехэтажный дом из коричневого камня, завел счет в банке и иногда участвовал в городской благотворительности. Политические события его не интересовали. Впоследствии его сыну, склонному к романтизации всего, что связано с семейными традициями, было трудно объяснить полное отстранение отца от событий гражданской войны между Севером и Югом. Проявляя пietet в отношении родителей, Рузвельт-младший объяснял это желанием отца не оскорбить чувств своей жены, по происхождению южанки. Агрессивному, склонному экзальтированно отстаивать «крестовый поход» Севера против Юга, Теодору-младшему, видимо, все же хотелось видеть отца офицером армии северян. Рузвельт-старший к концу жизни потерпел в торговле ряд серьезных неудач, пошатнувших его состояние. Все же до конца своих дней он оставался активным человеком.

Типичная черта англо-голландской общины — перво-степенное внимание семье. В данном случае это сказалось во внимании к воспитанию старшего сына, который в детстве был болезненным и слабым. Процесс умственного и волевого формирования Теодора Рузвельта едва ли поддается реконструкции. Ни детские записи, ни заметки окружающих не дают надежных свидетельств о путях его развития. Можно предположить, что болезнь (астма) сказалась на становлении личности Теодора. Оторванный от обычных детских игр, он рано обрел склонность к самоанализу, наблюдательность, способность ориентироваться в ситуациях внешнего мира. Напористость, стремление к

полнокровной жизни, богатой событиями и переживаниями — вот что поражало в Рузвельте окружающих. Рузвельту-политику была свойственна способность аккумулировать жизненные силы, создавать периоды максимально напряженной работы. О незаурядности его натуры, силе воли говорит такой факт. С двенадцати лет Теодор ежедневно занимался в гимнастическом зале и через некоторое время полностью восстановил свое здоровье.

Рузвельт рос в патриархальной семье, где все дети: он сам, его сестры Анна и Коринна, младший брат Эллиот воспитывались в атмосфере беспрекословного подчинения отцу. В автобиографии Теодор Рузвельт писал, что отец был единственным человеком, которого он «когда-либо действительно боялся». Отец непосредственно занимался воспитанием детей, выбором предметов изучения и контролем над занятиями. В чтении Рузвельта было меньше систематичности, чем можно предположить, исходя из основательности образовательных планов его отца. Теодор-младший с ранних лет читал много, быстро и с большой пользой для себя. Буквально потеряв зрение на книгах (большинство современников Теодора Рузвельта не знало, что президент слеп на один глаз), он приобрел обширный багаж знаний, завидную эрудицию. Теодор рано проявил интерес к зоологии. Всеобщий интерес к учению Дарвина нашел свой отклик и в семье Рузвельтов. К четырнадцати годам «Происхождение видов» было уже протудировано. Позднейшее понимание общественных отношений основывалось на первоначально выработанном под влиянием дарвиновской философии мировоззрения. Механическое перенесение дарвинизма на историю общества привело к возникновению теорий о преимуществах «избранной расы», об «авангардных нациях», о борьбе за выживание как сущности общественной жизни. «Выживает сильнейший» — эту истину, проверенную на детских опытах с пресмыкающимися, Рузвельт впоследствии возведет едва ли не в абсолют.

Пока, в ранние годы, зоология занимала Рузвельта как таковая. Он собирал коллекции животных (у него хорошо получалось делать чучела), делал фенологические записи. Семья могла себе позволить летние поездки в места с нетронутой природой и, главное, заграничные путешествия. Сообразно с воззрениями отца, они должны были

послужить одним из этапов воспитания и образования детей. Одиннадцатилетний Теодор Рузвельт побывал в Англии, Франции, Германии. Наряду с чтением — главным источником жизненных впечатлений — знакомство с другими странами развило у него неутолимое любопытство, критичность, остроту восприятия, тягу к сравнениям.

Черты молодого Рузвельта отнюдь не во всем привлекательны. В мальчике обнаруживается огромное упрямство, эгоизм, высокомерие, презрение к людям, дерзость, нарочитая грубость. Основой взгляда свысока являлась его уверенность, что он может сделать то же, что и другие, но быстрее и лучше. Многие детские черты стираются последующими жизненными испытаниями, но эта особенность — безапелляционная вера в свое умение делать все лучше других осталась свойством Рузвельта-политика на всю жизнь. С годами резкость его суждений об окружающих лишь усилилась. Никогда не был Рузвельт скупым на похвалу себе. Верить в свою проницательность, в правильность своих суждений — это очень характерно для него.

В шестнадцать лет Теодор начал двухгодичную подготовку к поступлению в колледж. С частными учителями он прошел все необходимые дисциплины и в 1876 году был зачислен в Гарвардский университет. Поступить в Гарвард означало вступить в круг избранных, в общество тех, чьи отцы распоряжаются судьбами страны, надеясь передать эстафету своим наследникам. Гарвард того времени, разумеется, резко отличался от гигантского университета современности. Во времена Рузвельта в нем училось несколько сот студентов. Но это были отпрыски действительно влиятельных семейств.

Впоследствии Рузвельт жаловался, что университет не дал ему практических знаний, которые пригодились бы на политическом поприще. Впрочем, восемнадцатилетний абитуриент еще не представлял себе будущего в политике и избрал предметы, предполагающие научную карьеру. Естественная история, литература, политическая экономия — вот главные дисциплины, которым было отдано время университетского учения.

В университете царил некое презрение к политике как смеси демагогии и дурных страстей. Рузвельт не только не

вспоминал об обстоятельствах пробуждения в нем деятеля, лидера, но и говорил о несовместимости быть джентльменом и политиком. И все же некоторые внешние обстоятельства указывают, хотя и разрозненными штрихами, на поворот в мыслях воспитанного в тепличной домашней обстановке юноши. Во-первых, желание вскоду быть первым лишь укрепляется общением со сверстниками. Он становится главой клуба естественной истории, стремится достичь максимально высоких результатов в учебе (итог: Рузвельт — двадцать первый студент из курса в сто пятьдесят восемь человек). Во-вторых, его начинает занимать применение законов природы к обществу, модный в то время позитивизм. С этим связано увлечение теорией Джона Стюарта Милля, вопросами экономической организации общества, его участие в финансовом клубе. К 1880 году Рузвельт открывает для себя сферу общественной деятельности. В нем просыпается полемист. Двадцатилетнему Рузвельту нравится атмосфера жарких споров, обращенного на него внимания.

К студенческой жизни он приобщается через участие в одной из трех издававшихся в Гарварде газет — «Адвокат» (впоследствии становится — вечное стремление к первенству — ее редактором). Через газету «Адвокат» Рузвельт выражает свои суждения по политическим вопросам, в которых видна его большая начитанность. Первые политические высказывания о явлениях общенационального масштаба относятся к 1880 году, когда Рузвельт, будущий президент-республиканец, убеждал голосовать за сенатора Байярда, кандидата в президенты от демократов. Итак, интерес к политике пробудился, он не оставит Рузвельта до последних дней его жизни.

Президентская кампания 1880 года как политическая битва общенационального масштаба может быть понята лишь на фоне стремительной монополизации промышленности, которая привела к невиданной концентрации экономической и, соответственно, политической власти. Свой путь к национальному могуществу начинает К. Йеркес (он стал прототипом главного героя трилогии Т. Драйзера «Финансист», «Титан», «Стоик»). Группа из шести капиталистов, в которой американские историки ставят Йеркеса на первое место, захватила всю систему трамвайного транспорта Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Питтсбург-

га и сотен других, более мелких городов во всех штатах. Эта же группа контролировала газовое освещение и электрическую сеть.

В годы, когда монополии делили богатство и власть, рядовой избиратель был лишен даже видимости политического выбора. Жителю Севера полагалось голосовать за республиканцев, ведших Север полтора десятилетия назад в решающую битву с Югом; южане покорно опускали бюллетени за «свою» демократическую партию. Засилье ставленников капитала на местах, деградация федеральной власти (алкоголизм президента Гранта стал национальным позором) принуждали здравомыслящую часть верхушки общества искать альтернативные пути, ибо застой грозил самой системе. В обстановке резкой критики политической действительности естественно уповать на перемены, какими бы традиционными ни были партийные симпатии. Этим и объясняется фрондерство, сказавшееся в поддержке Теодором Рузвельтом, входящим во вкус американской политики, кандидатуры претендента-демократа. Создание своей системы взглядов еще впереди (годы президентских кампаний в этом смысле будут особенно плодотворны), но уже в 1880 году молодой Рузвельт ясно осознал следующее: если деградация политической системы — в условиях полного господства республиканской партии — будет продолжаться и дальше, то политический крах станет реальной опасностью.

Не следует переоценивать зрелость его взглядов, серьезный интерес к политике придет через несколько лет. Пока редактор студенческого «Адвоката» пишет в основном о спорте и спортом занимается.

В день своего двадцатидвухлетия — в октябре 1880 года — Теодор Рузвельт женился на Алис Хатвей Ли. Неумеренный во всем, он выражает в письмах свои чувства в самых восторженных тонах. Неподалеку от Нью-Йорка куплено поместье в полтораста акров. Обзаведясь семьей, Рузвельт решает оставить занятия наукой. Он делает это не без сожаления (написано несколько интересных статей по орнитологии), но отчасти обвиняет методы университетского образования, слишком догматичные и удаленные от практики. Возможно, его «устрасила» необходимость трехлетнего завершения своего учения за границей. Женильба дала удобный повод для отказа.

Находясь на жизненном распутье, Теодор Рузвельт просит совета у преподавателя экономических наук Лоуренса Лафлина, продолжать ли совершенствоваться в естественных науках или избрать иной путь. Лафлин рекомендует заняться экономикой. В интересах Рузвельта в эти годы намечается значительный поворот. Вслед за экономикой он обращается к истории. Им начат труд «Военно-морские действия в войну 1812 года», получивший по завершении высокие оценки специалистов. Выпускной диплом он пишет на тему «Практическая возможность уравниения мужчин и женщин перед законом».

Будущее, кажется, начинает проясняться: юридическая карьера. Рузвельт поступает в Колумбийскую юридическую школу, знакомится с юриспруденцией у своего дяди Роберта Барнхилла Рузвельта. Свидетельства тех лет говорят о несдержанной эгоцентричности слушателя, задающего как равный равным вопросы преподавателям, склонного к морализированию и вовсе лишенного традиционного смиренного послушания. Поразмывив, Рузвельт приходит к выводу, что для адвокатской карьеры у него не хватит терпения.

Он проявляет все больший интерес к политике. Многочисленные воспоминания о Т. Рузвельте не дают ответа на вопрос, как он решил стать политиком. По крайней мере семейные традиции не предполагали обращения к общественной деятельности. Видимо, разочарование в профессии натуралиста, пробудившийся интерес к истории и природная экспансивность предопределили поворот. В 1880 году Рузвельт вступает в республиканский клуб двадцать первого округа города Нью-Йорка и дает этому «исчерпывающее» объяснение: «Я намеревался принадлежать к правящему классу». Характерное признание. Культ аристократизма, культ сильного человека, доминирующего над окружением (как природным, так и общественным) обусловил в Рузвельте эту потребность быть первым, решать судьбы других, выступать арбитром человеческих отношений. Какое бы объяснение ни давалось приходу Рузвельта в политику, ясно одно: не желание сделать этот мир лучше и уж, конечно, не чувство социальной справедливости владело им. В нем явно говорил инстинкт повелевать. И еще. Его позицию отличало некое подчеркивание морального превосходства над тем миром открыто про-

дажной политики, разоблачением которого занимались газеты соперничающих групп. Рузвельт приносил в политическую борьбу некое «моральное право». Можно предположить, что ему была видна возможность катастрофы для правящего класса (принадлежность к нему он четко осознавал), если делами, как и прежде, будут вершить откровенно безнравственные политики. В дальнейших действиях Рузвельта видна эта озабоченность угрозой подрыва позиций класса «богатых и лучших» из-за грубой тактики адвокатов этого класса.

У Рузвельта не было сомнений относительно выбора партийной принадлежности. На Северо-Востоке, где находился Нью-Йорк, республиканская партия преобладала безусловно. Так было со времен гражданской войны. На победе Севера республиканцы нажили огромный политический капитал, который щедро использовали в борьбе с конкурирующей демократической партией. Республиканцы, при всех явных проявлениях коррупции их партийного аппарата, оберегали столь дорогой Рузвельту буржуазный истэблшмент, неотъемлемой частью которого он себя ощущал. Поэтому выбор республиканской партии, по существу, был предопределен. «Молодой человек моего воспитания и моих убеждений, — писал Рузвельт, — мог связать свою судьбу только с республиканской партией». Он считал республиканскую элиту «хранительницей» американского единства, наиболее националистически (с этим были связаны его глубокие чувства и помыслы) настроенной частью страны.

Приход Рузвельта в республиканский клуб своего округа совпал с благоприятной для него тенденцией в республиканском руководстве штата Нью-Йорк. Партийные боссы, видя растущее недовольство прежними лидерами республиканцев, стремились привлечь новые политические таланты. Система боссизма процветала в Нью-Йорке, как и во всей стране. Войти в фавор к партийному боссу означало найти кратчайший путь от безвестности к выборным должностям. В той части Манхэттана, где Рузвельты жили долгие годы, политическим лидером республиканцев был Джейк Хесс. Со временем население двадцать первого округа стало выказывать недовольство Хессом. Рузвельт пришел в клуб в период зарождения «бунта» значительной части республиканцев против своего лидера. Остава-

лось выбрать ту фракцию, чьи силы должны были возобладать.

Летом — осенью 1881 года Рузвельт окончательно решает связать себя с политикой. Он посещает собрания, знакомится с политической обстановкой. Оказалось, что в нем живет дар незаурядного оратора. Главной преградой на пути Рузвельта к политической популярности было его откровенное презрение к «толпе». Но оказалось, что волевым усилием можно достичь искусства быть непринужденным, простым, внимательным, сочувствующим. Знакомство с максимально большим числом людей становится буквально страстью Рузвельта. У него великолепная память на лица, имена. В течение года Рузвельт становится известным и партийной массе, и партийным функционерам.

Главной задачей Рузвельта было найти себе покровителя, поскольку лишь в команде с влиятельным деятелем можно рассчитывать на успех. Эту истину политической жизни Теодор Рузвельт усвоил твердо. Таким наставником стал для него выходец из бедной ирландской семьи, выдвинувшийся в гражданской войне и в политической войне Нью-Йорка, Джо Меррей. Меррей увидел подходящего кандидата в Рузвельте, чье происхождение, социальный статус и образование соответствовали стандартам обитателей нью-йоркского центра. Деятельность Меррея привела к тому, что его протееже Рузвельт на партийном собрании республиканцев 28 октября 1881 года был объявлен кандидатом двадцать первого округа в ассамблею штата.

Характерный жест. Прежде Рузвельт молчал, покорно кивая в такт шефу. Стоило республиканцам округа принять решение об его избрании в ассамблею, как Рузвельт «показал нрав»: последовало публичное заявление, что он будет выступать независимо, руководствуясь собственными суждениями. Вожди республиканцев, умудренные превращениями политики, увидели в этом не предательство, а лишь набивание цены. Они-то знали разницу между словами и делами, между обещаниями и их реализацией. Рузвельт продолжал, несмотря на уверения в собственной независимости, поддерживать отношения с партийными знакомыми, укреплять личные связи с лидерами. (Пройдут годы, и Джо Меррей, оставленный в политическом маршруте Рузвель-

та далеко позади, будет назначен им на желаемый пост заместителя комиссара по эмиграционным делам города Нью-Йорка.) Это яростное отстаивание своей независимости явится характерной чертой всей политической карьеры Рузвельта.

Комментарии прессы по поводу выдвижения Рузвельта были сходными в главном: представитель старейшей и богатой нью-йоркской фамилии должен верой и правдой служить тем, кто обладает истинной властью в городе. Если Рузвельт устраивал жителей Пятой авеню, нужно было умело «продать» его избирателям. Заработала мощная, хорошо снабжаемая средствами машина республиканской партии, и он прошел в легислатуру штата по своему округу большинством в 600 голосов.

Перевес был незначительный, он отражал факт приблизительного равенства сил двух политических мафий, в которые превратились конкурирующие партийные организации — республиканская и демократическая. Демагогия (ею всегда грешила политика) была невинной шалостью в сравнении с продажностью и беспринципностью, поразившими политическую машину в период монополизации страны.

Элита богатства

СОСТОЯНИЯ ведущей тройки бизнесменов: Вандербилта, Астора и Стюарта — оценивались в 50—75 миллионов долларов каждое. Культ богатства достигает в эти годы своего пика. Царь - золото диктует все законы.

Судья Эдвард Райан из Верховного суда штата Висконсин писал в 1873 году: «Встает огромная фигура новой темной силы. Аккумуляция индивидуального богатства кажется большей, чем в любые времена с момента падения римской империи. Частные предприятия страны создают огромные комбинации корпораций, владеющие беспримерными массами капитала, смело марширующие вперед — не только ради экономических завоеваний, но для захвата политической власти. Действительно, впервые деньги захватывают поле битвы как организованная сила».

В год, когда Т. Рузвельт вступил на политическую стезю, Америка начала привыкать к новому слову — трест. Короткое, выразительное, оно означало экономическую силу, подчиняющую себе политику. Могущество возникающих трестов трудно было переоценить. Сенатор Дэвис (от Миннесоты) заявил 1 июля 1886 года: «Феодализм с его доменами, с необлагаемыми налогами хозяевами, освобожденными от ограничений и наделенными привилегиями, объявил войну питающему надежды человеческому духу и предстал во всем своем всевластии. Феодализм шагает по земле и завладевает всеми установлениями современности, царит в огромных корпорациях, господствующих над национальными дорогами. Господство корпораций в целых областях, способность облагать налогами порождает их циничное презрение к закону, дает возможность низводить наиболее одаренных людей до положения купающихся в роскоши рабов, совращать судей и сенаторов, концентрировать в руках одного человека столь огромные

богатства, что Цезарь в сравнении с ним кажется нищим. Их специально подобранные, оплаченные и искусные в своем деле прислужники стремглав летят по зову переданной по электрическим проводам телеграммы на крыльях паровой машины».

Показательной для атмосферы аморализма буржуазного обогащения является так называемая «война на озере Эри». Ее «героями» были миллионеры Вандербилт, Гулд, Дрю и Фиск. Последние трое объединились против Вандербилта для захвата контроля над движением по озеру Эри — стратегическому пути со Среднего Запада к Нью-Йорку — воротам в океан. Гиганты бизнеса забыли о малейшем уважении к буржуазным правовым нормам. Еще более важно то, что об этих нормах «забыла» сама основа правопорядка — в данном случае легислатура штата Нью-Йорк. В защиту интересов Гулда, Дрю и Фиска законодатели, заседавшие в столице штата — Олбани, внесли законопроект, легализующий обращение выпущенных этими бизнесменами акций на сумму 10 миллионов долларов. Напористый Гулд прибыл в Олбани с чемоданом купюр. Такса была определена четкая: сенатору «средней» честности — пятнадцать тысяч долларов. Один «упорный борец за справедливость» получил семьдесят пять тысяч долларов от Вандербилта и сто тысяч от Гулда. Естественно, при голосовании он высказался в пользу последнего — его «правда» была дороже. Вандербилт не сдавал позиций. Дело завершилось компромиссом, достигнутым между ним и его конкурентами. Железная дорога и управление ею были поделены на договорных началах.

Мог ли Теодор Рузвельт, потомок нью-йоркских патрициев, не испытывать чувства естественного превосходства над выскочками, неожиданным образом захватившими все золото мира? Вся страна знала о том, что величайший из миллиардеров Джон Д. Рокфеллер начал карьеру мелким клерком в захолустном городке, что владелец железных дорог Джеймс Хилл был продавцом в магазине, что «король стали» Эндрю Карнеги — сын ткача и первые центы заработал мальчишкой на побегушках при почте, что газетный магнат Джозеф Пулитцер эмигрировал в США, не имея второй пары белья. Рузвельт выбирает друзей и соратников из людей «своего круга». Его будущий ближайший друг в правительстве и наследник на посту президента

Уильям Тафт был сыном военного министра, сенатор Генри Кэбот Лодж и президент Гарвардского университета Чарльз Эллиот происходили из старинных аристократических семей. Банкир, осуществлявший связь Рузвельта с Уолл-стрит — Дж. Пирпойнт Морган был наследником огромного богатства.

Рузвельт неоднократно вспоминал о том, что его политическое честолюбие, выразившееся в стремлении познакомиться и сблизиться с нью-йоркскими политиками, вызвало в его среде, среде «джентльменов», смотревших на вторжение в политику как на измену аристократическим манерам, откровенное непонимание. Он пишет в автобиографии: «Эти люди — как крупные бизнесмены, так и юристы — высмеивали меня, говорили, что политика — это «низкое» занятие; что политические организации не контролируются «джентльменами»; что я увижу, как ими управляют содержатели салунов, кондуктора конки и им подобные, а отнюдь не те, с кем бы я хотел познакомиться; более того, они убеждали меня, что те, кого я встречу, будут грубыми, злыми и неприятными. Я ответил, что если это так, то мои нынешние знакомые не принадлежат к правящему классу, и что дело управления осуществляют другие люди — а я же намерен быть членом правящего класса».

В Нью-Йорке конца XIX века боссам республиканцев вроде протезировавшего Рузвельту Джейка Хесса противостояла мощная мафия демократов — «Таммани холл», делами которой заправлял бывший главарь уголовной банды. Газета «Нью-Йорк ивнинг пост» 3 апреля 1890 года опубликовала список штаба «Таммани холл». Из двадцати семи «деятелей» большинство составляли лица, побывавшие в тюрьме, осужденные за преступления (включая убийство), и содержатели винных заведений.

Не мораль, а осознание того, что устои общества пошатнулись и если дела пойдут прежним образом, то неминуем социальный крах, вызвало в определенных буржуазных кругах требование «очистения» политики. В 1881 году была создана общеамериканская «Лига национальной реформы гражданских служб». То в одном штате, то в другом возникли движения за «честное» функционирование гражданского управления. Показательна карьера Гровера Кливленда, чья осмотрительность, элементарная буржуазная честность (разумеется, не выходящая за рамки представле-

ния о свободном капитализме как эталоне общественного развития) способствовали его успеху на посту мэра Буффало и превращению в национального лидера в 1884 году. Американский капитализм обратился в поисках самозащиты к «морально выдержанным» деятелям, надеясь тем самым снять зреющее в обществе напряжение. Теодор Рузвельт был одним из таких деятелей.

Рузвельт баллотировался в ассамблею Нью-Йорка от самого богатого округа — от округа помпезных особняков — «коричневых фронтонов». Округ включал в себя и Колумбийский университет. Едва ли успех сопутствовал бы новичку, но его поддержали те, с кем все считались: Джеф Чоэт и Элиу Рут — ведущие адвокаты крупнейшей нью-йоркских фирм, Моррис Джессуп — банкир и торговец, Уильям Вебб, представлявший интересы Вандербилтов.

В ходе избирательной кампании республиканцы во главе с Джейком Хессом обыгрывали главным образом два пункта: если Рузвельт будет избран, налоги на частный капитал уменьшатся, а коммунальная служба Нью-Йорка станет работать лучше. Перед Рузвельтом вставала та же задача, что и перед американскими политиками за сто лет до его избрания и спустя сто лет после его избрания: как соединить два противоречащих друг другу обещания — капиталу обещались послабления, а широкой публике — улучшение работы общественного механизма.

На ассамблее в Олбани Рузвельт избрал основной темой своих выступлений не нужды городского хозяйства, а злободневную проблему коррупции властей. Она приобрела общенациональную значимость, а политик, имеющий виды на будущее, должен обращаться к наиболее острым вопросам.

Если первые двадцать три года жизни Теодора Рузвельта прошли в относительно замкнутом мире богатых горожан и не оставили особых свидетельств, то впоследствии, вплоть до самой смерти, он находится в поле общественного внимания. Впервые в 1882 году газеты дали пересказ его речей, стали появляться описания внешности, привычек, манеры поведения, обещавшего быть перспективным политиком из легислатуры штата. Рузвельт был невысоким, коренастым, крепким на вид молодым человеком. Тщательно подобранная одежда говорила об обстоятельности, это впечатление подчеркивалось золотым пенсне. Создавался образ собранности, внутренней дисциплины, скрытой энергии.

Его публичные выступления были эмоциональны и экспрессивны. Искушенный слушатель видел и огромную подготовительную работу. Как правило, Рузвельт выбирал острую, общественно значимую тему и строил речь по принципу нарастания к эффектной кульминации в финале.

Боевое крещение произошло 5 апреля 1882 года. Никакого подготовительного периода, никакой раскачки. Депутат от Манхаттана сразу же взялся за тему, которая станет одной из основных в его политической жизни: моральность в общественных делах. С глубоким возмущением он потребовал расследования коррупции в Верховном суде штата Нью-Йорк. Рузвельт называл конкретные имена: судья Т. Р. Вестбрук замешан в сговоре с тремя промышленными магнатами: Джейм Гулдом, Расселом Сэйджем и Сайрусом Филдом — с целью захвата контроля над надземной железной дорогой в Манхаттане. Имя Гулда в то время вызывало одновременно ужас, злобу и тайное восхищение той буржуазии, которая не смогла вырваться на просторы многомиллионных сделок. Гулд был воплощением триумфа коррупции. Рузвельт замахнулся высоко. Газеты назвали его речь «потрясающей». Что скажут собратья-политики, те, к кому обращался новоиспеченный депутат?

Ассамблея штата Нью-Йорк 1882 года вызывала у Рузвельта презрение. В дневнике он описывает первые впечатления: республиканская фракция — недостойное сборище, некоторого уважения заслуживают лишь отдельные адвокаты да фермеры. Описание соперников-демократов напоено ядом. Шесть виноторговцев, два кирпичника, мясник, табачник... «Таммани холл почти полностью доминирует над демократической фракцией. Худшие среди всех — необразованные, коррумпированные, злобные, низкие католики-ирландцы». Рузвельт находит несколько добрых слов только в отношении двух фермеров-республиканцев — О'Нила и Шихи. Все же вызов брошен и нужно заручиться поддержкой палаты, чтобы поставить барьер на пути всемогущего Гулда. Новичка с интересом выслушали, однако реформировать по его первому требованию систему сложившихся взаимоотношений не стали. Напрасно Рузвельт приводит неопровержимое доказательство — письмо судьи Вестбрука (откуда оно у Рузвельта? перехватили ли его конкуренты Гулда?) Гулду, в котором дается обещание содействовать афере. Обе партийные машины решили повре-

менить, дать возможность Вестбуруку и Гулду подготовиться к защите, а Рузвельту — поостыть. Его запрос не обсуждался несколько месяцев. Все это время решали, всерьез ли затеял Рузвельт борьбу или его выпад был пустой демонстрацией. Оказалось, что у коренастого парня бульдожья хватка. В чем причина, заставившая Рузвельта, рискуя политической карьерой, объявить войну самым могущественным силам своего штата?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует знать ситуацию, в которой оказались семьи, подобные семье Рузвельтов. Двести лет их род принадлежал к англо-голландской элите Нью-Йорка. Двести лет здесь царил богатство, строгий протестантский быт, предприимчивость в торговле и из поколения в поколение передаваемый своеобразный кодекс патрицианско-купеческой морали. Этот кодекс не возбранял — напротив, поощрял все способы быстрого обогащения, но он ставил непреложным условием соблюдение общепринятой честности в делах, доверие к партнеру, веру в третейского судью, в справедливое судебное делопроизводство. Бюргеры-купцы могли обкрадывать своих клиентов в сделках при расчетах, но это делалось открыто, не с помощью закулисных махинаций. Пуританская мораль осуждала подобный путь, традиции возвели устоявшиеся нормы в ранг непреложных, основных правил жизненной игры. И вдруг этот издавна заведенный порядок начал рушиться. Зуд быстрого обогащения охватил десятки тысяч безродных, но предприимчивых «джентльменов удачи» эпохи промышленной революции. Десятки тысяч нажитых бюргерами «в поте и благочестии» долларов теперь уже не шли ни в какое сравнение с «бешеными» миллионами дельцов 1860—1880-х годов. Зависть, сначала скрываемая, быстро переходила в ненависть. Разве имеют они, эти новые владыки жизни, право на всемогущество? Оттесняемой городской аристократии лишь оставалось гордиться своим превосходством в моральной сфере. На протяжении всей политической карьеры Теодора Рузвельта чувствуется эта глухая ненависть к безродным и беспринципным выскочкам. Разумеется, когда речь заходила о классовом интересе, Рузвельт «забывал» исконную неприязнь, становясь на стражу буржуазных институтов и законов.

Весной 1882 года, заручившись поддержкой прессы (а в позиции «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд»

было много от патрицианского восприятия эволюции американской жизни), Рузвельт начал вербовку союзников. В эти недели он показал, что при всем презрении к плембу («эти проклятые ирландцы первого поколения»), он может закрывать глаза на происхождение, манеры, привычки и т. п., если ему надо сплотить разноликую массу. Рузвельт умел обрабатывать нужных людей, не брезгуя ни уговорами, ни морализаторством, ни обещаниями.

Поразительный для начала успех. Вопреки воле партийных боссов ассамблея Нью-Йорка 104 голосами против 6 высказалась за предложение Т. Рузвельта о расследовании. Это был временный успех. В дальнейшем закулисный механизм сработал, и комитет по юридическим делам оправдал судью Вестбрука. Но и привычная для красноречивому разглагольствованию нью-йоркская ассамблея затихла при заключительных словах Рузвельта: «Я утверждаю, что вы своим голосованием не можете обелить этого судью. В глазах всех честных людей он осужден своими собственными поступками. Все, что вы можете сделать, так это подвергнуть позору самих себя и ненадолго продлить его обесчещенную карьеру. Вы не можете очистить лепру. Берегитесь, вы запятнаете себя его проказой». Так, собственно, началась политическая карьера Теодора Рузвельта, избравшего моральность исполняющих общественные должности своей главной темой. Слова и дела. Ярость слов Рузвельта хорошо уживалась с терпимым отношением к политикам. Но в глазах широкой публики, поглощавшей отчеты ассамблеи в Олбани, фигура молодого обличителя коррупции обладала несомненной привлекательностью.

Теодор Рузвельт подошел к сроку своего переизбрания осенью 1882 года, имея шансы на успех. Депутата оценили уважаемые избиратели его округа. Органы массовой информации, например «Нью-Йорк таймс», поднаторевшие на подаче сенсационного материала о незаконных сделках, были вынуждены поддерживать борца с этими сделками в ассамблее штата. Для республиканцев он был находкой, так как выступал блюстителем нравов в политике — эту роль пытались присвоить себе соперники-демократы. Поддержка влиятельных горожан, прессы и партийного аппарата облегчала путь Рузвельта, позволяла обойтись без интенсивной предвыборной кампании. По сути дела, он провел лишь один массовый митинг. В «Зале лирики» Руз-

вельт выступил отнюдь не с определением своей платформы (таковой у него не было, да она и не требовалась), а с обличением политических противников. Причем он избрал мишенью не конкретных соперников в борьбе за голоса избирателей, а демократическую партию в целом. Молодой политик претендует уже на общеамериканскую известность, на представительство своей — республиканской партии в общенациональном споре с демократами.

Эта речь интересна для выявления идейных корней рузвельтовской политической философии. Рузвельт признал за демократами лишь одно достоинство — последовательность. «На протяжении всей истории нашей нации демократы всегда оставались одним и тем же, неизменным течением». К ее основателю — Томасу Джефферсону Рузвельт испытывает неприязнь. В его изображении Джефферсон был демагогом, героем толпы, возбудителем самых низменных политических инстинктов, интриганом, врагом лучших элементов общества. Республиканскую партию Рузвельт решительно ведет от А. Гамильтона (известного своим определением народа как «большого зверя»), Вебстера и Клея. В центр своего партийного пантеона Рузвельт поместил президента Линкольна. Сомнительно, чтобы городской аристократ Рузвельт проявлял искреннюю симпатию к бывшему лесорубу из Иллинойса. Он высоко ценил в Линкольне политического деятеля, не допустившего распада американского государства (националистические нотки рано начинают звучать у Рузвельта) и сумевшего «намертво» закрепить господство индустриальных центров над всей Америкой.

Своим избирателям Рузвельт обещал и впредь продолжать дело «очищения» общественной деятельности от злоупотреблений. Он верно обнаружил нерв эпохи — отношение широких кругов американцев к всевластию монополий. Монополистическим объединениям, колоссально усилившимся к концу XIX века, противостоял блок различных сил. Пролетариат выступал против прямой эксплуатации, мелкая буржуазия и фермерство боролись за выживание, старая денежная аристократия пыталась удержать свои позиции. Рузвельт представлял интересы последней группы. Речь не шла о государственном или общественном контроле над монополиями. «Коньком» Рузвельта была «честность» — обыденно понимаемая буржуазная честность, при

которой воровство наказуемо, а эксплуатация законна.

Популярность антимонополистической борьбы позволила молодому политику из Манхаттана стать за время второго срока пребывания в ассамблее Нью-Йорка величиной национального масштаба. Этому способствовали еще два обстоятельства. Первое. В день выборов депутатов ассамблеи губернатором штата стал Гровер Кливленд, восходящая звезда демократической партии. Находясь в разных партийных лагерях, Кливленд и Рузвельт наживали политический капитал в родственной сфере — в оценке деятельности монополий. Лучи общенациональной известности, высветившие Кливленда на довольно сером фоне американской политики, бросили отсвет и на молодого Рузвельта.

Вторым обстоятельством явилось определенное «междоусобице» в верхнем эшелоне республиканской партии. Лидеры, выдвинувшиеся в эпоху гражданской войны, начали уходить с политической сцены, а их наследники еще не упрочили своих позиций. Рузвельт воспользовался этим. В «отведенное» ему в начале 80-х годов благоприятными обстоятельствами время, когда Роско Конклинг и Томас Платт еще не заняли командных постов, он сумел создать благоприятное представление о себе, имидж самостоятельного, не связанного с партийной мафией политика.

Пользуясь ослаблением дисциплины в своей партии, Рузвельт входит в контакт с губернатором-демократом Кливлендом. Тема их тайных бесед представляет острый интерес для обоих: как подорвать устоявшийся партийный механизм, чтобы «новая волна» (во главе которой каждый видел себя) могла изменить структуру власти в штате. При существующем положении дел платой за поддержку партийных боссов становились теплые местечки за казенный счет. Кливленд и Рузвельт сформировали надпартийную коалицию с целью реформы установлений гражданского самоуправления. Для этого же была создана Комиссия гражданских служб. Борьба Кливленда со своей партийной машиной — Таммани холл привела демократическую партию к расколу, что обеспечило победу республиканцев на выборах 1883 года. Рузвельт уже мог рассчитывать на продвижение по линии выборных должностей. Его манил пост спикера законодательной палаты штата. Но для этого нужно было вести политическую борьбу на значительно более

широком фронте. Если раньше покровители Рузвельта обеспечивали ему благожелательную аудиторию в сравнительно небольшом округе, то теперь следовало заручиться поддержкой многих округов самого крупного в то время в Америке штата.

Ситуация пока ему благоприятствовала. Рузвельт развернул кипучую деятельность. Но позитивной программы у него не было, а одних утверждений о своей независимости от партийных клик оказалось недостаточно. Накануне нового, 1884 года, фракция республиканцев избрала спикером некоего Т. Шерда, мелкого промышленника. Слишком гладко все шло у Рузвельта прежде, и тем сильнее был переход к отчаянию. И все-таки фортуна политики не оставила его. Новый спикер, защищаясь от обвинений штатских организаций в коррупции, направил на это дело неумную энергию молодого, самолюбивого, высокомерного и резкого Рузвельта, сделав его председателем специального комитета по расследованию деятельности департамента общественных работ. Место в кресле председателя этого комитета могло легко погубить молодого политика (на это, видимо, кое-кто и рассчитывал), но оно же могло послужить основанием для дальнейшего подъема.

Составленный в марте 1884 года доклад специального комитета выявил устрашающую картину. Куда делась честность и профессиональная порядочность работников нью-йоркского муниципалитета? Скромное место регистратора нотариальной конторы стоило претенденту 50 тысяч долларов. Но место покупали, за ним стояла очередь, ибо даже скромный клерк муниципалитета получал в пять раз больше за счет беспардонного взяточничества. Ставки росли по мере приближения к поистине «золотому дну» — департаменту налоговых обложений. Комиссия обнаружила полное отсутствие системы в определении доходов налогоплательщиков, здесь царил абсолютный произвол. Стражи закона в лице шерифов были, как свидетельствовал доклад, пешками, чье служение кошельку затмевало всякую законность. Доклад содержал и попытки обобщений, в которых говорилось, что подлинными владыками города являются неидентифицируемые силы, не склонные к соблюдению законности.

Что ждет страстного и резкого разоблачителя? Либо его объявляют патологическим мизантропом, искажающим

благородный труд чиновников и обрекают на тернистый путь, либо власть имущим приходится пойти на издержки (особенно если инспектор надежно обеспечил свои тылы) и увенчать его лаврами неподкупного служителя общественному благу. Рузвельту повезло. Хотя едва ли предложенные им реформы смогли многое изменить в продажном мире чиновничьей службы. Посадить клерков на фиксированную зарплату, дать мэру право назначать глав департаментов и снимать их в случае злоупотреблений — все это было далеко от настоящей чистки авгиевых конюшен крупнейшего в стране муниципалитета. Но Рузвельт был доволен. Неважно, что чьи-то липкие руки продолжают прятать в бюро зеленые банкноты. Он сделал свое дело и умывает собственные руки. Какова будет реакция ассамблеи, влиятельного круга горожан? От них он ждет оценки своих действий, от них зависит его политическое будущее.

Пурист в политике, Рузвельт занимает строго выдержанную классовую позицию там, где возмущение рабочего класса грозит поколебать привилегии буржуазии. В мире, по его воззрениям, царит закон естественного отбора лучших и наиболее приспособленных. Богатство создает среду, где расцветают таланты и возможности. Из обеспеченных слоев общества выходят наиболее достойные его вожди. Гегемония лучших необходима для развития науки и процветания искусств. Посредством выделения благородных и честных элементов общества будет происходить улучшение моральных и материальных условий жизни. Точка зрения Рузвельта в главном вопросе развития капиталистического общества, каким стала Америка в конце XIX века, такова: «естественному», существующему ходу событий нет альтернативы. Природа не допускает вмешательства в свои законы, она саморегулируема. Немудреная, вышедшая из социал-дарвинизма, социальная философия Рузвельта диктует его позицию в классовых конфликтах штата.

Характерным примером деятельности (как всегда бурной и полемически заостренной) Рузвельта в сфере рабочего законодательства является его борьба против ограничения рабочего дня водителей городского транспорта двенадцатью часами. Сердце либералов дрогнуло: четырнадцать часов работы — это слишком, это тяжело, это ненужным образом истощает, обескровливает рабочую силу. Рузвельт

резко выступает против. Ограничивать рабочий день — это не по-американски, это нарушает естественное, природное состояние, это, в конце концов, оскорбляет чувства гражданина, полагающегося на свободу выбора. Что ждет американское общество, если рабочие получат необыкновенные, не продиктованные природой привилегии? Этот путь ведет прямо к коммунизму и социализму. Чтобы избежать подобной деградации, нужно не допустить вмешательства в естественно складывающиеся отношения. Пусть каждый займет уготованное ему место, пусть каждый трудится и бьется в рамках закона выживания, это в конечном счете оздоровит общество.

Противников сокращения рабочего дня поддержал губернатор Гровер Кливленд, наложивший вето на законопроект о сокращении длительности рабочего дня на том основании, что тот представляет собой «классовое законодательство».

Рузвельт последовательно проводил свою классовую линию: он голосовал за антизабастовочные законы и против повышения жалования пожарникам и пенсий школьным учителям. Демонстративное презрение к людям «худшей породы» переливало через край. Все зло от агитаторов, полагал Рузвельт. В журнальной статье он отмечал, что «профессиональные агитаторы всегда обещают рабочим законодательные преимущества, которые могут быть осуществлены рабочими только за счет их личной или объединенной энергии, разумности и предусмотрительности». Борьба Рузвельта с профессиональными союзами не знала в то время никаких компромиссов.

Таким предстал Рузвельт к концу третьего года пребывания в легислатуре Нью-Йорка, строгим ревнителем буржуазной честности и непримиримым охранителем привилегий богатства. В его судьбе наступает перелом, вызванный необходимостью выбора: бизнес или профессиональное занятие политикой. Колебания разрешило стечение обстоятельств: не выкарабкавшиеся из организационных неурядиц республиканцы его штата решили делегировать молодого и отнюдь не самого влиятельного политика Теодора Рузвельта на национальный конвент республиканской партии в 1884 году. Конвент должен был избрать кандидата для участия в президентских выборах этого года. Выход на национальную арену, несомненно, разжег аппетиты Рузвельта.

Важно отметить проявление прагматизма (если не сказать цинизма) в поведении политика, чьим знаменем до сих пор была личная честность. В автобиографии есть любопытное признание. «На одном из этапов я начал верить, что передо мной лежит большое будущее и это привело меня к излишне внимательному рассмотрению каждого действия исключительно с точки зрения его влияния на это будущее. В результате я оказался бесполезным для общества, а вскоре стал противен себе». Речь идет о манипуляциях в ходе выборов на национальный конвент. Шансы были предпочтительней у его прежнего покровителя — Джейка Хесса. Изменить выбор могла лишь поддержка Джона О'Брайена, возглавлявшего партийную организацию республиканцев в штате Нью-Йорк. Внезапное «смягчение» твердой до этого позиции Рузвельта в кампании по смещению О'Брайена с поста председателя избирательного бюро обеспечило поддержку последнего. Но этого было недостаточно.

Требовалось столкнуть между собой сторонников Блейна и Ч. Артура, чтобы «независимый» Рузвельт проскользнул в заветную четверку делегатов. В час своего триумфа он произнес: «Мне нечего сказать кроме слов благодарности за оказанную мне честь. Я буду стараться наилучшим образом служить интересам республиканской партии, чтобы вы не почувствовали сожаления в вашем выборе». Более откровенными, приподнимающими завесу над кухней американской политики являются написанные через несколько дней слова: «Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог осознать злую, ядовитую ненависть, с которой ко мне относились те самые политики, которые поддержали меня из-за полученных свыше приказов». Рузвельт высказывает опасение, сможет ли он удержаться в политике, в этом море ненависти. Но уже через несколько дней перспектива действовать на общеамериканской арене улучшает его настроение. Надежды, вызванные президентскими выборами 1884 года, захлестнули амбициозного нью-йоркского политика.

Двухпартийная система сквала все здоровые силы нации, позволяя приходиться к власти лишь апробированным адвокатам капитализма. На Чикагском конвенте 1884 года основная борьба проходила между двумя претендентами: сенатором Дж. Блейном из Мэна («проституировавшим», по выражению историка Родса, свой пост спикера палаты представителей в целях добычи денег) и Честером Арту-

ром (это был истовый защитник интересов монополий и бесцветная личность). Тактика Рузвельта (а к нему присоединились «независимые», в том числе Лодж) состояла в том, чтобы сыграть на конфликте Блейна и Артура, а затем выпустить вперед «темную лошадку» — сенатора Эдмундса из Вермонта. Почему он держался за сравнительно малоизвестного Эдмундса? Видимо, сыграли роль надежды войти при менее связанном политическими узами претенденте в его личное окружение и попасть в Вашингтон.

Партия стремилась наживать политический капитал на прошлом. Президент Линкольн смотрел с огромного портрета на ораторов, превозносивших просвещенных аболиционистов, творцов индустрии, хранителей культуры из северо-восточных штатов и предприимчивых бизнесменов со Среднего Запада. Рузвельт, снедаемый честолюбием, недолго оставался в тени. На выборах председателя его друг Кэбот Лодж выступил с кандидатурой негра Т. Линча. В секунду замешательства Рузвельт провозгласил: «Великая республиканская партия, которая выдвинула в президенты Авраама Линкольна из Иллинойса, выбирает своим председателем представителя расы, право которой сидеть в этих стенах завоевано кровью и средствами, столь щедро отданными основателями республиканской партии». Искусство экспромтов, энергия, бьющая через край, сделали Т. Рузвельта заметной фигурой, хотя всерьез его не приняли и в верхний круг партийного руководства в числе партийных фаворитов он попасть еще не мог. Рузвельту оставалась лишь трибуна нью-йоркской ассамблеи.

Один из лидеров — сенатор Форейкер таким вспоминает Т. Рузвельта: «...щеголеватый выглядящий парень в очках аплодировал кончиками пальцев; волосы у него были разделены пробором посередине, коротко острижены спереди; он усиленно налегал на «р» в своем произношении. Возможно, что у него есть способности, но он отмечен неистребимым запасом неизлечимого пижонства и фантазий, которые, придет день, встретят надлежащий отпор». Пройдет время, и через двадцать три года Рузвельт и Форейкер скрестят мечи, пока же они в неравных условиях. Рузвельт не произвел на партийное руководство особого впечатления. Карикатуристы изображали его амбициозным, но слабым — бьющим голыми руками по глухой стене. Художникам нравилось пижонство своей жертвы. В плотно обле-

гающих брюках, высокой шляпе, длиннополом пиджаке изысканных линий он выглядел никчемным щеголем. Характерная улыбка еще не стала главным признаком его карикатурных изображений. Законодатель эстетической богемы Оскар Уайльд и не подозревал, что его именем называют молодого ставленника нью-йоркской буржуазии.

Предвыборная платформа республиканцев отражала интересы не готовой еще к штурму мировых рынков американской буржуазии: высокий тариф для защиты от иностранного импорта, поддержка золотого стандарта, реформа государственных служб и многое другое, повторяющееся каждые четыре года. Даже республиканская «Нью-Йорк таймс» назвала эту платформу «неискренней и бессмысленной». На конвенте неожиданностей не было. Блейн шел фаворитом и при четвертом голосовании набрал необходимое число голосов. Рузвельт, один из лидеров независимой фракции, видел, как тают ее ряды, и заранее убедился в поражении. Не осуществились его планы добиться национальной известности. Он увидел вблизи заправил своей партии, и это отнюдь не добавило почтения к ним. В письме сестре Рузвельт писал: «Голос народа может быть гласом божьим в пятьдесят одном случае из ста; но в остальных сорока девяти случаях это может быть голос дьявола или, что еще хуже, голос глупца».

Демократы, даже если они не разделяли взглядов новой политической фигуры — Г. Кливленда, увидели шанс покончить с господством республиканцев, используя их раскол. Для них наступил великий час. Четверть века партия находилась в загоне, четверть века она ждала. Атаку повели партийные публицисты. Они напомнили избирателям события последних лет: военный министр республиканской администрации, уличенный во взятке, подал в отставку; спикер палаты представителей с группой конгрессменов были замешаны в афере «Креди мобиле». В Вашингтоне под крылом республиканской администрации окопалась банда взяточников, коридоры власти заполнили всемогущие лоббисты монополий. Сенатор Хоар из Массачусетса выступил с катовским красноречием: «Моя общественная деятельность... продолжалась немногим более одного выборного срока. Но за этот краткий период я видел, как пятеро судей Соединенных Штатов ушли со своих должностей под угрозой суда за коррупцию и нечестное ведение

дел. Я видел, как председатель комиссии по военным делам потребовал удаления четырех своих помощников, продававших свои официальные привилегии выбора юношей в военное училище. Когда величайшая в мире железная дорога, соединившая два омывающих наши берега океана, была окончена, я видел, как наш национальный триумф и экзальтация обратились в горечь и позор после докладов трех комиссий конгресса, свидетельствующих о том, что каждый шаг в этом великом предприятии был связан с мошенничеством. Среди самых высоких лиц, от людей, состарившихся на общественном поприще, я слышал бесчестную доктрину, что правильным путем достижения власти в республике является подкуп при помощи должностей, созданных якобы для народа, и что подлинной целью занявших эти должности является осуществление собственных амбиций и удовлетворение личных интересов. Я слышал, что подозрения падают на доверенных лиц президента.

Демократический конвент, собравшийся в июле 1884 года в Нью-Йорке, в качестве главного козыря держал эти обвинения республиканской партии. Внутренняя проблема, проблема выбора была практически решена: Гровер Кливленд стоял на голову выше своих конкурентов. Откровенно констатировалось то, что большинство выступает не за программу Кливленда, а за осуждение коррупции.

Г. Кливленд добился номинации. Характерны слова губернатора Висконсина: «Люди любят его более всего за то, что у него есть враги». Идя к ноябрьским выборам, Г. Кливленд сумел воспользоваться расколом в рядах республиканцев. Разумеется, дело не обошлось без характерных для США разоблачений и скандалов. Политические детективы обнаружили, что лет десять назад Г. Кливленд был близок с замужней женщиной, встал вопрос об отце ее ребенка. Подобные разоблачения, умело поданные, отвратили от Кливленда часть «независимых». Рузвельт присоединился к нападкам на кандидата с подмоченной репутацией. Однако эта линия не возобладавала. Неизвестный оратор, выступая в университетском клубе, высказал весьма здравое суждение: «Из того, что я слышал, вытекает, что мистер Кливленд показал твердый характер и большие способности в общественной жизни, но его поведение в личной жизни вызывает вопросы, в то время как мистер Блейн в общественной жизни был слабым и нечестным, являясь

в то же время превосходным мужем и отцом. Я прихожу к заключению, что мы должны избрать мистера Кливленда на общественную должность, для занятия которой он имеет такие превосходные качества, и предоставить мистера Блейна частной жизни, в которой он проявил себя столь выдающимся образом». Повлияла ли эта убедительная логика на избирателей или нет, но в ноябре 1884 года Кливленд был избран президентом.

Рузвельт чувствовал себя в эти месяцы неуютно. Он давно выступал против Блейна, но из партийной солидарности не считал возможным вести эту борьбу. Некоторое время обсуждался вопрос о его баллотировании в конгресс от первого округа на Лонг-Айленде. Взвесив шансы, Рузвельт отказался. День выборов он воспринял как национальное несчастье. Победа Кливленда, поражение К. Лоджа в Массачусетсе, мрачные размышления о собственном будущем — все это вызвало духовный кризис, привело Рузвельта к мыслям о переселении на Запад. Там, в краю мужественных поселенцев, его ждет простая жизнь, перемена даст отдохновение, а оно было ему необходимо после гонки 1881—1884 годов.

Дальний Запад и Клио

МНОГИЕ годы «американская мечта» пряталась в недостижимой дали Запада, куда направлялись повозки переселенцев. К последней четверти века уже не осталось свободных земель. Тотчас же не стало того, что называли «аграрной демократией».

Со времен Томаса Джефферсона, когда свободный фермер был назван «самым ценным достоянием государства», со времен Эндрю Джексона, когда западный фермер пришел в Вашингтон, фермерская масса составляла основу буржуазно-демократического порядка. Дальнейшее развитие капитализма разрушило патриархальные устои. Владельцы крупных, наиболее продуктивных ферм, объединившись с железнодорожными магнатами, начали душить своих менее удачливых соседей. Основная культура — пшеница резко упала в цене. Еще в 1881 году за бушель пшеницы платили 1 доллар 19 центов, а в 1890 году — только 40 центов. Цена кукурузы за то же время понизилась с 63 до 26 центов. Даже «вечная ценность» — земля стала резко дешеветь. Если во время последних пионеров, осваивавших незанятые земли, за акр платили 30 долларов, то в 1890 году — менее 5 долларов. Многие фермеры топили свои жилища зерном: это было выгодней, чем продавать его ниже стоимости. В ряде мест скот уничтожали просто потому, что девать его было некуда.

Чем лучше работал фермер, тем меньше был его доход. Чем больше производилось продукта, тем дешевле он становился на рынке. Ни один фермер не мог поверить, что всему виной перепроизводство. О каком перепроизводстве идет речь, если в городах живут полуголодные рабочие, да и среди фермеров голод не был незнакомцем. Недоизводство — вот что видел разоряющийся фермер.

Кто, по мнению фермера, был его врагом? Прежде всего владельцы железных дорог, окружавшие станции элеваторами и регулировавшие закупочные цены. Тресты, устанавливавшие монопольные цены на мясо, инвентарь, технику, удобрения. Те, кто в legislatures охраняли интересы денежных воротил и ничего не хотели сделать в защиту фермерских масс.

Фермера мучил следующий парадокс: когда ему нужны были средства для покупки орудий труда и удобрений, денег оказывалось до невозможного мало — банки выдавали их под огромный процент. Когда же наступала пора реализации урожая, цены на сельхозпродукты падали, доллар становился недосыаем. Но вот урожай был скуплен оптовиками — и доллар снова начинал падать, а цены расти. Спекулянты наживали на труде фермеров огромные состояния. В ответ фермеры могли выдвинуть лишь одно требование: заставьте печатные станки выпускать больше денег, тогда не будет недостатка в долларах, цены на сельхозпродукты вырастут и фермерский труд окупится. Это было наивное объяснение глубинной болезни капитализма. Под лозунгом «больше денег, больше серебряной монеты» собрались огромные фермерские массы.

В период президентства Гаррисона на Западе и Юге быстро выросла достаточно хорошо организованная сеть фермерских союзов. Вытесняемые на засушливые плато Скалистых гор, свободные фермеры оказались в невыносимых условиях. Урожай падали, как и цены на сельскохозяйственные продукты. Невыплаченные долги по займам банкам были последним ударом. Пошли с молотка фермы Запада. Жители городов с восточного побережья приезжали, чтобы мельком взглянуть на свою новую собственность, недвижимость, политику потом разорившегося должника.

Не находя отклика ни в одной из двух общенациональных партий, фермеры выступили за создание независимого объединения. В 70-е годы возникает мощное «гринбековское» движение за суверенитет штатов, ограничение своей власти железнодорожных компаний и денежную реформу. Но сильнее оказалась вторая волна, когда отчаявшиеся фермеры 80-х годов начали массовое объединение политических усилий. В декабре 1889 года представители фермерских ассоциаций собрались в Сент-Луисе. Был создан союз под названием Национальный фермерский альянс. Преле-

тарию протянули им руку помощи. Организация «Рыцари труда» объявила о своей согласии с платформой альянса. Общие требования были таковы: закрытие национальных банков и выпуск необходимого объема бумажных денег; свободный выпуск серебряной монеты; налогообложение не должно быть таковым, когда одна группа населения наживается за счет другой части населения; железные дороги и телеграф переходят во владение государства.

Этот эмоциональный, хотя и неверно выраженный протест явился криком души миллионов американских граждан.

* * *

В сентябре 1883 года Рузвельт, получив приглашение поохотиться на бизонов, приехал в Литл Миссури, небольшое местечко в Дакоте. Ознакомившись с экономическими возможностями края, он заражается идеей заработать свой, полагающийся ему от американского бога, миллион в скотоводстве. Многоопытные (судя по разговорам) люди убеждают, что небольшая сумма, вложенная здесь, даст гарантированный барыш. Выдвигали аргументы: рынки Чикаго и Канзас-сити, близкие благодаря железным дорогам, ждут крупный рогатый скот, а вырастить его ничего не стоит, он сам поднимается на подножном корму. В следующие три года Рузвельт значительно поубавил отцовское наследство, вложив в скотобизнес более 50 тысяч долларов. Он купил два ранчо — Чимни Батт и Элхорн Ранч неподалеку от Литл Миссури и теперь подолгу отрывался от нью-йоркских дел, каждый раз уезжая на Запад с надеждой на экономическую удачу.

Бегство от городской суеты приобрело зимой 1884 года печальный смысл: 14 февраля 1884 года Рузвельта постиг двойной удар. Ночью от тифозной лихорадки скончалась его мать, Марта Рузвельт, а днем после родов умерла жена, Алиса Рузвельт. Два гроба стояли рядом в пресвитерианской церкви на Пятой авеню. В день похорон двадцатипятилетний Рузвельт записал в дневнике: «Отныне моя жизнь кончена и для радости и для печали». В колыбели лежала дочь, которой шел четвертый день, а Рузвельт уже умчался в столицу штата, в Олбани. Это было бегство от потерь, и таким же в дальнейшем было бегство в глушь

Дакоты. За исключением написанных летом мемуаров он никогда больше не упоминал о своей супруге. Они заканчивались словами: «Свет ушел из моей жизни навсегда».

Летом 1884 года Рузвельт окончательно поселился на своих землях в Дакоте. С детских лет он преклонялся перед силой, даже в жестоких ее проявлениях. Рузвельт не без восхищения повествует о бродягах и ковбоях затерянного края, а те, в свою очередь, видимо, взяли под опеку странного парня в пенсне. Прозванный «Четыре глаза», Рузвельт старательно имитировал поведение героев фольклора границы. Много у него не получалось. Он не приучился пить виски и не курил сигары. Его язык, «обогащенно-обедненный» политическими терминами, звучал странным диалектом. Неслыханные по куртуазности обороты его речи, заменявшие ругательства, стали анекдотами. Немало пересудов вызывала его одежда. Своему другу Лоджу он описывал широкое сомбреро, рубашку из бычьей шкуры с оборками, кожаные ковбойские штаны и сапоги с серебряными шпорами. Непременными деталями туалета были револьвер с перламутровой рукоятью и лучшая винчестерская винтовка. «Я думаю, что некоторые из моих друзей, обвинявших меня в элементах детских порывов в политике, были бы наэлектризованы, увидев меня мчащимся галопом по равнинам».

Не без гордости повествует Рузвельт в автобиографии, как в салуне подвыпивший ковбой приближался к нему с двумя взведенными пистолетами. Часы над его головой были уже снесены выстрелом. Внешне спокойный, «четырёхглазый» поднялся со своего места, демонстрируя покорность. Затем он сделал все, чему учили гарвардские тренеры бокса. Падая, ковбой разрядил пистолеты в потолок. Рассказы о первом убитом медведе и страшных бурях выдержаны в том же духе. Фотографируясь, новоявленный ковбой опирается на винтовку и подозрительно осматривает фотосалон, словно на охоте в прериях.

Замедленное течение жизни Запада начинает Рузвельту нравиться больше, чем суетливость городов Востока. Граница между вымышленным и истинным восхищением здесь неразличима. Правда, нужно было знать и любить суровую природу и общество пастухов-скотоводов, чтобы создать трехтомник о жизни на неосвоенных землях. Весной 1885 года он пишет «Охотничьи путешествия жителя ранчо»,

к 1893 году выходят еще два тома — «Жизнь на ранчо и охотничья тропа» и «Охотник дикого края». Книги эти отражают характер автора. Они неровны. В них есть подлинно талантливые места, прекрасные описания «дурных земель», как называли верховья Миссури. Качество снижают многочисленные повторы, отсутствие ритма, использование сомнительных источников, очевидная тяга к героизации будничного. В отличие от критики, которая в целом очень благожелательно встретила охотничий эпос Рузвельта, сам он, судя по письменным свидетельствам, отчетливо видел свои недостатки, прежде всего относящиеся к общему художественному уровню. Рузвельт, по собственному признанию, немало бился, чтобы овладеть литературным мастерством, но не во всем преуспел. Однако читатели ценили в его прозе не красоты стиля, а несомненное знание автором предмета, живость наблюдений, непосредственность тона. Отдельные эпизоды стали почти хрестоматийными в литературе о диком Западе.

Этот литературный «урожай» был, пожалуй, главным приобретением нескольких лет жизни на ранчо. Как финансовое мероприятие скотоводство окончилось провалом. Из года в год Рузвельт покупал скот, надеясь на удачу. В нем жила навеянная всем укладом грубо материальной американской жизни мечта о заработанном собственными руками состоянии. Мираж владел умами упорно, казалось, ничто не могло похоронить химеру быстрого обогащения. Золотые, нефтяные, скотозабойные и прочие лихорадки держали в напряжении все страну. Недоверчивым показывали дворцы Астора, Рокфеллера, Моргана, убеждая, что это результат вовремя услышанного зова. Отсутствие удачи квалифицировалось как признак лениности и обделенности талантами. Стопроцентный американец, если у него есть голова и руки, просто обязан найти свой миллион. Рузвельта этот миллион прельщал как доказательство своей принадлежности к касте избранных. Вопреки благоразумным советам дядюшки-банкира он налаживает «дело», лелеет надежду на буйный рост стад, на внезапный подъем цен на скот. Жизнь, как оказалось, своевольна. Сокрушительный удар по мясному животноводству Северо-Запада наносит сезон 1886—1887 годов. Летом солнце выжгло пастбища, пересохли реки, а необычайно жестокая зима добила скот. Владельцы ранчо снимались с мест и уходили

куда глаза глядят. В 1887 году Рузвельт продал свое немудреное хозяйство и никогда более не обращался к скотоводству. Он навещал Запад и в дальнейшем, но только как охотник и наблюдатель. Произошли и внешние изменения. Жизнь на ранчо огрубила сублильного горожанина, укрепила его здоровье, сделала более стабильным душевно.

Тогда же, в Дакоте, Рузвельт осваивает биографический жанр. Обращает на себя внимание выбор исторических фигур. Это Гвернер Моррис и Томас Харт Бентон — крупные, хотя и не ведущие американские политические деятели. Хронологически они следуют друг за другом, поэтому можно считать, что Рузвельт создал набросок истории Соединенных Штатов, высказав при этом свое кредо по сохранившимся актуальность вопросам. Краткое обращение к биографиям полезно как способ проникновения в мировоззрение, во взгляды Теодора Рузвельта на политику и проблемы американской жизни.

В существующем разделении американской политической жизни на два противоборствующих течения (что дало основание стабильной двухпартийной системе) Рузвельт твердо определяет свою позицию. Он на стороне федералистов*, создателей сплоченного государства, выразителей аристократического образа мышления. Рузвельт полностью отрицает заслуги демократов круга Джефферсона, в них он видит демагогов, вождей непросвещенной черни. Будущий идеолог империализма Рузвельт предлагает читателю биографий судить об их героях по преданности национальной идее и националистической политике. По его мнению, Моррис и Бентон стали героями американской истории благодаря претворению в жизнь идеи сильного государства (Моррис) и распространению экспансии этого государства на Запад (Бентон). Для Рузвельта главным достоинством политических вождей прошлого был их вклад в мировое возвышение США, а отнюдь не в разработку проектов социального совершенствования.

Гвернер Моррис, богатый нью-йоркский банкир, был едва ли не второй по значению (после А. Гамильтона — вождя федералистов, адъютанта Дж. Вашингтона) фигу-

* *Федералисты* — политическая партия в конце XVIII — начале XIX в.; выражала преимущественно интересы крупной торговой буржуазии, стремилась к усилению федерального правительства США.

рой федералистского движения, создавшего и укрепившего в 90-е годы XVIII века централизованное американское государство. Этот горожанин-аристократ (отметим невольную аналогию с самим Рузвельтом) отличался большой энергией, участвуя в процессе оформления американской государственной машины, закрепления за слоем «избранных» привилегий на управление массами номинально равных и свободных граждан. Восхищение Рузвельта вызывает «благородная отвага и высокая справедливость» Морриса, которые автор биографии называет качествами чисто американскими. В чем же выразились особые заслуги Морриса? «Он стоял за порядок. Он стоял за честный платеж долгов». На конституционном конвенте Моррис все силы бросил на создание максимально сплоченного государства, возглавляемого финансовой и торговой аристократией Северо-Востока.

Восславив творческую силу аристократов восточных городов, Рузвельт ставит их вклад в американскую историю примером общественного служения. В данном случае, как и всегда, история «работает» на политическую современность.

В меньшей степени Рузвельта интересует социальная позиция Морриса, презиравшего «массы народа, особенно в других (помимо Северо-Востока) регионах страны». Гораздо острее он воспринимает недостатки Морриса как проводника политики укрепления могущества американского государства. Главную ошибку Морриса он усматривает в недооценке значения расширения страны в сторону Миссисипи и далее, до Тихого океана. Моррис виновен в узко региональной ограниченности, «в криминальной глупости попыток обеспечить Востоку постоянное преобладание над Западом». Рузвельт как историк и проводник идеи мирового возвышения США клеймит Морриса за близорукость, за предпочтение местничества общенациональной экспансии. Моральным падением Морриса он считает отказ поддержать «партию войны» в американо-английском конфликте 1812 года.

В плане более широкого видения интересов растущего государства привлекательней для Рузвельта выглядит сенатор от штата Миссури Т. Бентон, герой биографии «Жизнь Томаса Харта Бентона». Влиятельный политический деятель первой половины XIX века, выразитель взгля-

дов буржуазии Запада, не замыкающийся при этом на собственный штат и регион, Бентон явился «провидцем» континентального и мирового возвышения США. Рузвельта восхищает в Бентоне магнетический характер его личности, сильная воля, яркое красноречие, многообразие увлечений, знание культуры городов восточного побережья и любовь к просторам Запада. Нельзя не отметить родственности натур Бентона и Рузвельта.

Политические взгляды Бентона характеризуются двумя особенностями. Во-первых, Запад должен интенсивно осваиваться и дать мощь американскому государству. Во-вторых, права штатов следует абсолютно и безоговорочно подчинить федеральному правительству. Никаких уступок в виде «нуллификации» (непринятия федеральных законов отдельными штатами — что использовалось, в частности, Джефферсоном для демократизации общественной жизни), никакого потакания внутриштатным интересам. Бентон дорог Рузвельту именно последовательностью обеспечения роста государства в целом. Рузвельт предвидел для растущей капиталистической Америки особое место в мире и этот идеал не разменивал на внутренние «улучшения».

В процессе работы над биографиями Рузвельт не только расширил сферу своих знаний и усовершенствовал стиль письма. Как будущий государственный деятель он сформировал собственное мировоззрение на основе анализа американской истории. Его захватила идея неудержимого роста США. Прошлое рассматривалось как залог будущего. Не беспристрастный судья, а рьяный идеолог выхода Америки на мировую арену склонялся, блестя пенсне, над листами своих книг.

Высшим достижением Теодора Рузвельта как исторического писателя стал четырехтомник «Покорение Запада», начатый в 1887 году по возвращению в Нью-Йорк. В известной степени он уже приобрел профессиональные навыки, набил руку. Труд предшествующих лет не пропал даром, композиция стала более стройной, стиль — более легким. Личные воспоминания о жизни на границе давали необходимый эмоциональный накал. Рузвельт поставил задачу создать обширное полотно, изображающее марш поселенцев от долины Миссисипи до тихоокеанского побережья. Работа, в которую он вложил все свои силы, растянулась

на долгие годы. Результатом явилось воссоздание картины заселения континента, осмысление процесса пространственного расширения США как части общей мировой эволюции. По критериям буржуазной исторической науки произведение Рузвельта было признано выдающимся трудом и заняло достойное место в историографии. Свежесть и яркость описания, щедрость автора на эпитеты и оценки — все это сделало книгу Рузвельта весьма успешным конкурентом ряду «более научных», но эмоционально выхолощенных произведений ученых-педантов. В четырехтомнике читатель нашел сознательно культивируемый автором пафос американизма, изображение тяжелого пути к Тихому океану как некоего крестового похода, нарочитую приподнятость в изображении обыденных явлений, несомненную героизацию жизни и деяний первопроходцев-пионеров.

Однако в важных постановочных пунктах своей концепции расширения США Рузвельт стоит ниже современной ему науки. Он не дает анализа причин, вызвавших западную экспансию, ее движущих сил. Враждебность к политической традиции левого крыла американской буржуазии периода войны за независимость приводит Рузвельта к сознательному умалению роли демократических элементов в процессе освоения Запада. Следуя своему стереотипу, Т. Рузвельт напрямую связывает федерализм северо-восточных городов с идеологией фермерского Запада. Здесь желаемое переплетается с действительным. Враждебность олигархии городских богачей более демократическим штатам запада выпадает вовсе. Исходя из своих политических пристрастий, Рузвельт создает схему их «естественного» союза, опуская факты, искажая историческую действительность, свидетельствующую о более сложных взаимоотношениях этих элементов американского общества.

Еще на одну особенность мировоззрения Рузвельта, выраженную в его исторических сочинениях, следует указать. Это определенный налет расизма. В американском «плавильном тигле», полагал он, зародилась новая раса — суровая, стойкая, гибкая, приспособленная к завоеванию необъятных просторов. Постоянная борьба с природой придала этой расе, основу которой составили англосаксы, новые ценные качества, из них Теодор Рузвельт особо выделяет индивидуализм, стремление всегда полагаться лишь на самого себя и в то же время понимание силы кол-

лектива: только объединившись, могли поселенцы рассчитывать на победу в борьбе за выживание. Освоение Запада было испытанием на прочность, за этим должно последовать мировое возвышение Америки. Расизм сказывается в отношении к индейцам, которые выступают частью враждебного окружения, одной из сил жестокой природы. Их уничтожение подается роковой предопределенностью.

Типичным для буржуазной историографии того времени недостатком, ярко проявившимся в работе Рузвельта, было полное игнорирование экономических факторов в историческом процессе. На сотнях страниц автор в эпическом стиле располагает одно явление подле другого; он не делает даже попытки показать их взаимозависимость и взаимообусловленность, выяснить закономерности безграничного хаоса событий. Рузвельт не сумел проследить зарождение государственности, процесс образования штатов, проходящий специфически в каждом из них. Грандиозная общественная трансформация — буржуазная революция в США — в его изложении теряет свой социальный смысл.

Тем не менее исторические труды Рузвельта, особенно «Покорение Запада», сыграли важную роль в его жизни, способствуя его известности как одного из перспективных национальных политиков. Рузвельт выработал для себя определенную концепцию американской истории, у него сформировались собственные представления о росте американского государства, возникновении экспансии. Время оказалось крайне благоприятным для исторических сочинений Рузвельта. Американский капитализм уже создал огромную материальную базу, он вышел на первое место в мире по основным экономическим показателям. В надстройке буржуазного общества возник некий вакуум, который следовало заполнить идеями, соответствующими новой мощи. Труды Рузвельта находились в русле усиливающейся экспансионистской идеологии. Они представляют интерес именно как вехи формирования идеологии американского империализма, утверждающей предопределенность судьбы США в качестве мировой державы.

Сам Рузвельт, который возвеличивал суровых, сильных людей Запада, приобрел многие из описываемых им качеств. Он утвердился в мысли, что самое главное — культ силы, иногда окрашенной благородством, но всегда подаваемой как основа характера — культ «первоначальной»,

«естественной» грубой силы. Возвращаясь в конце 1886 года в Нью-Йорк, приближающийся к тридцатилетию Рузвельт вынес для себя уроки суровой борьбы за существование, уроки жизни, в которой лишь верный глаз да мертвая хватка открывали дорогу вперед.

* * *

Политическая арена Америки конца XIX века была весьма своеобразной. Посредственность президентов, усердно поставляемых стране республиканской партией, не подлежит сомнению. Даже самый восторженный из американских историков не нашел бы достаточно оснований для уважительных слов в адрес Гаррисона, Артура, Гарфильда, Хейса. Водораздел между демократами и республиканцами, всегда достаточно узкий, в эти годы стал особенно неубедительным. Если Белый дом большую часть последних десятилетий XIX века являлся республиканским поместьем (прорыв сделал лишь Г. Кливленд), то в палате представителей в основном преобладали демократы. Одно время критерием партийной принадлежности пытались сделать отношение к внешнему тарифу (республиканцы выступали за тарифное ограждение национальной промышленности, демократы — за дешевые импортные товары). Однако тарифный билль Вильсона 1894 года смял и это различие. Лишь хвала и хула давно минувших лет служили делу партийного разграничения. И если в экономическом смысле наблюдался бросок вперед, то в политическом развитии страны образовался тридцатилетний застой.

Конвенты отдельных штатов, некогда (при президенте Джексоне) рассматривавшиеся как шаг в развитии джефферсоновской демократии, теперь превратились в оплот политических боссов. Избираемый ими сенат США с большим основанием назывался клубом миллионеров. Судебная система стала в эти годы особенно реакционным органом, образовавшим глухую защиту частных интересов. Рабочие союзы страдали прежде всего от решений судов, прямо отражавших волю противоположного социального полюса. Эти решения повсеместно нарушали базовые буржуазные права, записанные в Билле о правах, прежде всего право собраний, свободы слова и право на обычный судебный процесс.

В 1888 году Г. Кливленд попытался удержать за собой Белый дом еще на один срок. Его «коньком» было «справедливое законодательство». Представлявший его демократическому конвенту в Сент-Луисе оратор заявил, что главной заботой Кливленда в следующие четыре года будет «реформа, ревизия, сокращение национального налогового законодательства». Прозвучало обещание, что «привилегированный класс», который «создает законы, соответствующие своим собственным интересам», отныне будет принужден «делать взносы для удовлетворения потребностей жизни каждого мужчины, женщины и ребенка в стране». Взрыв воодушевления сделал голосование ненужным, и Г. Кливленд был выдвинут конвентом единогласно через час и пятнадцать минут после начала заседания. На этот раз рычагом «достижения справедливости» должно было стать снижение налогового бремени. В платформе демократов говорилось, что неизменно высокие налоги «обогащают немногих, которые объединились и грабят большинство наших граждан, лишая их преимуществ естественной конкуренции».

Вопрос о налогах и тарифе на импорт касался интересов влиятельной части американской буржуазии. Это было так же верно, как и то, что не налоги и не тариф вели к нищенству огромные массы населения. Снова, как много раз до того и много раз позже, острота классовых взаимоотношений оказалась спрятанной за второстепенными вопросами, подаваемыми с невероятным шумом.

Республиканцы решили отобрать президентское кресло у демократов не очень оригинальным приемом. Был использован надежный козырь — патриотизм. Согласно их обвинениям, сторонник снижения тарифов — Кливленд открывает двери в Америку английским товарам. Следовательно, он не патриот, еще более «следовательно» он куплен за английское золото. «Нью-Йорк трибюн», к примеру, звала читателей отвергнуть «эгоистические амбиции и невежество одного человека, прибившего к своей мачте флаг свободной торговли». «Филадельфия пресс» сообщила читателям, что Кливленд «более диктатор, чем Джексон и слабее интеллектуально, чем Фрэнк Пирс». Для массового читателя, чьи знания не позволяли эффективно использовать подобные исторические параллели, республиканцы доносили более доступные факты. Находящаяся в оковах

социальных проблем страна обсуждала тяготы миссис Кливленд, страдающей, мол, от пьяницы мужа.

Республиканцы в 1888 году стояли перед выбором. Кто смог бы померяться силами с Кливлендом? Новые политики проявляли активность в рядах республиканской верхушки. Стоит выделить богача Маркуса Алонцо Ханна, представлявшегося как Марк Ханна. Потомок ирландских квакеров, он прибыл в Огайо из Вирджинии. Образование его окончилось рано, так как необходимо было вести дела бакалейной лавки. Поместив нажитый капитал в перспективные дела, он завладел шахтами, заводами, банками, судами, городскими коммуникациями, газетой и театром. Затем Ханна обратился к политике.

В Нью-Йорке аналогичным деятелем стал Чонси Депью. Вандербилты сделали его главой «Нью-Йорк сентрал рейлроуд», а он, используя деньги и влияние, завязал тесные отношения с хозяевами американского мегалополиса. Как оказалось, это было опрометчиво. Республиканцы полагали, что деятеля, имеющего столь откровенные связи с миллионерами, определенно забаллотировать. Нужна «темная лошадка», человек, верный верхушке бизнеса и в то же время обладающий атрибутами народного вождя.

Такого человека нашли в Индиане. Его звали генерал Бенджамин Гаррисон. В отсутствие военных действий он практиковал в своей адвокатской конторе в Индианаполисе. Его достоинствами были генеральский чин и незаметная прежде политическая активность: он имел меньше врагов, чем другие претенденты. Оказалось, что в пользу Гаррисона работает история: представляя своего малоизвестного героя зашедшему в тупик разногласий республиканскому конвенту, представитель Индианы напомнил, что прадед Бенджамин Гаррисона подписал Декларацию независимости*, его дед был первым губернатором Огайо, прославился в битве при Типпеканоэ и в 1840 году избран президентом США. Впервые услышавшие о Гаррисоне делегаты тотчас окрестили отпрыска славной семьи «старым Типпеканоэ».

Группа боссов республиканской партии — Форейкер,

* Декларация независимости — документ, принятый конгрессом 4 июля 1776 г., провозглашавший независимость американского государства и неотъемлемые права личности (право на жизнь, свободу и стремление к счастью).

Мэтт, Кэй, Ханна в отчаянии пытались сколотить большинство. Напрасно. Шерман, Грешем, Блейн, Аллисон, Детью и Алджер поделили голоса, не имея шансов консолидировать основные силы конвента. При восьмом голосовании Гаррисон получил необходимую сумму голосов.

Его предвыборная платформа была компиляцией старых принципов республиканской партии. Главный ее пункт — высокий торговый тариф, защита американской промышленности от заграничной конкуренции. Ничего не говорилось о реальных проблемах и бедах страны; как важнейшая внутренняя мера подавалась отмена налога на спиртное и табак. Для победы над демократом Кливлендом нужно было изобразить последнего наделенным двумя грехами: как поклонника снижения тарифа, следовательно — Англии (рассчитано на отрицательную реакцию промышленников и жителей ирландского происхождения, традиционно ненавидящих англичан) и сторонника выпуска золотой монеты (рассчитано на бедных фермеров Запада, уже начавших свою отчаянную и бессмысленную борьбу за расширение выпуска серебряных денег). Демагогия, основанная на том, что снижение тарифа лишит рабочих хорошей зарплаты, буквально затопила страну.

Собранные о Гаррисоне сведения передали президенту Кливленду. Отмечалось полное отсутствие чувства юмора, узость кругозора, почти фанатический страх перед новшествами. Гаррисон, узнав о своем выдвижении, сделал невразумительное заявление, из которого было ясно лишь то, что он патриот и принимает номинацию. Республиканская машина буквально вытащила его из индианской безвестности, и эта машина не без основания рассчитывала на его полное понимание запросов власть имущих. В конторах Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго и Бостона с удовлетворением отмечали, что генерал Гаррисон ни в какие реформы не играет. Его вкладом в политический лексикон США было выражение, что «более дешевое пальто (имелся в виду английский импорт.— А. У.) означает более дешевого гражданина». Так, на волне высокого тарифа генерал Гаррисон стал «персона грата» у истинных хозяев страны.

Единственным шансом, остававшимся для гораздо менее организованных демократов, было словесное наступление на олигархию. Президент Кливленд ополчился на

«тресты», называя ими комбинации промышленников, рассчитанные на монопольное производство одного из товаров с целью поднятия на него цен. Президент утверждал, что такие махинации облегчены высоким таможенным тарифом, гарантирующим от иностранной конкуренции. Идеологи республиканизма отвечали на это, что тресты «являются преимущественно частными предприятиями и никто, включая президента Кливленда, не имеет каких-либо прав вмешиваться в их дела».

На выборах 1888 года произошел предусмотренный конституцией парадокс: за Кливленда проголосовало на 100 тысяч избирателей больше, но по выборщикам победил Гаррисон. Правило, что все выборщики данного штата голосуют вместе с большинством в данном штате, дало Гаррисону ключевой штат — Нью-Йорк (36 выборщиков). Если бы этот штат отдал все свои голоса Кливленду, то расклад оказался бы иным: 204 у Кливленда против 197 у Гаррисона.

Однако Нью-Йорк, оплот олигархии богатства, пошел за республиканцами, и результаты стали: 233 голоса за Гаррисона, 168 голосов за Кливленда.

Ради победы кошельки миллионеров открылись перед республиканцами со всей щедростью. Неслыханная по тем временам сумма — 3 миллиона долларов — была собрана в фонд республиканской партии, из этой суммы 400 тысяч пожертвованы в последнюю неделю борьбы. Доллар стоит в американской демократии немало. Куда шли эти деньги? Босс Дадли, «ответственный» за Запад, 24 октября 1888 года приказал своим приспешникам поделить колеблющихся избирателей на «пятерки» и на каждую такую «пятерку» выделить верного человека с «необходимым фондом для этих пятерых, сделать этого человека ответственным за то, что его избиратели не уйдут от урн и проголосуют за нашего претендента».

Перед урнами для голосования политики-республиканцы громко говорили о морали, о продажности ничтожных демократов, равной лишь их глупости, о процветании в будущем, о работе для всех и блокаде дешевого труда эмигрантов, а главное о тарифе, защите американской промышленности и кредо патриотизма. Неорганизованный рабочий класс Америки в основном попадался на эту пропаганду.

Готовясь к уходу со своего поста, президент Кливленд, как и многие президенты до и после него, показал, насколько он силен задним умом. В последнем годичном послании конгрессу в декабре 1888 года он обрушился на «комбинации, монополии и сосредоточие капитала», которые наживались «не только за счет упорного труда и просвещенного предвидения, но и благодаря особому благоволению правительства». Эти монополии «созданы преимущественным образом за счет несправедливых присвоений того, что принадлежит массам народа». Гровер Кливленд вошел в американскую историю еще одним златоустом, показавшим свое понимание бед страны, но способным лишь на сугубо словесное выражение своего сочувствия. Впрочем, он также памятен тем, что вотировал четверо больше биллей, чем все президенты за предшествующее столетие.

* * *

Чтобы сделать новый бросок в жизненной борьбе, Рузвельту требовалось представить убедительное доказательство своей полезности правящему классу. Вскоре представился подходящий случай. В Чикаго 4 мая 1886 года двести полицейских с применением оружия разогнали митинг рабочих на Хаймаркит-сквер. Полиция схватила восьмерых рабочих. Никаких конкретных обвинений власти ни найти, ни сфабриковать не смогли, тем не менее суд приговорил семерых обвиняемых к смертной казни, одного — к пожизненному заключению. Даже по меркам буржуазного суда того времени это было невероятное поспание элементарной справедливости.

Для Рузвельта, занятого выяснением в своих книгах исторической справедливости, происшедшее на Хаймаркит-сквер послужило поводом надеть тогу судьи современности. В публичных выступлениях и в частных письмах он обрушился на чернь, смеящую посягнуть на устои. Сестре он писал: «Мои люди (батраки на ранчо.— А. У.) упорно трудятся, это хорошие работники, получающие за свою более продолжительную работу не больше, чем многие из этих бастующих... Я полагаю, ничто не доставило бы им большего удовольствия, чем возможность двинуться с ружьями на подобную толпу... Я хотел бы иметь их под своим началом... мои люди не боятся никого и неплохо стреляют».

Для политика и историка это четкое определение жизненных позиций. Едва ли только возрастом и взрывным темпераментом можно объяснить «кровожадность» его суждений. Трудно вовсе игнорировать импульсивность Рузвельта, но в данном случае он говорил то, что думал. Им владела вполне ясная идея: использовать свои позиции в Нью-Йорке и выйти к посту губернатора штата. Губернатору крупнейшего штата открыты в США любые дороги. Этим и объясняется откровенная реакция претендента. Он не оставил сомнений в своей классовой лояльности: дай ему власть, и он железной рукой пошлет полицию против бунтовщиков.

Выход Рузвельта к барьеру губернаторской дуэли в Нью-Йорке говорит о том, что честолюбивые мысли не оставляли его в глуши Дакоты. Ближайшая же крупная политическая возможность позвала его обратно. Пауза в политической деятельности Рузвельта отчасти объяснялась еще и тем, что республиканская партия несколько сдала свои позиции в Нью-Йорке. На выборах губернатора демократам противостояла Объединенная рабочая партия. Ее кандидат — Генри Джордж был автором книги «Прогресс и бедность», где с мелкобуржуазных позиций критиковал капитализм. Демократы выставили некоего А. Хьюита, игравшего на обывательском страхе перед «грядущим анархизмом». В этой обстановке, когда основная масса избирателей пошла за демократической партией, выдвижение третьего претендента было делом обреченным. Все же республиканцы не хотели отступить без борьбы. Они вспомнили о Рузвельте.

Рузвельт откликнулся сразу. Его не смущала мысль о проигранной с самого начала борьбе. В октябре 1886 года он включается в предвыборную гонку, словно его шансы на выдвижение превосходны. Прежде всего решено было использовать ошибки конкурентов. Г. Джордж своим радикализмом практически лишил себя шансов. Но и А. Хьюит с его бледными талантами явно не покорило воображение избирателей. Рузвельт действует так, как потом будет действовать всегда. Во-первых, он «ничейный кандидат». Он ни от кого не зависит. Его слова и мысли — собственное достояние, а не подсказка партийных дельцов. Во-вторых, ко всему следует подходить с моральной точки зрения: нет объективных проблем, нет классовой борьбы, есть лишь

выбор честного человека. В-третьих, в конкурентах нужно изобличать ставленников темных сил. Демократы представляют злокозненный Таммани холл, Объединенная рабочая партия — фанатиков-анархистов.

Главным вопросом кампании, поставленным популярной книгой Джорджа, был вопрос о богатых и бедных в современном обществе. Хьюит проповедовал умеренную филантропию. Роль защитника индивидуальных усилий как панацеи взял на себя Рузвельт. Обитателям нью-йоркских трущоб он внушал, что лишь «упорная индивидуальная самопомощь» может вывести их из бездны нищеты. Его объяснения достойны цитирования: социальные беды «не могут быть разрешены при помощи законодательства, это все равно, что принять акт об отмене закона гравитации». Программа Рузвельта не привлекла ни тех, кому он советовал надеяться на себя, ни тех, кто в традиционной платформе Хьюита видел более надежное средство против социальных эксцессов. На выборах победил А. Хьюит.

После поражения на выборах 1884 года Рузвельт скрылся в глуши Дакоты, теперь незадачливый кандидат в губернаторы отправился в Англию. В первом случае Рузвельт бежал от тяжести утрат, новое путешествие сулило радость: на борту корабля с ним была невеста. В декабре 1886 года в Лондоне Т. Рузвельт женился на своей давней знакомой Эдит Карроу. С ней он прошел основную часть своей жизни. В порыве откровенности, характерном для Рузвельта, он критически оценивал себя в качестве супруга: «Временами я был бездумным и эгоистичным». О второй жене Рузвельта известно, что она обладала как лучшими из качеств — добротой, мягкостью, ясным умом, так и переменчивостью настроения, требовательностью, переходящей в капризность, ради меткого замечания была способна обидеть человека. Сам Рузвельт испытывал на себе язвительность ее суждений. Современники отмечали в Эдит Карроу Рузвельт «скорее наблюдателя, чем участника» дел своего мужа. У них росла большая семья. Помимо дочери от первого брака у Рузвельта появились трое сыновей и дочь.

Зимой 1886—1887 годов Рузвельты путешествовали по Европе. Наибольшее впечатление произвела Северная Италия: стрельчатая громада миланского собора, храмы и дворцы Венеции. Рузвельт признавался, что его душе импонирует именно то, что он называет широтой, силой, вели-

чем, пусть даже варварским. Рузвельты пробыли в Европе до конца марта 1887 года. Во второй части пути главными пунктами были Париж и Лондон. Столица Англии блистала талантами, прежде всего политическими. В моде были идеи расового превосходства англосаксов. Социал-дарвинизм переживал на Британских островах пору своего расцвета. Американская политическая элита явно стремилась подражать Лондону.

В Нью-Йорк Рузвельт прибыл готовым к новому броску в жизненной борьбе. В эти годы происходит его сближение с восходящим политическим светилом — Генри Кэботом Лоджем. Их дружба основывалась, видимо, на принципе дополнительности. Там, где Рузвельт без оглядки бросался в политическую схватку, Лодж хладнокровно выискивал обходной путь к успеху. Восторженности Рузвельта противостояла осмотнительность Лоджа. Рузвельт был склонен к изменениям своих взглядов, гордостью Лоджа являлось их постоянство.

Но было главное, что их роднило. Увлечение геополитикой. Вера в мировое предназначение США. История — разделяемая обоими страсть, но в ней их привлекает основное: для отдельных наций бывает в историческом процессе звездный час, в конце XIX века такой час должен наступить для Америки. Сходясь в этом, два политика заключили негласный альянс. Тридцать с лишним лет они помогали друг другу. Это обстоятельство многое значило в их восхождении на политический Олимп.

* * *

На выборах в конгресс 1890 года демократы одержали внушительную победу. Фермерский альянс, назвавший себя Народной партией, контролировал приблизительно 44 члена конгресса и пять легислатур отдельных штатов. В тревоге республиканцы смотрели на своего ставленника в Белом доме. Б. Гаррисон не проявил особых талантов, и его большое турне по Югу и Западу, организованное ради изменения грозных политических тенденций, лишь подтвердило его несостоятельность. Нью-йоркские газеты отмечали, что он «номинальная глава» своей партии. Теперь географические границы четко совпадали с политическими пристрастиями: Запад и Юг объединились против Востока. Впер-

вые за многие десятилетия на американском политическом горизонте к президентским выборам 1892 года обозначались контуры третьей партии. Лидеры популистов*, учившиеся в сельских школах, выпускавшие полуграмотные газетные листки, добились выдвижения в конгресс за счет массовой базы — обнищавшего, обездоленного фермерства. Реакцией благополучной Америки было презрение, насмешки, издевательства. После неудачных попыток завоевать сочувствие влиятельной аудитории деятели аграрного популизма поняли, что их исторический шанс — в единении. Так, 19 мая 1891 года в Цинциннати собрались 1400 делегатов, чтобы официально провозгласить образование Народной партии Соединенных Штатов Америки. Идейная платформа называлась «прогрессивной».

Это было пестрое скопление недовольных. К движению присоединились суфражистки и борцы с алкоголем. Неорганизованное движение обрекало себя на политический неуспех. Засилье мелкобуржуазных прожектеров не давало выявиться ясному социальному чутью пролетариата и обездоленного фермерства.

Радикальные слои народной партии с надеждой смотрели на растущее движение городского пролетариата. Политические стратеги этой ориентации считали возможным объединить рабочих, сражавшихся за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, с фермерами, задавленными долгами и страдающими от низких цен на сельскохозяйственную продукцию. Шли поиски «общего знаменателя» для этих двух групп населения: составляя большинство, они владели мизерной частью богатства Америки.

Не на шутку встревоженные, власть имущие постарались всеми силами предотвратить союз рабочих и фермеров. Весьма умело они использовали ряд обстоятельств. Во-первых, не потерявший силы этнический фактор. Фермеры были преимущественно англосаксонского происхождения, в то время как среди городского пролетариата постоянно увеличивалась прослойка эмигрантов из Центральной и Восточной Европы. Во-вторых, различие в непосредствен-

* *Популизм* — американское массовое политическое движение конца XIX в., связанное с процессом разорения фермерства, призывавшее к «власти большинства», к противодействию банкам и монополиям. В более широком смысле — обращение к народным массам, основанное на преимущественно эмоциональных началах.

ных целях движения. Рабочие требовали зарплаты, не заботясь о том, в каком — бумажном или металлическом выражении она последует. Фермеры же настаивали только на серебряной монете. Их врагом было золото.

Наступило решающее время. Республиканцев Гаррисона солидно поддерживал крупный капитал Северо-Востока. Они называли себя прогрессивными, ибо обещали построить трансокеанский канал в Никарагуа, создать большой торговый флот, укрепить гавани. Именно их — ирония американского политического лексикона — обвиняли в патернализме соперники-демократы, стоявшие за строгий индивидуализм. Как личность президент-республиканец Гаррисон не вызывал симпатий даже у ближайшего окружения. Выдвинуть такого претендента еще на четыре года означало бы, считали наиболее дальновидные партийные функционеры, «покончить с собой с самого начала». Но Уолл-стрит был доволен невзрачной фигурой в Белом доме.

В июне 1892 года в Миннеаполисе открылся республиканский конвент. Председательствовал сравнительно малоизвестный тогда У. Маккинли. Политики от капитала создали 9 июня конференцию сторонников переизбрания Гаррисона. Практическое единодушие «денежных мешков» предопределило состоявшееся на следующий день голосование. Гаррисон не встретил конкуренции. Но этим выбором республиканская партия поставила себя в очень уязвимую позицию. Страна кипела от возмущения, а безликий претендент отнюдь не вызывал надежд на изменения. Впрочем, выработанная на республиканском конвенте платформа к изменениям и не призывала. Осевая ее идея — протекционизм, защита американской индустрии от заграничной конкуренции. Воспевалось «процветающее состояние страны». Во внешней политике подтверждалась приверженность «доктрине Монро» — сосредоточенность на отношениях со странами западного полушария. Обещалось создание большого торгового флота. Важным новшеством явилось обещание увеличить военно-морской флот «для защиты чести» американского флага. То был голос формирующейся экспансионистской фракции.

В демократической партии лидером вновь стал Гровер Кливленд. Обличитель злоупотреблений трестов не имел особых конструктивных предложений, но одно то, что олигархия ненавидела его, влекло к нему массы низших слоев

общества. Если крупный бизнес против него, значит он достаточно хорош для жертв бизнеса.

Кливленд сознательно поддерживал подобную точку зрения. После президентства 1885—1889 годов он редко выступал. Главной темой его речей была «подлинная демократия» — понятие, в которое поденщик с Запада и лавочник с восточного побережья вкладывали каждый свой смысл. Будучи умелым политиком, Кливленд изображал свою деятельность как борьбу честного представителя народа против политических махинаторов. На рассвете 23 июня 1892 года голосование на Чикагском конвенте показало преобладание Кливленда. Он в третий раз повел за собой демократическую партию. И в третий раз демократическая партия, претендовавшая на отношение к себе как защитнице угнетенной части страны, пошла за политиком, который не ставил перед собой никаких иных задач, кроме укрепления существующего строя.

Что обещал избирателям Г. Кливленд? Закрывать дорогу в Америку китайцам и прочим бродягам со всего мира, отстранить заключенных от выполнения общественных работ. Все эти меры должны будут поднять заработную плату американских рабочих. Такая с позволения сказать социальная программа дополнялась обещанием построить канал через Никарагуа и принять в состав штатов Нью-Мексико и Аризону. В пику антиалкогольному уклону республиканцев демократы стояли за терпимость. Теперь избирателям предлагалось решить, кто — Б. Гаррисон или Г. Кливленд — лучше. Для огромного большинства «оба были хуже». Но выбирать надлежало только между ними. Созданная отцами-основателями система работала без сбоев.

Народная партия собрала свой конвент в Омахе. Это было типичное «западное» сборище, изобиловавшее эмоциями и бравадой, но лишенное серьезной организации. Надо всем витала проблема «дешевых», доступных денег. Запад требовал за свою пшеницу и мясо звонкую серебряную монету. Пожалуй, наиболее примечательной была критика республиканской и демократической партий. С полным на то основанием указывалось, что они «глухи к крикам ограбленного народа», «нация находится на грани морального, политического и материального краха... продукты труда миллионов нагло похищены ради создания

колоссальных состояний немногих, это явление не имеет прецедентов в истории человечества». После таких обличений требование свободной чеканки серебряных денег звучало едва ли не оскорблением здравого смысла. Неудивительно, что, несмотря на страстную критику существующего порядка, народная партия не получила массовой поддержки.

Рабочий класс Америки летом 1892 года показал свое отношение к «золотому веку» буржуазного господства. В Хомстеде (близ Питтсбурга) состоялась забастовка рабочих сталелитейных заводов Э. Карнеги. В те же дни страна следила за борьбой шахтеров в Айдахо. На подавление их выступления президент Гаррисон послал солдат федеральной армии. В схватках погибло более двухсот человек. Через неделю всеобщее внимание привлек Теннесси. Здесь рабочие-металлурги сражались с наемниками хозяев. Газеты сообщали о выступлениях нью-йоркских железнодорожников. В четырех крупных штатах существовало практически военное положение.

Нет сомнения, что демократы сумели воспользоваться недовольством рабочих и частично повернули социальный протест в нужное для себя политическое русло. Популистский лидер — генерал Вивер показал свою силу, поведя за собой массы в Колорадо, Айдахо, Канзасе, Неваде и Северной Дакоте. Но основные голоса снова поделили между собой республиканцы и демократы. Кливленд получил голоса 277 выборщиков, Гаррисон — 145, Вивер — 22. Все же обнаружился важный политический факт: за генерала Вивера голосовало более миллиона человек. Отмечая рост антимонополистических настроений, газета «Нью-Йорк трибюн» предсказала на будущее «большие и глубокие несчастья для промышленности и торговли».

Для Г. Кливленда наступило время вспомнить о тех высоких словах, которые он произносил, уходя с поста президента в 1888 году. Что же услышали от него соотечественники в марте 1892 года? Оказывается, ничто не может быть «более жизненно необходимым», чем здоровая валютная система. Президент осудил «сумасшествие гонки за постами», пообещал сократить налоги, снизить тариф. Уверенность в себе и предприимчивость в бизнесе снова станут «лучшими чертами американского характера, который помогает реализовать американскую мечту». Итак, дело

уперлось в валютную политику. Морализаторская высокопарность речи нового президента не скрывала отсутствия у него социальной программы. Вернувшись после четырехлетнего перерыва к власти, демократ Г. Кливленд предпочел забыть радикализм своих прежних речей.

Верховный охранитель социального порядка в стране — Кливленд был заинтересован в людях, стремящихся изменить неблагоприятное впечатление о Вашингтоне как месте дележа политической добычи, месте политических расчетов с помощниками по предвыборной борьбе, во главе глядящими на федеральные синекуры. Этим объяснялся интерес Г. Кливленда в сохранении Т. Рузвельта (проявившего себя «борцом со скверной коррупцией» во времена Гаррисона) на посту члена комиссии по государственным должностям.

Экономический кризис 1893 года обрушил на администрацию задачи, для решения которых у нее попросту не было сил. Уже в первой половине года число банкротств превышало все прежние рекорды. Сотни тысяч рабочих лишились своих мест. Администрация оказалась между двух огней: восточные банкиры требовали «ради оздоровления экономики» придержать кредит, а разоренные фермеры Запада требовали увеличения денежной массы, пуска в обращение серебра. На большом митинге в Криде — новом городке серебродобытчиков штата Колорадо — были приняты резолюции, призывающие к разделению Соединенных Штатов на «Западный департамент» и «Восточный департамент» с собственными президентами и конгрессами в каждом. Шли разговоры о союзе Запада с Мексикой и Латинской Америкой, готовыми поддержать серебряное обращение. В полную ярость сторонников серебра привел отказ от импорта этого металла из Индии. Сенатор Пеффер из Канзаса говорил всем и каждому, что это лучшее доказательство союза «миллионеров и ростовщиков Старого света с сообщниками-банкирами и монополистами Уолл-стрит».

Слов воинственных в эти месяцы было сказано немало. Голос народа должен быть сильнее голоса золота — так звучал популярный рефрен. Голосование в конгрессе 28 августа 1893 года за закон, предусматривающий свободную чеканку серебряной монеты, продемонстрировало недостаточность сил сторонников серебра: 108 против 239 в палате представителей. Отчаявшись, они перенесли слова-

сную битву в сенат. Все рекорды выступлений побил «рыцарь серебра» сенатор Джонс из Невады. Начав свою речь 14 октября, он окончил ее 30 октября. Он потерял голос, ноги отказались ему служить, но соратники подхватили знамя, и «борьба» покатила дальше. Трагедия стала превращаться в фарс. Классовое угнетение, породившее протест, обернулось несправедливым словоизлиянием. Золото или серебро? Вот к чему был сведен классовый антагонизм.

Разочаровавшись в бессмысленной битве политиканов, труженики Америки ответили массовыми выступлениями. Г. Кливленд организовал в Чикаго грандиозную выставку («Белый город»), посвященную четырехсотлетию открытия Колумбом Америки. По завершению выставки в 1894 году многие тысячи ее строителей и те, кого она привлекла со всех концов страны, влились в ряды рабочих, выброшенных на улицу кризисом 1893 года. Нашелся талантливый лидер, прежний гринбекер *, а ныне популист, некто Кокси.

Обладая недюжинными организаторскими способностями, Кокси создал организацию — «Армию братства Христового», утверждая, что ведет за собой не менее 100 тысяч человек. Он потребовал от конгресса выпуска дополнительной массы бумажных денег с тем, чтобы строить общественные дороги. «Армия» двинулась на Вашингтон. Столицу охватила паника. На ее охрану встали регулярные войска. Кокси и его «штаб» были арестованы, как только они появились в Вашингтоне. Палаточные городки «армии» еще некоторое время сиротливо стояли в окрестностях столицы. Как демонстрация поход Кокси до некоторой степени, может, и удался, но как политическая акция он явно провалился.

И все же здоровые зерна отделялись от плевел. В борьбу вступила вооруженная передовыми идеями века гвардия пролетариата, возглавил которую рабочий агитатор Юджин Дебс.

Ю. Дебс вырос в семье немецкого эмигранта. Он стал фигурой национального масштаба, когда организовал в 1894 году Американский союз железнодорожников, контролирувавший 24 железнодорожные компании. Этот профсоюз

* *Гринбекер* — участник массового политического движения разоряющихся фермеров, выступавших с требованиями для решения всех проблем печатать больше денег (от англ. green-back — «зеленая обложка», т. е. доллар).

объединял 150 тысяч рабочих. Когда профсоюз восстал против массовых увольнений на пульмановских заводах, хозяин — мистер Пульман ответил забастовщикам, что лишь он может решать, кто и как будет работать. Тогда пролетариат Америки показал свою силу. Союз железнодорожников обратился к своим братьям по классу во всей стране с призывом поддержать чикагскую забастовку. Пульмановские вагоны замерли на рельсах. В десятках городов произошли столкновения рабочих с администрацией и полицией. Организация «Рыцари труда», проявив классовую солидарность, пригрозила предпринимателям всеобщей общенациональной забастовкой. Закрылись фабрики и шахты, прекратился подвоз продуктов.

Президент Кливленд обрушил всю силу федеральной машины на забастовщиков. Ю. Дебсу и его товарищам 2 июля 1894 года предписанием суда было запрещено вторгаться в «миссию правительства» — доставку почты в почтовых вагонах. Три тысячи штрейкбрехеров взошли на паровозы. Но рабочие перекрыли железнодорожные пути. События в Чикаго стали напоминать сцены гражданской войны. Власти затребовали военную помощь. Военный министр приказал командующему округом генералу Майлсу ввести в дело регулярные войска. Еще через несколько дней, 9 июля Кливленд указал на общенациональный масштаб стачки и потребовал ее пресечения. Под видом охраны почтовых вагонов войска блокировали вокзалы и пути. Для рабочего класса Америки пульмановская забастовка была шагом к пониманию той истины, что суды, капитал и федеральное правительство действуют заодно и что их общая цель — эксплуатация рабочих. Хозяева страны были напуганы, тем более, что параллельно шла радикализация фермеров. Такой — расколотой классовой борьбой — подошла Америка к концу XIX века.

Идеолог империализма

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ из Европы Рузвельт ищет известности то в скандале, то в исторических опусах, то в проявлениях непомерной воинственности. Вначале он обличает лицемерие издателя популярного журнала «Нейшн» Э. Годкина, затем поносит гражданские назначения потерпевшего поражение в 1888 году президента Г. Кливленда, наконец, обращается к военному министру с просьбой о предоставлении ему права набрать волонтеров и наказать нарушителей американо-мексиканской границы. Его явно сжигает честолюбие. На недоуменные вопросы Лоджа Рузвельт отвечает: «У меня нет ни малейшей идеи относительно того, где могут возникнуть беспорядки, но по мере того, как шансы сделать что-либо стоящее в будущем уменьшаются, я намерен браться за любую подворачивающуюся возможность». Эти порывы так бы и остались лишь вехами его психологической эволюции, но в Соединенных Штатах конца XIX века выросли политические силы, проповедующие мощь и экспансию, а потому нуждающиеся в лидерах типа Рузвельта.

В начале 1889 года республиканцы отвоевывают у демократов Белый дом. Президентом становится Б. Гаррисон, государственным секретарем — Дж. Блейн.

Рузвельт страстно желал служить помощником госсекретаря. Но Блейн, которого он прежде обличал, хладнокровно отвел его кандидатуру. Казалось, что впереди тупик. Потребовалось вмешательство ряда приближенных к президенту лиц, в частности спикера палаты представителей Т. Рида, чтобы Рузвельт получил пост в комитете по гражданским должностям. Руководящая работа в комитете по гражданским должностям давала многое. Комитет мог контролировать процедуру новых назначений и бороться с коррупцией. Это был превосходный наблюдательный

пункт, откуда просматривались все «кривые тропы» к высшим государственным должностям.

Работа комитета заключалась в определении правильности федеральных назначений, в оценке законности действий аппарата буржуазного государства. Рузвельт входил в руководство комитетом на протяжении шести лет — с 1889 по 1895 год. Для него эта служба была крайне полезной. До сих пор Рузвельт занимался проблемами на уровне штата. Теперь ему открылась общенациональная арена, представилась возможность адаптации к государственным масштабам. Уже на пути в Вашингтон Рузвельт обнаруживает «замечательное» качество менять убеждения, стиль поведения, политическую окраску. Приход Рузвельта в столицу ставит его поклонников в трудное положение. Ценители «безукоризненной честности» молодого политика не могут не признать факта его полной беспринципности при достижении заветной цели. Оставалось надеяться, что, получив место в одном из контрольных органов, Рузвельт приложит силы для своей реабилитации.

Еще в легислатуре Нью-Йорка Рузвельт выбрал своим коньком борьбу с очевидными грубыми нарушениями законодательства ради укрепления всего буржуазного правопорядка в целом. В федеральном комитете он старался действовать подобным же образом, гневно осуждая косных законодателей, существование тайных политических блоков, мошенничество, утрату принципов. Был ли он Дон-Кихотом или играл в него? Скорее, верно второе.

Судя по всему, в сознании формирующегося политика уже окрепло убеждение, что исправить этот мир невозможно, значит, остается воспринимать его таким, каков он есть.

Рузвельт скоро убедился, что «маленький седой человек в Белом доме смотрит на разоблачения с холодным неодобрением». Холодность президента Гаррисона не обещала приближения к себе, и Рузвельт поостыл в своем рвении. Для слепых правдолюбцев и потомков он оставил короткую запись: «Президент не оказал нам поддержки ни на йоту». Проклиная втихомолку Б. Гаррисона, в ходе президентской кампании Рузвельт публично произнес немало горячих слов в поддержку своего президента, превознося его реальные и мнимые достоинства. И все же

дела говорили сами за себя. Некоторые разоблачения, осуществленные комитетом Рузвельта, явились ударом по Гаррисону и руководству республиканской партии. Тем самым они содействовали поражению Гаррисона и новому приходу в 1892 году в Белый дом демократа Г. Кливленда, давнего нью-йоркского знакомого Рузвельта.

Вопреки прежним заверениям в партийной преданности Рузвельт пожелал остаться на федеральной службе и при президенте-демократе. Через своего нью-йоркского покровителя — генерала Шурца он добился согласия Кливленда оставить его в комитете по гражданским должностям. Настойчивость Рузвельта объясняется политической выгодностью занимаемого им положения. Деятельность в комитете представляла исключительные возможности для установления важных политических связей, приобретения политического капитала.

Свой дом в Вашингтоне на Коннектикут-авеню Рузвельт постарался сделать клубом молодой элиты. Три-четыре раза в неделю у него собирались влиятельные гости. Как пишет один из современников, «это были преимущественно те, кто высоко котиrowался в мире политики, но присутствовало также немало беллетристов и представителей науки, так что создавалось необходимое и приятное разнообразие». Кроме Кэбота Лоджа, к числу друзей-единомышленников Рузвельта принадлежали историк Генри Адамс, будущий президент Уильям Говард Тафт, спикер палаты представителей Томас Рид, будущий госсекретарь Джон Хэй, английский дипломат Сесил Спринг-Райс. Их объединяла экспансионистская точка зрения на роль Америки в мире будущего.

Вдохновленные творчеством Редьярда Киплинга, благословлявшего «нести бремя белого человека», они мечтали о мировом господстве Америки. Правда, познакомившись лично с Киплингом, Рузвельт несколько в нем разочаровался: писатель с откровенным презрением отозвался о Нью-Йорке. Восхищение идеями мировой аристократии тускло в глазах Рузвельта, когда к этой аристократии не причисляли его самого. Но в конце концов родственные натуры сошлись, и Киплинг в порыве добрых чувств посоветовал ему оставить политику и занять место в британской колониальной администрации, где его ожидает великое будущее.

Исполнение Рузвельтом своих прямых функций в комитете по гражданским должностям было по большей части бесплодным. В конгрессе дело о новом законодательстве в этой сфере не дошло даже до голосования. Рузвельт, однако, получил аванс на будущее от прогрессистски настроенных кругов правящего класса, считавших крайне недальновидным игнорировать рост общественного движения, выход на арену американской истории рабочего класса, объединяющегося в профессиональные союзы.

Классовая борьба в 90-е годы заставила определенную часть буржуазии добиваться уступок, целью которых было создание видимости прогресса в социальной сфере. Одной из таких мер явилось принятие в 1894 году закона о налогообложении, согласно которому обладатели высоких доходов должны платить относительно больше, чем малоимущие (в этот момент в обеих палатах конгресса преобладали демократы). Автор нового налогового законопроекта отстаивал его необходимость под тем предлогом, что он «уменьшит антипатию, существующую ныне между классами», позволит избавиться от «жалоб, которые находят выражение в насилии, угрожающем самим основаниям всех наших институтов». Однако даже эти примитивные «социально-успокаивающие» меры были встречены в штыки. Член палаты представителей из Массачусетса Дж. Уокер заявил, что «подходный налог забирает богатство у процветающих и предприимчивых и отдает его слабым и ленивым». Сенатор от Огайо Шерман поставил все точки над і: «Эта попытка натравить бедных против богатых представляет собой социализм, коммунизм, дьяволизм».

Реакционеры не смогли заблокировать эту слабую реформистскую меру в конгрессе и обратились к другому рычагу своего классового господства — Верховному суду. Пятью голосами против четырех суд объявил закон не соответствующим конституции. «Нью-Йорк трибюн» писала: «Благодаря суду наше правительство не вовлекли в коммунистическую войну против права собственности». Так даже робкие попытки буржуазного реформизма были отринуты властью имущими.

Объективно протекавший процесс монополизации создавал гигантские тресты, могущество которых превосходило мощь любой формы элиты домонополистической

эпохи. Тресты через своих адвокатов и политических креатур оказывали давление на представителей власти всех уровней — от местного до федерального. И это стало угрожать стабильности всего государственного механизма. К концу 80-х годов обе главные американские партии отреклись на словах от трестов. В республиканской платформе 1888 года значится: «Мы объявляем о своей оппозиции всем комбинациям капитала, организованным в виде трестов». Демократы не отставали. «Интересы народа преданы, когда позволено существовать трестам». Высокопарная и пустая риторика не могла скрыть того факта, что за спиной обеих партий стояли столь «презираемые» могучие тресты. Подстраховывая стабильность капиталистического строя, конгресс США принял в 1890 году антитрестовский закон Шермана. Сенатор Дж. Шерман мотивировал его так: «Существовали монополии и прежде, но никогда они не были столь гигантскими, как в наши дни. Мы должны ослабить их влияние или приготовиться к социализму, коммунизму, нигилизму».

Сказать, что эта законодательная инициатива выбила из рук трестов оружие, значит оскорбить истину. Именно в 1890—1910 годы рост трестов был колоссален. В этот период увеличилась роль банкиров, выступивших координаторами концентрации богатства. Наиболее выдающимся «координатором» явился Джон Пирпойнт Морган. Президенты не могли чувствовать себя выше того положения, какого достиг Морган на Уолл-стрит, на нью-йоркской фондовой бирже.

К концу XIX века «вершителям судеб» стало ясно, что вовсе необязательно иметь в одних руках 100 % стоимости компании, вполне достаточно 45—60 %. Началось несколько замаскированное расползание компаний вширь. Буржуазные идеологи уже тогда говорили о «спасительности» акционерного общества. Это был прием, рассчитанный на уход в тень, на маскировку тех, кто является непосредственным эксплуататором, на ослабление социального давления. Суть оставалась прежней: американская жизнь определялась узкой группой трестов. С целью обеспечить политическое прикрытие тресты обращались к сонму более или менее продажных политиков. Знаменитый журналист Линкольн Стеффенс делился своими мрачными наблюдениями: «Я все время пытался

проследить источники политической коррупции в городских центрах. Поток коррупции направлялся в самых неожиданных направлениях и распространялся в столь сложном хитросплетении вен и артерий, что трудно было поверить, что хоть одна часть политического организма здорова. Поток шел от политики к предосудительным занятиям и преступлениям, из политики в бизнес и обратно в политику. Огромные артерии пересекают границы штата и охватывают всю нацию. Коррупция наших американских городов носит прежде всего политический характер, но финансовый и индустриальный тоже... Эта система господствует над страной».

Вопрос о трестах волновал все слои общества в США. Жертвы призывали обуздать монстров современного мира, адвокаты монополий связывали с ними весь прогресс человечества. И миллиардерам не чужд был дух диспута. В статье «Евангелие богатства» (1886 г.) сталепромышленник Э. Карнеги убеждал массы американцев, что растекшееся по карманам мелких предпринимателей золото бесполезно для общества, тогда как объединенное в одних руках оно послужит основой меценатства, будет покровительствовать моральному и идейному прогрессу. Классовый вопрос разрешится, когда миллионеры получат возможность планомерно финансировать все духовное развитие общества: создавать библиотеки, строить храмы науки и религии и т. п. «Таким образом индивидуализм сохранится, а миллионер станет лишь доверенным лицом бедняков», — писал Э. Карнеги.

Менее наивно и более эффективно с точки зрения подрыва антитрестовского фронта велась пропаганда реформистскими лидерами Американской федерации труда (АФТ). Здесь полагали, что крупные компании — благо для рабочих, так как они обеспечивают большую (по сравнению с мелкими предприятиями) устойчивость занятости и заработной платы. В 1890 году бесшумный глава АФТ Сэмюэл Гомперс заявил: «Нам нечего бояться объединений. Это дело мелких производителей бороться с трестами». Рабочим внушалось, что с нападками на тресты усилится давление на частную инициативу и рухнет американская мечта о ждущем каждого миллионе долларов.

Несмотря на оппортунизм верхушки руководства Американской федерации труда, делегаты съезда АФТ в

1899 году приняли следующее дополнение к докладу президента АФТ: «Съезд призывает профсоюзы Соединенных Штатов и вообще всех рабочих внимательно изучить развитие трестов и монополий, имея в виду их национализацию».

Динамичная натура Рузвельта протестовала против застоя, характерного для деятельности федерального правительства США в конце XIX века. «Терять время» честолюбивый нью-йоркский политик не хотел, стремясь к должностям, где мог бы проявить свою энергию, реализовать все способности. Весной 1895 года Рузвельт принял предложение мэра Нью-Йорка и занял пост главы полиции этого города.

Как обычно, он рьяно взялся за новое дело. Два года службы ознаменовались борьбой с самыми одиозными вымогателями и взяточниками, очищением аппарата полиции от явных связей с преступным миром, попыткой проведения кампании закрытия питейных заведений по воскресеньям. Последнее ему не удалось: доллар и на этот раз оказался сильнее закона. Любители спиртного, имевшие деньги, не страдали от «сухих» воскресений, поскольку запрет на продажу алкогольных напитков не распространялся на владельцев баров при дорогих отелях. Но самое главное то, что теперь ни у кого не было сомнений в истинной сущности Рузвельта. Находясь на этом посту, он показал себя неутомимым и последовательным защитником буржуазного правопорядка. Рузвельт охотно использовал полицию при решении даже обычных трудовых конфликтов. Несмотря на радикальный характер своих речей, он всегда оставался верен своему классу, его идеологии.

Для Рузвельта лично это был тяжелый период жизни. Конкурирующие политические силы стремились использовать полицию в своих интересах. Чтобы не оказаться пешкой в их руках, Рузвельт вынужден был маневрировать. «Весь день, — писал он, — я пытаюсь продвинуть свои дела; сохранить хорошие отношения с мэром, избегая при этом советов и отказываясь подчиниться его приказам; не позволить вовлечь себя в личную ссору с Платтом (босс республиканской партии в Нью-Йорке. — А. У.); избежать раскола среди моих коллег и раскола между ними и мной; сотрудничать с реформистами типа Паркхерста и все же

не связывать деятельность департамента с ними; делать нечто полезное из испорченных людей...». Ежедневные, заранее обреченные на неудачу усилия подорвали даже природный оптимизм Рузвельта. В его письмах зазвучали мотивы усталости, неудовлетворенности, разочарования.

Борясь преимущественно с мелкой сошкой, Рузвельт не избежал конфликта и с наиболее влиятельными силами города, от которых зависело его будущее. Существенным стало отчуждение Тома Платта, его прежнего покровителя. Дело в том, что на национальной арене Рузвельт начал ориентироваться на спикера палаты представителей Томаса Рида, с которым близко познакомился в Вашингтоне.

Характерный штрих. Рузвельт никогда не распространялся о своем идеале общественного устройства или принципах гражданственности. В его переписке основное внимание уделено обсуждению собственного места в обществе, которое представляется ему устроенным наиболее естественным и оптимальным образом. В узком кружке политических единомышленников Рузвельт постоянно взвешивает свои шансы, добиваясь общенационального масштаба деятельности. Друзья поддерживают его амбиции. В тяжелые дни руководства нью-йоркской полицией К. Лодж пишет Рузвельту слова надежды: «Недалек тот день, когда вы войдете в более высокий круг. Можно уже думать о посту сенатора». Но и это не предел. Лодж разжигал фантазии своего протеже: «Я не говорю, что Вы станете президентом уже завтра, но я уверен, что это вероятно, и что это может случиться».

Первые, пока еще туманные предложения о выходе на поле битвы за высший пост в государстве прозвучали в 1895 году. Однажды искушенные в политической практике Джекоб Риис и Линкольн Стеффенс (последний приобрел большую известность как публицист) в разговоре без особого умысла затронули эту тему. Видимо, предмет оказался слишком важным, тема — слишком щекотливой. Рузвельт вскочил на ноги и багровый от ярости закричал на своих поклонников: «Не смейте говорить мне об этом! Не вбивайте мне в голову такие мысли. Ни один настоящий друг не сказал бы этого. Никогда, никогда ни один из вас не должен говорить лицу, вовлеченному в политику, о том, что он может быть президентом. Это поч-

ти наверняка убьет его политически. Он подорвет свою нервную систему, он не сможет делать свою работу; он лишится основных черт, которые выделяют его как личность».

Факт многозначительный. Но у Рузвельта пока нет необходимого потенциала. Он хотел бы идти в фарватере реального претендента на этот пост, личности сильной и опытной, а главное дружественной. Таковую он усматривал в спикере палаты представителей Томасе Риде, вожде столичных республиканцев. Первые попытки выдвижения Рида кандидатом от республиканской партии относятся еще к 1891 году.

Главный закулисный воротила республиканской партии Марк Ханна, «создатель президентов», как его называли, однажды даже пригласил его к себе, в штат Огайо. Тогда, в 1891 году, это более близкое знакомство показало Ханна, что Рид — не та фигура, которая сможет укрепить союз политиков и промышленных магнатов, выступить лучшим адвокатом индустриальной капиталистической элиты страны. Риду не хватало изворотливости, мгновенного чувства ситуации, его манеры были далеки от респектабельности, а его лозунги не обладали притягательностью, он не был способен к созданию необходимого демократического камуфляжа. Неясна была и степень покорности этого политика, в случае избрания получившего бы мощные рычаги власти. Тогда М. Ханна сосредоточился на своем земляке Уильяме Маккинли.

Их знакомство состоялось в те дни, когда Ханна собрал фонд помощи обанкротившемуся Маккинли. В ходе завязавшейся дружбы Ханна использовал его адвокатские способности сначала в ассамблее Огайо, а потом и на национальной арене. Ханна понадобилось полтора года и более сотни тысяч долларов из своего кармана, чтобы выдвинуть Маккинли кандидатом в президенты. Представители крупного бизнеса подключились к проведению избирательной кампании, внося в кассу республиканцев около четырех миллионов долларов (одна только рокфеллеровская «Стандард ойл» выделила четверть миллиона). Их удовлетворение кандидатурой Маккинли не имело предела, в ходе выборов даже был выдвинут такой лозунг: «Все, в чем мы нуждаемся, так это оставить все как есть».

Но для Рузвельта и Лоджа, лучше знакомых с Ридом, имя Маккинли ничего не значило. Поэтому Рузвельт

в Нью-Йорке после переписки с Ридом выступил его адвокатом в своем штате, что и явилось причиной крайнего недовольства главного босса республиканцев в Нью-Йорке — Тома Платта, уже вставшего под знамена Маккинли. В результате Рузвельт еще раз оказался в роли защитника обреченного дела, и это отнюдь не способствовало его дальнейшему продвижению. Он не был даже приглашен на съезд республиканцев в Сент-Луис. Отсиживаясь у себя дома в Сагамор-хилл, Рузвельт воспринимал происходящее глазами Лоджа. Стало ясно, что звезда Риды закатилась, не успев взойти. Оставалось смириться. Рузвельт после известных «словесных конвульсий» признал Маккинли достойным кандидатом «великой старой партии» — республиканской. Главным, Рузвельт вовремя понял, что реальной альтернативой Уильяму Маккинли является не почтенный спикер палаты представителей, а лидер популистов, кандидат от демократической партии Уильям Дженнингс Брайан.

В 90-х годах фермеры западных штатов начали новый этап борьбы против существующей системы диктата монополий, против тирании железнодорожных компаний, определявших цены на сельскохозяйственную продукцию. Фермер, которому было выгодней уничтожить урожай, чем продать через посредничество спекулянтов, обращался к У. Дж. Брайану, ставшему во главе движения популистов. Он выдвигал следующие принципиальные требования: установить налог на прибыль, пресечь произвол железнодорожных компаний, расширить выпуск серебряных монет. Именно «серебряная идеология» Брайана стала козырем демократической партии в предвыборной борьбе.

В июле 1896 года на конвенте в Чикаго перед пятнадцатитысячной аудиторией Брайан произнес речь, получившую название «Речь о кресте из золота». Пока еще неизвестный большинству, представитель штата Небраска говорил об абстрактных и возвышенных идеях, а не о будничных вопросах, по поводу которых препирались его предшественники. «Я вышел сюда ради защиты дела столь же святого, как и дело свободы,— дела гуманности... Мы обращались с петициями и наши петиции были с презрением отвергнуты; мы умоляли, но на наши мольбы не обращали внимания; мы просили, а они издевались над нами. Мы больше не просим, мы больше не умоляем,

мы не пишем петиций. Мы бросаем им вызов! Мы нуждаемся в новом Эндрю Джеконе, чтобы начать бой против организованного богатства... Вы говорите нам, что огромные города стоят на стороне золотого стандарта. Сожгите ваши города и оставьте наши фермы: вы увидите, что города вырастут снова. Но уничтожьте наши фермы и трава вырастет на улицах каждого города страны... За нами массы тружеников этой страны... Мы ответим на требования золотого стандарта: вы не наденете на голову трудового люда этот терновый венец, вам не удастся распять человечество на кресте из золота».

Эта речь сразу сделала Брайана лидером демократической партии.

Брайан и его окружение при всей радикальности своих взглядов повели атаку под ложным, экономически и исторически неоправданным лозунгом расширения выпуска серебряной монеты. Эта группа питала надежды на увеличение массы находящихся в обращении денег, но не звала к реальному переустройству общества. Однако крупной буржуазии Брайан казался опаснейшим революционером. На национальной арене демократы и республиканцы схлестнулись прежде всего как сторонники и противники расширения выпуска серебряных монет.

Главный оплот американского капитализма — союз промышленников Северо-Запада был всерьез обеспокоен. Республиканцы, чьи деньги не знали счета, прибегли к помощи прессы. Контраргументы уже почти не выдвигались, началась фаза обличения самой личности. Брайана изображали, по меньшей мере, плохим американцем и плохим патриотом; дошедшие до логического конца называли его антихристом.

В ходе острой общенациональной дискуссии Рузвельт показал себя гибким политиком. Выступая в Нью-Йорке в Лиге здоровых финансов, он говорил, что серебряные деньги не коснутся владельцев недвижимости, «их земли, фабрики и дома останутся нетронутой собственностью». Расплачиваясь по банковским счетам, они не ощутят пагубного воздействия девальвации. Зато его почувствуют те, кто вслед за Брайаном требует ускоренного выпуска серебряной монеты. В их скромных кошельках серебро быстро «полегчает», и они раскаются в своей настойчивости.

М. Ханна предложил Рузвельту как известному оратору

ру проехать по городам Среднего Запада, где речи Брайана имели самый сильный эффект. В ходе предвыборной кампании, покрыв более двадцати пяти тысяч километров, Брайан выступил перед пятью миллионами избирателей. Он произносил до тридцати шести речей в день, его энергия не знала предела. Заочное соревнование, видимо, нравилось любителю острых ощущений Рузвельту. Он заявлял, что программа Брайана нарушает, не более, не менее, две евангельские заповеди: «не укради» и «не убий». Брайан ведет страну к моральной деградации и расколу. В своем выступлении в Чикаго Рузвельт даже сказал, что атмосфера в стране поразительно напоминает ту, которая предшествовала расколу и гражданской войне в 1860 году.

Республиканцы мобилизовали все свои силы. В октябре 1896 года в восточные порты пришли корабли с золотом из Европы. Финансисты увеличили массу находящихся в обращении долларов. Брайан обещал, что, будучи избранным, он понизит цену на серебро. Финансовый мир Уолл-стрит уже сделал это накануне голосования. Благодаря закупкам из Европы цены на зерно резко поднялись. Так капитал выбил из рук Брайана его самое сильное оружие. С перевесом приблизительно в сто голосов выборщиков республиканец Маккинли победил демократа Брайана.

Можно подвести некоторые итоги второго нью-йоркского периода Т. Рузвельта. Широко разрекламированная борьба с коррупцией потерпела фиаско. Мелкие реформы вроде «сухих» воскресений дали половинчатые результаты. За эти годы полицейский аппарат города стал еще более откровенным оплотом олигархии, сознательно сосредоточившись на насильственном подавлении социальных волнений.

Рузвельт показал себя верным защитником интересов правящего класса, но при этом продемонстрировал такое отсутствие гибкости в социальных вопросах, которое приближающийся XX век уже не мог позволить. Над этими уроками Рузвельту пришлось поразмыслить.

Между словами Рузвельта, сказанными в ассамблее Нью-Йорка о «богатом преступном классе», и его делами в последующие десятилетия лежит пропасть. Уже выступления за реформу гражданских служб (где-то в период 1889—1895 годов) показывают его умеренность и буржуазную благонадежность. А с 1895 по 1897 год он, зани-

мая пост полицейского комиссара Нью-Йорка, непосредственно занят защитой кошелька богачей. Самое большее, что мог позволить себе в эти годы Рузвельт, — громкие высказывания о святости закона и необходимости порядка. О нем шутили, что неожиданно для себя он открыл десять заповедей. Об экономическом — не говоря уже о социальном — реформаторстве не могло быть и речи. Да оно его и не интересует. Мировая политика — вот сфера, за которой он следит с неподдельным волнением.

Активный участник предвыборной битвы, Т. Рузвельт мог рассчитывать на благодарность со стороны нового хозяина Белого дома. Президент Маккинли, в отличие от своих предшественников, проявлял больший интерес к внешнеполитическому курсу страны. Возможно, что, задумываясь над формированием своего кабинета, он хотел привести в государственный аппарат новых, энергичных и предприимчивых людей. В этом случае ему не могли не импонировать статьи Рузвельта, где говорилось, что нация, не обладающая бойцовскими качествами, лишенная духа воинственности, не способна достичь «истинного величия».

Начинается взлет Рузвельта, взлет, основанный на империалистической конъюнктуре, на повороте значительной части американской буржуазии к внешним рынкам, на пафосе превращения США — окраины европоцентрического мира — в мировую державу. Друзья Рузвельта ходатайствовали за него перед Маккинли. События развивались так. Сенатор Лодж оказал протекцию Джону Хэю. Вместе они обеспечили Генри Уайту пост секретаря посольства США в Лондоне. Уильям Тафт занял место в кабинете. И все они — Лодж, Тафт, Хэй — стали добиваться для Рузвельта поста заместителя военно-морского министра. Возражения были у Т. Платта. Но когда Рузвельт согласился поддержать его кандидатуру на выборах в сенат, они были сняты. Так, 8 апреля 1897 года конгресс утвердил назначение Рузвельта.

Правда, Маккинли сопротивлялся так долго, как мог. Джингоист * Рузвельт еще в 1886 году предлагал силовое решение конфликта с Мексикой. В 90-е годы он высту-

* *Джингоизм* — американский эквивалент шовинизма, подчеркивание исключительности американской системы ценностей.

пал за военные меры против Чили, за аннексию Гавайских островов и насильственное (если не помогут другие меры) строительство канала через территорию Никарагуа. Выступая в Национальном клубе республиканской партии в 1895 году, он выдвинул идею строительства «военно-морского флота, который укрепит честь американского флага». «Я хотел бы,— заявил Рузвельт,— чтобы «доктрина Монро» выдерживалась во всей ее целостности. Всем сердцем и душой я верю в эту политику». Упоминание «доктрины Монро» было связано с политикой великих европейских держав в Латинской Америке. Когда Англия вмешалась в спор о границах Венесуэлы, Рузвельт в большой прессе намекнул, что «многие из наших друзей, по-видимому, забывают, что мы можем решить венесуэльский вопрос в Канаде. Канада наверняка будет завоевана и, однажды отторгнутая от Англии, она уже никогда ей возвращена не будет».

Видя, что его агрессивность пугает осторожного Маккинли, Рузвельт униженно писал военно-морскому министру Дж. Лонгу, что его амбиции не столь уж необузданны, что он обязуется поставить лояльность выше прочих принципов. «Я хочу, чтобы он (президент.— А. У.) понял, что я буду находиться в Вашингтоне в любую погоду, холодную или жаркую, что я буду в его полном распоряжении в любом случае и поеду в любое место, куда он меня пошлет; моя единственная цель — сделать его пребывание на посту президента успешным».

Министр, будучи на двадцать лет старше своего заместителя, считал его воинственный настрой следствием молодости. Это было опасное заблуждение.

Т. Рузвельт объединил политиков — идеологов экспансионизма: сенаторов Лоджа и Бевериджа, профессионального дипломата, заместителя государственного секретаря Уильяма Рокхилла, военно-морского министра при президенте Артуре Уильяма Чендлера, сенатора от штата Мэн Уильяма Фрея, военно-морского министра при президенте Гаррисоне Бенджамине Трейси и Альфреда Мэхэна, преподавателя военно-морского колледжа. Эта группировка представляла интересы определенной части американской буржуазии, стремившейся к созданию собственной империи на основе мирового переустройства. Ее кредо выразил Рузвельт в речи, которой он гордился всю жизнь.

В июне 1897 года, выступая на выпуске военно-морских офицеров в Ньюпорте, он обрушился на «разлагающуюся» от достатка и мира нацию, «ленивую, робкую, громоздкую, легкую добычу любого народа, который все еще сохраняет самые ценные из всех качеств — достоинства воинов. Мир — это бог только тогда, когда он приходит опоясанный мечом. Корабль государства можно безопасно вести вперед только тогда, когда в любую минуту мы будем готовы направить его против любого врага, держа наготове молнии». Не надо опасаться «излишнего развития духа воинственности, опасность следует искать как раз в противоположном».

Рузвельта и его единомышленников мало трогали абстрактные, универсальные принципы ранних идеологов американской буржуазии. Джефферсон со своими требованиями справедливого порядка между людьми и мирных отношений между нациями казался уже ограниченным фантазером ушедшей в небытие аграрной Америки. Бодрый и энергичный мир межконтинентальных лайнеров манил необозримыми просторами. Белый человек покорил остальные расы. Горстка европейских держав в одно столетие поделила между собой весь заселенный мир. Могущество давало богатство, богатство давало славу. Маленькая Англия глядела на мир Великой Британией с четвертью земной тверди под своим флагом. Англосаксам, живущим в Америке, тем «верхним» десяти тысячам, чьи предки уже проделали путь к вызывающему зависть богатству, казалось несправедливым не то, что считали несправедливым в середине XVIII века — политическую зависимость Америки от Британии. Теперь им казалось несправедливым, что британский премьер, а не американский президент диктует законы половине человечества.

Время вдруг стало ускользающим, быстротечным, заставляло спешить. Недостойны сильных людей, с пафосом утверждал Рузвельт, мелкие заботы о маленькой справедливости и о ничтожных деталях, когда речь идет о громадном мировом переустройстве. Тупые доморощенные капиталисты не видят дальше своего носа, они не видят возможностей широкого мира. Пусть Америка освободится от бремени провинциализма своих владык — колоссов индустрии, но пигмеев мировой политики.

Первая цель Рузвельта — Гавайские острова. «Если бы

это зависело от меня, я бы завтра же аннексировал Гавайские острова. В случае препятствий на этом пути я бы установил протекторат... Я в полной мере чувствую опасность со стороны Японии», — пишет он А. Мэхэну. Президент Маккинли и особенно его первый государственный секретарь Шерман не столь быстры на подъем. «Ах, если бы мы имели хорошего человека на месте Джона Шермана в государственном департаменте — не было бы препятствий», — жалуется Рузвельт. Мэхэн советует ему: «Что касается политических проблем (возникающих в случае аннексии), то нужно вначале захватить острова, а решение придет позже». Рузвельт так и сделал: 22 апреля он сообщает президенту, что японцам трудно будет выбить американцев с Гавайских островов, поскольку, согласно его распоряжению, один корабль ВМС США — «Филадельфия» уже стоит там на якоре, а другие приближаются к архипелагу.

Госсекретарь Шерман, зная не зная, что Рузвельт и Лодж с помощью заместителя госсекретаря У. Дэя убедили президента 16 июня 1897 года подписать акт об аннексии, заверил японского посла, что никакой сделки по поводу Гавайев не намечается. Понятно, что последовавшие события вызвали резкий протест Японии. Рузвельт заявил по этому поводу, что «Соединенные Штаты не находятся в таком положении, которое требовало бы запрашивать Японию или какую-либо иную иностранную державу, какой территорией они должны или не должны овладеть».

Г. К. Лодж объяснил значение захвата всей стране. Во-первых, Гавайские острова нужны Соединенным Штатам по коммерческим соображениям как обеспечение доли от торговли в тихоокеанском бассейне. Во-вторых, «именно американцы цивилизовали и развили острова, нельзя допустить, чтобы «азиатская иммиграция затопила американское население». В-третьих, гавайцы неспособны к самоуправлению и долг американцев — помочь им. В-четвертых, если США не овладеют Гавайскими островами, это сделает Япония, Германия или Англия.

Рузвельт сделал акцент на последнем тезисе. Выступая в нью-йоркском клубе республиканцев в феврале 1898 года, он сказал: «Мы не создавали Гавайских островов, они существовали сами. Мы лишь стоим перед альтернативой захватить их самим и сделать их передовым

постом защиты тихоокеанского побережья или смотреть как какая-нибудь другая могущественная нация, с которой, возможно, нам предстояло бы воевать, захватила бы их и тотчас превратила в наиболее опасную возможную базу операций против городов тихоокеанского побережья». Запугивая таким образом американскую публику, а, с другой стороны, прельщая ее выходом на азиатские рынки, экспансионисты добивались создания мощной опоры своей политики.

Дорога в Вашингтон

БЛИЖАЙШИМ лакомым куском для джингоистов была Куба. Сторонники экспансии еще в конце XVIII века говорили о ней как об острове, намытом из песка, который несет Миссисипи. На протяжении 1895—1897 годов агрессивная внутривластьственная группировка развернула подготовку к интервенции.

Американская армия и флот стремились выбить Испанию из ее колоний, прежде всего с Кубы и Филиппин. Но война 1898 года США с Испанией явилась вехой и в мировой истории. Схватка молодого империалистического хищника с ослабевшей полуфеодальной страной знаменовала начало нового этапа в развитии капитализма — этапа борьбы за передел уже поделенного мира. Испания — первая добыча США на их пути к мировому господству.

Развитие событий на Кубе способствовало осуществлению планов Америки. В феврале 1895 года на острове вспыхнуло антиколониальное восстание. Под угрозой оказалась американская торговля с Кубой, достигавшая оборота 100 миллионов долларов в год, а также 50 миллионов долларов капиталовложений США. Влиятельные газеты «Нью-Йорк уорлд» и «Нью-Йорк джорнэл» повели обработку общественного мнения. Взывая к гуманности «среднего» американца (нельзя допустить расправы испанских колонизаторов над повстанцами), они одновременно запугивали его возможностью остаться без кубинского сахара. Примечательно провокационное поведение в этой ситуации самих «газетных королей» — Дж. Пулитцера и У. Р. Херста. Один из репортеров в Гаване телеграфировал: «Все спокойно, никакой войны. Я хочу возвратиться». На что

Херст ответил: «Пожалуйста, оставайтесь. Вы обеспечьте описание, а я обеспечу войну».

Весной 1896 года сенат и палата представителей США приняли резолюции, признающие за кубинскими повстанцами легальные права воюющей стороны.

В правительственных кругах нарастало давление группы Рузвельта — Лоджа в пользу расширения программы военно-морского строительства. Будучи президентом, У. Тафт признавал: «Если бы не Теодор Рузвельт, мы никогда не были в состоянии объявить войну, ибо только он сумел получить от конгресса достаточно средств, чтобы реально поддержать любую угрозу...» В сентябре 1897 года Рузвельт убедил своего шефа-министра, что посылка экспедиционного корпуса на Кубу «не будет слишком сложной операцией». Он представил план создания эскадры, которая смогла бы незамеченной миновать Гибралтар, нанести удар по основной военно-морской базе Испании — Кадиксу и разрушить Барселону. Желая видеть свой проект осуществленным, Рузвельт дошел до президента, объяснив ему «в самых простых выражениях, что только война может спасти национальную честь».

К войне уже все было готово. Требовался лишь повод. Вскоре их представилось даже два. Первым явилось письмо испанского посла в Америке дона Дюпки де Ломе. Адресованное его другу в Гаване, оно было перехвачено секретной службой кубинских повстанцев и при помощи «Нью-Йорк джорнэл» 9 февраля 1898 года стало достоянием широкой общественности. Сеньор де Ломе перешел границы дипломатической осторожности, дав волю своим чувствам. Президент Маккинли был охарактеризован как «слабый и потакающий сброду низкий политик, желающий сохранить добрые отношения с джингистами своей партии». Комментируя это письмо, Херст назвал его «худшим оскорблением Соединенных Штатов за всю их историю». Приданный делу оборот заставил Мадрид отозвать посла. Примирение становилось все более трудной задачей.

В разгар дипломатического скандала произошел инцидент, развязавший интервенционистам руки. На рейде Гаваны 15 февраля 1898 года при невыясненных обстоятельствах пошел ко дну американский военный корабль «Мэн». Он был послан на Кубу по просьбе генерального консула США Ф. Ли, и, хотя угроза испанцам была очевидной, пре-

зидент Маккинли назвал это действие «актом дружественной любезности». Надо ли было испанцам, увязшим в борьбе с кубинскими патриотами, восстанавливать против себя могущественные Штаты? Вряд ли. Но комиссия, расследовавшая обстоятельства гибели корабля (ни испанские, ни международные органы к этому делу допущены не были), пришла к выводу: причиной явилась мина, выпущенная с подводной лодки.

Теодор Рузвельт понял, что наступил его час. Утром, по получении известий с Кубы, он писал: «Я отдал бы все, чтобы президент Маккинли приказал флоту взять курс на Гавану». Наибольшее удовлетворение доставляли Рузвельту дни, когда его начальник отсутствовал. Как только Дж. Лонг уехал 25 февраля 1898 года на однодневный отдых, Рузвельт направил телеграмму Дж. Дьюи, командующему тихоокеанской эскадрой. (Еще в декабре 1897 года коммодор Дьюи отбыл в Гонконг, прихватив «на всякий случай» карту Филиппин — испанской колонии.) Политически важная телеграмма имела провокационный характер. Т. Рузвельт приказывал Дьюи загрузиться углем и «в случае объявления войны... начать оборонительные операции» на Филиппинах. Поистине нужно обладать фантазией Рузвельта, чтобы назвать захват Филиппин оборонительной операцией.

Ультиматум Мадриду, последовавший 27 марта, содержал требование принять американское посредничество в контактах с восставшими кубинцами. Американский посол сообщил о готовности испанского правительства принять любые условия, лишь бы сохранить мир. Но президент Маккинли назвал уступки недостаточными и 10 апреля в специальном послании просил конгресс об объявлении войны против Испании. В резолюции конгресса от 20 апреля содержалось требование к Испании отказаться от прав на Кубу и вывести свои войска с острова.

Еще до начала военных действий конгресс вотировал 50 миллионов долларов на подготовку к ним. Превосходные новые боевые корабли Америки стояли вне конкуренции. Близ атлантического побережья дымили трубы четырех линкоров — «Индиана», «Айова», «Массачусетс» и «Орегон», равных которым не было в испанском флоте. Еще больше была диспропорция на Тихом океане, эскадра Дж. Дьюи была оснащена по последнему слову тогдашней военной техники.

Первая из решающих битв этой войны с заведомо означенным исходом разыгралась на рейде Манилы. Семь кораблей под командованием адмирала Парицио Мантохои-Пасерон обреченно встретили утром 1 мая 1898 года входящую в бухту Манилы эскадру Дьюи. Через несколько часов три испанских корабля были потоплены, четыре сожжены. С американской стороны насчитывалось семеро легкораненных матросов. Теперь Вашингтон ждал известий из Атлантики. В гавани Сантьяго-де-Куба 19 мая адмирал У. Сэмпсон обнаружил семь кораблей испанского флота. По американскому плану их должны были взять в клещи высаженный на остров экспедиционный корпус и корабли под командованием Сэмпсона. Цель была достигнута 3 июля. Все испанские корабли сгорели, а флот США потерял одного матроса.

Конгресс принял решение рекрутировать кавалерийский полк в районе Скалистых гор. С 1 мая 1898 года в Сан-Антонио началась ускоренная подготовка кавалеристов. Сложив свои полномочия в министерстве военноморского флота, Рузвельт отправился туда. Он решил лично участвовать в боевых действиях, а военную славу использовать затем на политическом поприще. Но от командования полком он отказался: необходим хотя бы месяц для овладения соответствующими знаниями, а за это время, не дай бог, война кончится. Рузвельт предпочел не рисковать и в чине подполковника пошел служить под начало Леонарда Вуда (кстати, тоже не кавалериста, а хирурга).

Над лагерем витал бездумно-авантюристический дух. Туда из западных штатов пожаловали любители легкой наживы, драчуны и бездельники, с восточного побережья прибыли аристократы — искатели приключений. Рузвельта мало тревожили недостатки воинской подготовки. В солдатах он видел скорее соучастников набега, чем вымуштрованных жертв устава. Это создавало ему популярность среди органически враждебных дисциплине ковбоев и авантюристов. Он быстро затмил своего начальника. Уже на железнодорожной станции прибывавших встречал плакат-указатель: «Это путь в лагерь буйных всадников Теодора Рузвельта». Однажды Рузвельт прямо со строевых учений привел полк к курорту «Ривер-сайд парк» и разрешил выпить все имеющееся пиво за его счет. Так он создавал

легенду о себе — «отце солдат», которому нет ничего дороже полковой дружбы.

Из Сан-Антонио «Буйные всадники» (так назывался полк) прибыли во Флориду. Сверхразворотливость Рузвельта позволила ему перехватить транспорт «Юкатан», уже предназначенный для двух других полков, и 13 июня они отплыли из Тампы. По поводу этого события, как записал один из очевидцев, «Рузвельт не смог сдержать себя и развлек нас тем, что исполнил импровизированную военную пляску».

Кубинских берегов достигли 22 июня. Испанцы, узнав от своей разведки о высадке американцев, отступили к Сантьяго-де-Куба. В четырех милях от побережья, у забытого богом местечка Лас Гуазимас раздались первые выстрелы. «Буйные всадники», спешившись, продирались сквозь джунгли. «Борцы за освобождение Кубы», как они себя называли, очутившись вне привычной обстановки с оркестрами и ежедневной выпивкой, начали роптать. Дух уныния был неведом лишь Рузвельту, спешившему к своему Аустерлицу. Он платил за пищу солдат, он торопил их, подбадривал оробевших. Судьба благоприятствовала ему в том, что после служебного повышения Вуда он в чине полковника возглавил свой полк. Час его военной славы наступил на рассвете 1 июня 1898 года.

Согласно версии Рузвельта, его люди — с ним во главе — под бешеным огнем штурмовали форт Сан-Хуан. Этот штурм он восславил как лучший день своей жизни. Воспоминания Рузвельта об островных баталиях так пестрели местоимением «я», что обозреватель Финли Питер Данн посоветовал ему назвать мемуары «Один на Кубе». Блеск боевой славы Сан-Хуана стал служить аргументом в доказательство мужества полковника Рузвельта. Между тем другие свидетельства позволяют утверждать, что американцы захватили соседний, гораздо менее укрепленный форт.

В одном из писем Лоджу Рузвельт отмечал: «Мы находимся в опасной близости от ужасного военного поражения; нам нужна помощь тысяч солдат, батареи артиллерии, питание и амуниция... мы потеряли четверть наших людей... как я уцелел, сам не знаю». В тот самый момент, когда американские войска почувствовали, что их ждет медленное вымирание, адмирал Сервера вышел из бухты Сантьяго-де-Куба навстречу флоту Сэмпсона. Лишившись прикры-

тия с моря, испанские части на острове предпочли капитулировать. Так судьба спасла не только жизнь экспедиционному корпусу, но и репутацию.

Испанские войска в Пуэрто-Рико сдались 28 июля 1898 года. Но уже 10 днями раньше Мадрид запросил посредничества Франции. Дипломаты двух сторон встретились в Париже. Согласно подписанному 10 декабря 1898 года договору Испания отказалась от прав на Кубу, где США установили военную администрацию, и «уступила» Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуан. Кроме того, добычей Америки стали Гавайские острова, часть Самоа, остров Уэйн.

В умах наиболее «последовательных» экспансионистов зрела идея, что захват Филиппин дает Америке право на участие в разделе Китая, самого большого азиатского рынка.

От лица большого бизнеса Чонси Депью напутствовал на республиканском конвенте 1900 года политику экспансии: «Американский народ ныне производит на 2 миллиарда долларов товаров больше, чем он может потребить, мы достигли этого при помощи провидения господня, государственного искусства Уильяма Маккинли, достоинств Рузвельта и его помощников; мы сделали нашим рынком Кубу, Пуэрто-Рико, Гавайи, Филиппины... Мы стоим на берегу Тихого океана, ставшего американским озером... здесь американские производители создают лучшие и самые дешевые товары в мире... Пусть продукция расширяется, пусть заводы работают на полную мощность, пусть будет полная занятость с самой высокой заработной платой, потому что мир наш и мы завоевали его республиканскими принципами».

Рузвельт не нуждался в подталкивании. В октябре 1900 года он делился своими «желаниями»: «Я хотел бы видеть Соединенные Штаты доминирующей державой на берегах Тихого океана». Тогда ему едва ли было понятно, что этого не хочет Япония. При президентстве его родственника — Франклина Делано Рузвельта Япония покажет на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года всю степень своего несогласия с американскими планами.

В США известность, слава — конвертируемая валюта, ее можно перевести в деньги, в должности. И наоборот. Полковник Рузвельт после похода на Кубу получил значительную сумму этой валюты. Военная слава Рузвельта, сделав-

шая его имя — во многом благодаря прессе — известным в стране, представляла собой фактор, который ее обладатель желал использовать как можно быстрее. С другой стороны, существовали силы, которым нужна была «военная прямота» и «честность солдата». Для спасения своего престижа, для сохранения контроля над крупнейшим штатом страны республиканской партии необходимо было основательно отвлечь внимание избирателей от пустой казны прежнего губернатора: так много общественных средств ушло на обновление канала Эри, что это было слишком трудно объяснить.

Партийные бонзы изыскивали взаимоприемлемый план. Звонок Рузвельта боссу нью-йоркских республиканцев Т. Платту был последней точкой в договоре. Страстный пурист, преподобный отец Паркхерст публично усомнился в том, что такой честный человек как «Тедди» обратился к мистеру Платту. «Это мистер Платт должен обращаться к нему». «Тедди» ничего не опровергал, он выяснял оставшиеся нерешенными пункты своей сделки с Платтом. Дело было закончено 14 сентября 1898 года.

Рузвельт знал: чтобы стать губернатором в Нью-Йорке, нужно было либо заручиться поддержкой, либо сокрушить власть республиканского партийного босса в штате — сенатора Томаса Платта.

Система боссизма в США благополучно дожила до наших дней. Определенные реформы, такие как замена партийных конвентов штатов первичными выборами, заставили боссов несколько уйти в тень. Но в конце прошлого века партийные боссы владели своими штатами как вотчинами. Стоило, скажем, позвонить Пенроузу в Филадельфию, как можно было считать, что все республиканцы Пенсильвании уже в кармане. В Нью-Йорке таким богом «прокуренных комнат» был Платт. Его могущество зиждилось на союзниках как в мире крупного бизнеса, так и в мире профессиональных политиков. Платт не всегда выдерживал это равновесие, и тогда следовали упреки вроде этой филиппики Элиу Рута, главного связующего звена Уолл-стрит и республиканской верхушки: «Они называют эту систему — я не изобретаю фразы, я принимаю ее, потому что у нее есть значение — «невидимым правительством»... Губернатор не в счет, легислатура не в счет... мистер Платт управляет штатом. Уже почти двадцать лет он управляет им. Не губер-

натор, не легислатура, не избранные обычным порядком деятели — всех подменил Платт. И политический капитал располагается не здесь (т. е. в Олбани, столице штата Нью-Йорк.— А. У.), а на Бродвее, дом 49, где находится он и его помощники». (Э. Рут произнес эту речь на конституционном конвенте штата Нью-Йорк.)

Ч. Депью сказал обратившемуся к нему за советом Т. Платту: «Мистер Платт, я всегда смотрю на общественный вопрос с точки зрения оратора, говорящего с публикой... Ныне, если вы выдвинете губернатора Блэка и я обращусь к большой аудитории — что я непременно сделаю — злой язык среди публики непременно прервет меня вопросом: «Чонси, мы согласны со всем, что ты сказал о великой старой партии (дежурный титул республиканской партии.— А. У.) и обо всем прочем, но как насчет воровства на канале?» Я должен буду объяснить, что сумма украденного составляет всего миллион и что это было неизбежно. Но если выдвинут полковника Рузвельта, я смогу ответить возмутителю спокойствия с гневом: «Я страшно рад, что вы задали этот вопрос. Мы выдвинули в губернаторы человека, который и на общественном поприще и на поле боя продемонстрировал, что он борец за правое дело и что он всегда добивается победы. Если его выберут, вы знаете и мы все знаем по его уже проявившимся чертам характера — мужеству и способностям, что каждый вор будет пойман и наказан, каждый доллар найден и возвращен в общественную казну». Затем я расскажу, как полковник вел своих «мужественных всадников» к вершине Сан-Хуана и попрошу оркестр сыграть «Звездно-полосатый стяг». Бизнес сказал веское слово.

И все же червь сомнений точил Платта: он должен быть уверен, что Рузвельт на посту губернатора не «объявит ему войну».

Рузвельт ответил, что у него нет намерений начинать войну «против Платта или против кого бы то ни было еще, если войны можно будет избежать». Ответ можно было толковать двояко. Платт предпочел оптимистический вариант.

Послушный конвент в Саратогe закрыл глаза на формальность — требуемый конституцией штата пятилетний срок проживания в нем претендента — и номинация Рузвельта прошла гладко.

* * *

Теодор Рузвельт включился в политическую борьбу в то время, когда основы классового господства буржуазии впервые были поставлены под угрозу.

Большим шагом по пути организации рабочего движения в США было создание Американской федерации профсоюзов (АФТ) в 1886 году. В декабре этого года 42 делегата, представлявшие 316 469 местных профсоюзных организаций, приняли в городе Колумбус (штат Огайо) устав, гласивший о решимости «представителей профессиональных и рабочих союзов Америки проводить такие мероприятия, распространять среди квалифицированных и неквалифицированных рабочих нашей страны такие идеи, которые будут объединять их в борьбе за признание всех прав, принадлежащих им». В то же время следует отметить оппортунизм, глубоко проникший в среду руководства АФТ, которое возглавил С. Гомперс. Этот первый президент АФТ приложил немало усилий, чтобы уничтожить политическую окраску выступлений организованных рабочих, свести цели их борьбы к сугубо экономическим требованиям.

АФТ приняла общенациональные масштабы. Если в 1886 году к ней примкнули 13 национальных союзов, то в 1892 году их число достигло 40. Это единение было особенно важно, ибо 90-е годы, как охарактеризовал их вождь американских коммунистов У. Фостер, «были периодом крупных боев трудящихся, превосходящих по напряженности и размерам даже бои двух предыдущих десятилетий». Количество бастующих с 1890 по 1894 год выросло вдвое — с 373 тысяч до 690 тысяч человек.

В начале 90-х годов произошло обновление руководства Социалистической рабочей партии (СРП). В 1892 году СРП впервые участвовала в общенациональных выборах. Тогда кандидатом в президенты был выдвинут фотограф Саймон Уинг, получивший 21 тысячу голосов. Но уже на президентских выборах 1896 года за социалистическую рабочую партию было отдано 36 тысяч голосов.

Между тем необходимость в подлинно рабочей партии ощущалась все острее. СРП, не нашедшая контактов с профсоюзами и не выработавшая массовых форм борьбы, уже не удовлетворяла американский пролетариат.

Таким образом, Рузвельту приходилось считаться с критически складывающейся ситуацией.

* * *

В ходе предвыборной кампании Рузвельт сделал ставку на патриотизм: обладатель этой доблести достоин высших постов. Штурм форта Сан-Хуан превратился в легенду; народ собирался, чтобы только увидеть живого героя. Мало кто из избирателей знал, что в это время его занимала погоня за «Медалью почета», высшей военной наградой США, а не стремление решить проблемы штата. Рузвельт лично написал Маккинли письмо, в котором необходимость награждения его «Медалью почета» объяснялась партийными нуждами. Последовали резкие возражения военного министерства, и идея награждения была похоронена. Рузвельт победил с небольшим преимуществом. Почему часть нью-йоркской буржуазии упорно возражала против его избрания губернатором штата? Дело в том, что определенное недоверие вызывало социальное кредо Рузвельта. Сенатор Т. Платт так впоследствии признавался Рузвельту в этих опасениях: «Я слышал, что у Вас довольно широкие представления о взаимоотношениях капитала и труда, о трестах и комбинациях, о тех многочисленных встречах, затрагивающих безопасность получения прибылей и права самостоятельно вести собственное хозяйство, с должным, конечно же, уважением к Биллю о правах и уголовному законодательству».

Первое губернаторское послание Рузвельта (американский вариант политической программы действия на грядущий год) не содержало в себе ничего экстраординарного. Рузвельт даже не упомянул о проектах закона о налогах на корпорации. Губернатор обещал улучшить работу гражданских служб (его конек), сократить расходы на управление штатом, улучшить работу муниципалитета Нью-Йорка. Но понимая, что полное попустительство со стороны властей не укрепляет, а ослабляет власть монополий, весной 1899 года он взялся за разработку нового закона о налогообложении корпораций. Рузвельт призвал для рассмотрения налоговых проблем известного экономиста Э. Зелигмана из Колумбийского университета, профессора Р. Эли из Висконсинского университета и Дж. Гантона, консультировавшего профсоюзы. Но светила не пришли к единому выводу. «Фермеры, городские рабочие и торговцы, — провозглашал «страшные истины» Рузвельт в послании от 27 марта 1899 года, — несут непропорционально большую долю нало-

гового бремени, что являет собой очевидную несправедливость».

По поводу требований Рузвельта увеличить налог на корпорации Т. Платт писал 6 мая 1899 года: «...Вы предпринимаете действия, которые заставляют круги нью-йоркского бизнеса удивляться тому, как идеи популизма ... овладевают республиканской партией штата Нью-Йорк». Рузвельту предсказали, что если он пойдет той же дорогой, то о переизбрании на следующий срок не может быть и речи. В ответах Платту и другим прямолинейным адвокатам и идеологам бизнеса, сберегавшим своим боссам десятки тысяч долларов, но ставившим под угрозу их классовое господство в целом, Рузвельт призывал к более дальновидной политике: «Я не думаю, что для нас как для партии целесообразно искать убежище в огульном отрицании, говорить, что не существует зла, нуждающегося в исправлении... Мы должны показать, что республиканцы поддерживают справедливый баланс и выступить как против непомерного влияния корпораций, с одной стороны, так и против демагогии и власти толпы, с другой». Теодор Рузвельт одним из первых усмотрел возможность более широкого использования государственной машины для регуляции классовых отношений, показал себя умелым проводником интересов своего класса, политиком гибким и не чуждым прогрессу.

Говоря о внешних чертах поведения Рузвельта на посту главы исполнительной власти крупнейшего штата, следует сказать, что он дал пример многим американским политикам нынешнего века. Две пресс-конференции в день, десятки принятых посетителей (преимущественно экспертов и политиков, а не просителей), сознательно демонстрируемая открытость, стремление к популярности за счет постоянного общения, визитов, инспекций, встреч. Прежние политики знали один сорт влиятельных советников — адвокатов крупнейших фирм. Рузвельт окружил себя людьми, главный «порок» которых, по мнению Платта, был в том, что они — откровенные «реформисты». Рузвельт смотрел на дело значительно шире: «Я стараюсь заполучить идеи от тех, кого считаю экспертами в своей области, затем перерабатываю эти идеи». При этом он вовсе не претерпевал эволюции взглядов, а лишь использовал таланты в своих целях. Он охотно обращался к профессорам Колумбийского, Йельского, Корнелльского университетов. Политическая традиция XX века

в США широко восприняла этот опыт. Благодаря Рузвельту начал складываться стиль новейшего времени, который обеспечивал большую социальную мобильность и гибкость в тех делах, где твердолобое упрямство усугубляло антагонизм классовых отношений. Рузвельт верно служил американскому капитализму, хотя тот, в лице многих своих видных представителей, сомневался в его классовой лояльности.

Впрочем, ведущие адвокаты монополий, такие как Элиу Рут, почувствовали лояльность Рузвельта лично. Когда ему (в то время военному министру в администрации Маккинли) грозили неприятности, губернатор Рузвельт, уверенный в большой политической будущности Рута, прикрыл его своей властью. Это осложнило его губернаторское положение, вызвало разочарования немалого числа сторонников, но связало Рузвельта с влиятельным сегментом нью-йоркской буржуазии. А это был залог будущего. Именно тогда Рузвельт сказал фразу, запомнившуюся современникам и потомкам: «Мне всегда нравилась западноафриканская поговорка: «Говори тихо, но носи большую дубину, тогда ты далеко пойдешь».

К концу своего губернаторского правления Рузвельт находится в отличной форме. Он работоспособен, собран, целеустремлен.

На президентских выборах 1900 года национальное руководство республиканской партии было исполнено решимости добиться переизбрания У. Маккинли. Кандидатура Рузвельта встретила массовые возражения партийных функционеров: он неплохой губернатор, но для более высокого назначения «слишком амбициозен». М. Ханна, чтобы нейтрализовать возможного конкурента, «бросил ему кость»: Рузвельт заслуживает переизбрания на следующий срок. Таким образом, реально Рузвельт мог рассчитывать на бросок к президентскому креслу лишь в 1904 году. Продление губернаторского мандата означало, что он будет «безработным» в 1902 году, за два года до выборов. Рузвельт не питал иллюзий относительно своего влияния на избирателей. Пауза в политической деятельности оборачивалась потерей национального внимания, забвением. Необходимо было найти альтернативу. Ею для Рузвельта являлся лишь пост вице-президента.

Кто мог содействовать ему в достижении цели?

Ситуация складывалась сложно: Рузвельт раздражал М. Ханна, конфликтовал с Т. Платтом, хотя поначалу демонстрировал дисциплинированность. Он аккуратно являлся завтракать к Платту. Несколько месяцев в их взаимоотношениях царил относительный покой. В своей автобиографии Рузвельт описывает эпизод, положивший конец гармонии (эпизод подан как демонстрация лучших качеств Рузвельта, это понятно в автобиографии; нам важен сам факт). «Сенатор Платт попросил свидания... По прибытии он информировал меня, что был бы рад, если бы у меня был самый достойный человек на посту главного распорядителя общественных работ, и что он как раз получил телеграмму от некоего джентльмена, он назвал имя, который соглашается занять этот пост... Я ответил сенатору в самых вежливых выражениях, что сожалею, но не могу назначить этого претендента. Это вызвало взрыв, но я сохранил спокойствие, повторив лишь, что должен отклонить кандидатуру любого навязываемого мне лица и сам найти человека на этот пост. Хотя я был вежлив, я говорил очень твердо, и Платт с друзьями в конце концов оставили это дело... Но я должен был помнить, что мистер Платт владеет большинством в лeгислатуре».

Друзья предупреждали Платта: «Этот парень... уже начал снимать скальпы со «старой гвардии». Скоро он возьмется и за твою голову». Платт понимал, что еще два года губернаторства Рузвельта — и его влиянию в штате придет конец. Мастер интриги, Платт вдруг увидел выход: если Рузвельта нельзя утопить, нужно вознести его как можно выше. «Нью-Йорк уорлд» поместила карикатуру, на которой Платт тащил под уздцы упирающуюся лошадь с сидящим на ней Рузвельтом в вице-президентскую конюшню. Это была упрощенная картина. Рузвельт в действительности страстно хотел возвышения, а Платт не мог этого добиться лишь своими силами: вождь республиканцев в национальном масштабе М. Ханна испытывал в отношении его кандидатуры большие сомнения.

Нью-йоркские заправилы бизнеса в этот трудный для идеолога «американской империи» период поддержали его. Рузвельт отозвался обещанием продолжать начатый курс: «Мы за экспансию и за все то, что будет способствовать благополучию американского рабочего и фабриканта».

На открытие национального конвента республиканской

партии в Филадельфии Рузвельт немного опоздал. Уже благодаря этому он сразу же привлек к себе внимание. Знакомая всем широкополая черная шляпа, в точности воспроизводящая головной убор полка «Буйные всадники», не была им снята, пока он шествовал к своему месту. Аплодисменты и звуки оркестра заставили Ханна, сидевшего за председательским столом, побледнеть.

В кулуарах Рузвельт обрабатывал делегатов Запада. Там, где знали лишь о Сан-Хуане, он старался предстать трезвым и компетентным политиком; там, где слышали о его политических талантах, он бравировал Сан-Хуаном. Была использована естественная оппозиция партийным главарям. Те, кто без особого восторга относились к железной диктатуре Ханна, выразили готовность поддержать «боевого парня», клявшегося, что американский Запад ему всего дороже.

Но делегаты далеких штатов не могли определяющим образом влиять на номинацию. Необходимо было найти сторонников в руководстве партии. Именно здесь была завязана интрига, основанная на вражде между М. Ханна и М. Кэем. Кэй, которому Ханна воспрепятствовал при избрании в сенат США, и его ближайший сподвижник Б. Пенроуз убедились, что Т. Платт готов поддержать их план хотя бы из стремления к единовластию в Нью-Йорке.

Во второй день работы конвента М. Кэй от делегации Пенсильвании предложил внести следующее изменение в процедуру: сделать представительство отдельных штатов на конвенте пропорциональным числу голосов, поданных за республиканскую партию на последних выборах. Это означало, что штаты, где республиканцы были в меньшинстве (т. е. весь американский Юг), теряли влияние на выборы кандидатов. Никто не сомневался в подлинном значении этого предложения: южные штаты покорно шли за Ханна, составляя его оплот в партии. Уменьшение влияния этих штатов резко ослабило национального председателя партии.

В обстановке всеобщего смятения М. Кэй попросил сделать перерыв в заседании. Люди Кэя объяснили ущемленным южанам, что согласны снять свое предложение в обмен на поддержку кандидатуры Рузвельта на пост вице-президента. Ханна стоял перед выбором: раскол, грозящий его положению в партии, или согласие на выдвижение малосимпатичного ему политика. В ходе полемики, которая уже ничего не решала и лишь прикрывала отход

Ханна, тупик был преодолен. Делегаты возвратились на свои места, чтобы единодушно избрать Маккинли в президенты, а Рузвельта — в вице-президенты. Месть Ханна заключалась в том, что Рузвельту в качестве платы за выдвижение придется взять на себя тяжесть всей предвыборной кампании. Маккинли сделает лишь несколько заявлений, ссылаясь на занятость государственными делами.

Кто противостоял Маккинли и Рузвельту от демократической партии? Рузвельт опасался, что это будет другой «герой» только что закончившейся войны — адмирал Дж. Дьюн. Лучше бы претендентом стал Брайан. Один раз побежденный, он, считал Рузвельт, уже менее опасен.

Желаемое сбылось. В сердце Америки, в Канзас-Сити, где собрался конвент демократов, отзвуки военно-морской славы ощущались слабо в отличие от отчаянного крика фермеров о расширении денежного обращения. Это и предопределило избрание Брайана. Наиболее интересными и важными в его программе были два вопроса. Первый касался установления хотя бы минимальной формы контроля над монополиями. Брайан добился включения в предвыборную платформу требования регистрации монополий в специальном ведомстве федерального правительства и ограничения капитала компании твердым пределом. Второй вопрос был связан с отказом от империалистической внешней политики. Все это превращало традиционное пикирование двух буржуазных партий в политический диспут, затрагивающий основы, принципы внутренней и внешней политики, ведущий к поляризации взглядов и социальных сил.

Экспансионисты старались привить правящей элите вкус к власти. Наконец-то, считал Рузвельт, косная масса американской буржуазии почувствовала воодушевление строителей империи. Даже М. Ханна, еще два года назад едва ли не проклиная авантюры — войны с Испанией, теперь с энтузиазмом рассуждал о «марше христианизации и цивилизации мира». Распространение империалистического мировоззрения, шовинистических взглядов благоприятствовало судьбе Рузвельта, решаемой у избирательных урн. Рузвельт просил голосовать за Маккинли потому, что «ныне, на заре нового века, мы желаем гиганту Запада, величайшей из республик, над которыми когда-либо сияло солнце, принять достойный старт в гонке за национальное величие».

Его слова были целиком обращены к американской буржуазии. Рабочий класс Америки угрюмо наблюдал обычный фарс тщательно подготовленного «народного волеизъявления». Работа, хлеб, права профсоюзов, а не Филиппины и Пуэрто-Рико интересовали рабочую Америку. В разгар кампании (в такое неудачное время — жаловались в штаб-квартире республиканской партии), в сентябре 1900 года началась массовая забастовка шахтеров. Кнутом и пряником, разгоном демонстраций и десятипроцентным повышением зарплаты отдельным категориям рабочих забастовку удалось остановить. Рузвельта, как кандидата на слишком высокий пост, не допускали к этому «грязному» делу. У него было свое амплуа, он играл на внешнеполитическом экспансионизме.

Флирт с передовыми идеями века окончился. Рузвельт становится признанным лидером наиболее влиятельного слоя американской буржуазии. Он пишет в эти дни Э. Руту: «Я надеюсь, что Вы придете ко мне на обед, который я даю Дж. Моргану. Видите ли, это для меня попытка укрепиться в консервативных воззрениях, входя в соприкосновение с влиятельными классами, и я думаю, что заслуживаю поощрения. До сих пор я давал обеды лишь профессиональным политикам или более или менее фанатичным радикалам. Теперь я вырабатываю манеры, необходимые для вице-президентского поста». Дж. П. Морган активно помогал в этом Рузвельту. Оба крупнейших деятеля эпохи ощущали взаимозависимость. Рузвельт желал войти в высший круг власти и возглавить его. Морган стремился укрепить свой авторитет на фондовой бирже и монополизировать всю сталеплавильную индустрию. Рузвельт нуждался в финансовой поддержке и доверии клана ведущих финансистов и промышленников. Морган хотел получить гарантию, что правительство будет благоприятствовать большому бизнесу. Успех пришел 6 ноября 1900 года. Рузвельт занял вице-президентское кресло, пост председателя в сенате, а Морган объявил о создании «Стальной корпорации Соединенных Штатов» — знаменитого гиганта «Ю. С. стил корпорейшн».

В журнале «Лайф» от 24 января 1901 года была опубликована остроумная шутка. Некого мальчика спрашивают: «Кто сотворил этот мир, Чарльз?»

— Бог создал мир в 4004 году до рождества Христова,

но в 1901 году Джеймс Хилл, Джон Пирпойнт Морган и Джон Рокфеллер переделали его».

Пост, за который Т. Рузвельт боролся с такой яростью, в конечном счете не принес ему желанного удовлетворения. Вице-президент в США — должность, чаще всего, теневая, в его обязанности входит следить за процедурой дебатов в сенате. Человек действия, волонтарист, бесконечно гордый своей мнимой принципиальностью, Рузвельт должен был теперь постоянно жить в обстановке компромиссов, диктуемых логикой политических споров демократов и республиканцев. Однако удача и на этот раз не подвела Рузвельта. Первая сессия сената в марте 1901 года была короткой. Верхняя палата американского конгресса без особых возражений утвердила назначения на государственные должности, сделанные президентом Маккинли. После окончания сессии Рузвельт приступил к упрочению своих позиций, созданию собственного блока сил, который мог бы вывести его на президентскую орбиту в 1904 году.

В первом ряду соратников — сенатор Кэбот Лодж. Он советует Рузвельту до поры до времени («четыре года, считая от нынешней даты») быть лояльным президенту Маккинли. Выдвигается на особые позиции Уильям Тафт. Возможно, он не стал бы президентом в 1908 году, если бы не писал Рузвельту в 1901 году: «Я уверен, что Вас ждет номинация в 1904 году». Рузвельт осознает растущую мощь Дальнего Запада и стремится заручиться поддержкой местных лидеров. Он полагает, что в броске к президентству можно будет снова рассчитывать на поддержку спасительного для него триумvirата 1900 года — Т. Платта, М. Кэя и Б. Пенроуза. Даже М. Ханна будто бы несколько смягчился в отношении к нему. И все же для достижения цели надо лишить его опоры — поддержки республиканцев в южных штатах, негров. Уже в марте 1901 года Рузвельт установил контакт с известным деятелем негритянского движения Букером Вашингтоном. Кроме того вице-президент собирался сделать примирительный в отношении южан жест — посетить дом своей матери в Росвилле (штат Джорджия). Кровь южанина — тоже «политический фактор».

Планы Рузвельта нарушились неожиданно.

В Белом доме

ЧТО БЫЛО главным событием только что окончившегося XIX века? Большинство сошлось на том, что самый мощный эффект дало применение электрической энергии. Буржуазии в зените ее могущества мир казался прекрасным, а XIX век — лучшим периодом в истории человечества. Как писал доктор Хиллс, «законы стали более справедливыми, музыка — более приятной, книги — умнее, в домах больше счастья... Сердце каждого становится одновременно и более справедливым и более мягким... ибо сегодня искусство, промышленность, изобретения, литература, знания и управление — все движется в триумфальной христовой процессии вверх по холму славы». Нужна была трагическая, перевернувшая все буржуазное миропонимание первая мировая война, чтобы уже никогда век минувший не сопровождался такими восхвалениями.

Впрочем, и тогда имелось достаточно пессимистов. Уильям Дженнингс Брайан полагал: «Увеличивающееся влияние богатства приведет к росту безразличия в отношении неотъемлемых прав человека». Президента Корнелльского университета Шермана тревожило то, что в будущем «экзальтация, поклонение и погоня за деньгами станут главными благами жизни». Профсоюзный босс Сэмюэл Гомперс более всего боялся конкуренции заграничной дешевой рабочей силы. Многие полагали, что самая большая опасность будущего — алкоголь. Президент Йельского университета Хедли предостерегал прежде всего от индивидуализма, епископ Глочестерский — от «самовосхваляющего тщеславия», писатель А. Конан-Дойль от «несбалансированной, экзальтированной, погрязшей в сенсациях прессы». Многие боялись растущей искусственности человеческих отношений, и только епископ Кентерберийский на вопрос, какие беды он ждет в будущем, ответил: «Не имею ни малейшего представления».

В начале нынешнего века небоскребы еще не затмили дома человеческих пропорций, а мода не стремилась к экстравагантности. Джентльмены не изощрялись в нарядах. Безраздельно царили темные тона. Добротные ткани говорили о принадлежности к бомонду. Непременным атрибутом одежды была тугая, не терявшая форму шляпа «дерби». Плотные набитые ватой плечи пиджака подчеркивали мужественность. Белая рубашка венчалась предельно накрахмаленным тугим воротничком. Некоторое разнообразие вносил лишь галстук, но и здесь гамма цветов была ограничена «респектабельным» набором. Сезонности в одежде не существовало. Различалась лишь повседневная одежда (всегда немного потерянная) и — с иголочки — воскресная. Колебания моды не делали представителей одного круга разномысленными. Игривость и легковесность не поощрялись. Джентльмены делали деньги и политику, уважали себя сами и требовали этого от других. Снобизм и высокомерие были отличительной чертой поведения высшего круга в отношении «массы». Между собой джентльмены держались гораздо более непринужденно, здесь называли друг друга уменьшительными именами и похлопывали по плечу.

Двадцатый век быстро унес традиционализм; в считанные годы изменились нравы, обычаи, фасоны. Но ничто не может сравниться с ритмом политических перемен. Они в Америке начались уже с первого года столетия.

Когда 6 сентября 1901 года президент Маккинли вошел в Башню музыки на Панамериканской выставке в Буффало, анархист Леон Цолгош дважды выстрелил в него. Конституционный наследник — вице-президент в это время охотился на острове Ла Мотт (озеро Шамплейн в штате Вермонт). Новость пришла вечером. Кто-то из окружения не удержался, высказав самое главное: Рузвельт каждую минуту может стать президентом США. Приличие в данном случае не изменило Рузвельту, он оборвал говорящего, хотя, несомненно, думал об этом же. Специальный экспресс доставил его в Буффало, там в частном доме лежал раненый Маккинли. К моменту приезда Рузвельта врачи посчитали крайнюю опасность миновавшей. Полагая, что дежурство у постели президента бессмысленно, Рузвельт уехал на Адирондак *, где отдыхала его семья. Утром 13 сентября, когда

* Адирондак — горы в северной части штата Нью-Йорк.

состояние здоровья Маккинли резко ухудшилось, Рузвельт был в горах. На спуске его ожидали экстренные телеграммы. Отчаянная пятидесятиминутная скачка, и он в поезде. В три часа пополудни 14 сентября в доме, где лежал покойный президент, Теодора Рузвельта встретил почти весь кабинет. Военный министр Э. Рут предложил ему принять присягу.

Нью-йоркская фондовая биржа — барометр финансовых империй Америки — содрогнулась от известия о смерти Маккинли. Это могло отрицательно отразиться на общем состоянии дел. Посредниками между миром бизнеса и претендентом на высший в стране пост выступили двоюродный брат Рузвельта Дуглас Робинсон и председатель организации республиканской партии в штате Нью-Йорк майор Джордж Панн. Было составлено обширное письмо, отправленное Рузвельту со специальным представителем. Мир бизнеса верил в своего питомца, он соглашался простить некоторую его экстравагантность, но требовал гарантии верного служения классу. Робинсон высказывал самые сокровенные мысли истэблишмента: «Я чувствую, что должен быть откровенным... В том случае, если начиная (исполнять обязанности президента.— А. У.), Вы станете способствовать распространению убеждения, что общий порядок не будет изменен и что Вы являетесь консерватором по убеждениям... то это окажет успокаивающее влияние на общественное сознание... Вне зависимости от любых воздействий на Вас Вы должны быть столь же сдержанным и консервативным, каким Вы были до номинации Вас на губернаторскую должность».

Самолюбие Рузвельта было уязвлено, но он выполнил эту весьма грубую подсказку практически буквально, понимая, что речь идет о важнейшем — подтверждении его классовой лояльности. Рузвельт ясно понимал не только смысл передаваемых ему от империи Моргана пожеланий, но и обстановку, в которой эти пожелания произносились. Рабочий класс Америки показывал нежелание молча нести свой крест. У мощных забастовок 1900 года было продолжение. Одновременно с этим возрастало влияние популизма и прогрессизма. Прогрессистская «зараза» проникла даже в издания Херста и Пулитцера, которые в расчете на обиженные средние слои буржуазии (что обещало рост тиража) начали благосклонно смотреть на такие требования,

как некоторые формы контроля над монополиями, подходящий налог и налог на наследство.

Самый молодой в американской истории президент — сорокатрехлетний Рузвельт объявил стране, что политика Маккинли — его политика, и он будет неукоснительно следовать ей. Проект своего первого послания конгрессу Рузвельт показал М. Ханна, который выразил удовлетворение всем текстом за исключением упоминания о желательности некоторой степени контроля над монополиями. «Даже профсоюзы, — возражал Ханна, — не выдвигают столь радикальных предложений... не думаю, чтобы они хотели перевести этот вопрос в сферу конкретной политики». Излишним показалось Ханна и упоминание об избыточной концентрации капитала. В результате послание конгрессу не только было лишено конструктивной основы, но не выдерживало критики просто как документ, вышедший из рук политика, претендующего на историографические и литературные заслуги. Каждое положение сопровождалось бесчисленным количеством оговорок. Со всей определенностью звучала мысль: резкие действия в социальной сфере не оправданы, они вызывают лишь отрицательные последствия.

Но перемены, внешние и внутренние, были неизбежны. Прежде всего в стиле руководства. Пожилой и флегматичный Маккинли не мог иметь второе воплощение в молодом и энергичном Рузвельте. Как писал в конце 1901 года Генри Адамс — член вашингтонского кружка Рузвельта, «власть, когда она соединена с превосходящей норму энергией, превращается в наиболее серьезный из факторов, а все друзья Рузвельта знали о его неутомимой энергии». Свою энергию Рузвельт обратил на сферу, которой федеральная власть, по его мнению, незаслуженно пренебрегала. Могущество страны — не самоцель, им нужно пользоваться. В сфере внешней политики Рузвельт видел поле приложения деятельности основных американских монополий, которым было уже тесно в национальных пределах, средство предотвращения конфликтов различных отрядов американской буржуазии, способ смягчения некоторых из социальных антагонизмов.

В. И. Ленин с пометкой «очень важно» приводит в своих «Тетрадах по империализму» цитату из книги Дж. Гобсона «Империализм» (Лондон, 1902): «Именно этот внезапный спрос на иностранные рынки для изделий про-

мышленности и для инвестиций явился явной причиной того, что *империализм был воспринят* как политический принцип и политическая практика республиканской партией, к которой принадлежат промышленные и финансовые главарь и которая принадлежит им. Авантюристский энтузиазм президента Рузвельта и его партии «ясного предназначения» и «цивилизаторской миссии» не должен вводить нас в заблуждение. *Империализм нужен мистерам Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна, Швобу и их компаньонам, и они-то взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм, потому что они хотят использовать государственные ресурсы своей страны, чтобы найти выгодное помещение капиталов, которые в противном случае оказались бы излишними* *.

Итак, с Рузвельтом США поворачиваются к международной арене, к мировым делам, к глобальной политике.

Во-первых, как полагал президент, нуждаются в изменениях иммиграционные законы. Слишком много неангლოსаксов прибывает в Америку, ухудшая сложившуюся этническую основу. Во-вторых, необходимо способствовать развитию американского торгового флота. Льготы кораблестроительным фирмам, помощь в установлении трансокеанских линий, создание консулатов — все это должно помочь расширению флота под американским флагом. В-третьих, должны быть защищены американские права и привилегии на Гавайях, Филиппинах, в Пуэрто-Рико и на Кубе. В-четвертых, необходимо способствовать строительству канала между Атлантическим и Тихим океанами. Это, помимо прочего, укрепит экономические связи восточных и западных районов США, увеличит американскую маневренность.

Теодор Рузвельт положил начало новому стилю президентского руководства. Быстрота его передвижений, принятие решений, смены занятий радикально изменили традицию поведения главы исполнительной власти. Рузвельт регулярно занимался теннисом, выписывал множество книг (ничего подобного ранее в президентском дворце не было), с удовольствием приглашал разного рода знаменитостей посетить Пенсильвания-авеню, 1600. Его рабочий день начинался в 8.30 утра с верховой прогулки. Хобби Рузвельта — охота, и он отрывался от государственных дел,

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 389.

чтобы пополнить коллекцию своих охотничьих трофеев.

Возможно, Рузвельт первым среди американских президентов осознал силу и значение средств массовой информации. Постоянное внимание прессы к его экстравагантным манерам, преувеличенные оценки его способностей, ставшее привычным приукрашивание его остроумия и находчивости, восторги по поводу его работоспособности и предприимчивости создали Теодору Рузвельту дополнительный политический капитал, популярность. Впервые в Белом доме жил не сонный полубог, а энергичный человек. Новый стиль служил дополнительным средством отвлечения внимания от внутренней и внешней политики, позволяющим подменять разговор по существу вопроса обсуждением деталей. Рузвельт взял за правило, что нужно говорить пусть нечто сомнительное, но яркое, чтобы имя попало на первую полосу. (К примеру, он однажды обрушился на Джека Лондона, считая «Белый клык» невероятным вымыслом — собака не может выдержать борьбы с волком.) Никогда не испытывал Рузвельт страха перед карикатуристами. Негативную подачу себя в графических образах он воспринимал как нужную политическую процедуру. Быть в центре внимания — вот сущность метода Рузвельта.

Рузвельт использовал и следующий прием. Резкие повороты своего курса он приурочивал к воскресным дням, когда закрывались оффисы и банки и образовывался некий вакуум в общественно-политической жизни, справедливо надеясь на более эффективную отдачу. Всюду, где только это было возможно, он подавал свое дело (даже самое заурядное) как некий крестовый поход за справедливость. Десятки фраз, введенных в оборот Рузвельтом («говори мягко, но носи с собой большую дубину», «стрела неумолима, она не знает братьев», «честный курс» и т. п.), стали клише в американском политическом лексиконе.

Теодор Рузвельт пришел в Белый дом, чтобы «делать историю», и не хотел быть простой пешкой в руках монополий. Верой и правдой служа последним, он все же старался отрешиться от присущей им узости интересов. Своим отрицанием слепого, буквального следования требованиям Дж. П. Моргана и компании он показал зрелость политического руководства. «Полное отсутствие правительственного контроля привело к поразительному росту корпораций,— писал Рузвельт.— Ни в одной другой стране не было такого

всевластия тех, кто обладает гигантскими состояниями. Правительство практически бессильно. Изю всех форм тирании наименее привлекательной и самой вульгарной является тирания неприкрытого богатства, тирания плутократии». Рузвельт хотел сотрудничества в рамках решения общих для всего класса задач. Разумеется, никоим образом нельзя преувеличивать данный «бунт», интерпретируя его как столкновение правительства и бизнеса. Это было приведение в порядок всей системы власти правящей элиты. Рузвельт считал, что правительство — в интересах возвышения страны и поддержания своего господства — может сделать больше, являясь координатором деятельности бизнеса, а не послушным регистратором. Вступая на этот путь, Т. Рузвельт положил начало формированию в США основ государственно-монополистического капитализма.

Сотрудничество означало известную лояльность, дисциплинированность и подчиненность «капитанов индустрии» общему курсу главы правительственного аппарата. Поскольку активная роль государства была явлением новым, а большинство представителей бизнеса видело в любой регламентации кандалные оковы, то неизбежно возникали конфликты. Такие, как, например, дело о создании «Нозерн секьюритиз компани». Концерн с капиталом в 400 миллионов долларов представлял собой монополию, владевшую практически всеми главными железными дорогами Северо-Запада. Банкирский дом Моргана косвенно контролировал главные транспортные артерии страны. «Нозерн секьюритиз компани» аккумулировала не только громадную силу капитала и промышленности, но и десятки тысяч тружеников, эксплуатируемых концерном. Это было чревато общественными волнениями и заставляло федеральное правительство задумываться над социальной стабильностью. Рузвельт делился своими опасениями практически лишь с министром юстиции Ноксом, найдя в нем столь же обеспокоенного единомышленника. В результате закрытых встреч возникло поразившее фондовую биржу заявление Нокса от 19 февраля 1902 года, что правительство вскоре потребует расчленения «Нозерн секьюритиз компани» на основании антитрестовского закона Шермана.

Когда Дж. П. Моргану сообщили о решении применить против подвластной ему «Нозерн секьюритиз» закон Шермана, он (это случилось во время обеда) горько пожало-

вался, что человек такого социального происхождения как Рузвельт ведет себя вовсе не как джентльмен.

Дело против «Нозерн секьюритиз» началось 10 марта 1902 года. Страна напряженно ждала развязки. Казалось логичным, что последуют решительные действия. Этого, однако, не произошло. Показав первоначально полную готовность сокрушить «Нозерн секьюритиз», Рузвельт уже в апреле заявил, что «мы, конечно же, потерпим поражение, если примем на вооружение политику демагогов, неистовствующих против богатства, которое есть попросту форма воплощения бережливости, предвидения и разумности». Всей статистике вопреки президент объявил великой неправдой тот факт, что «бедные становятся еще беднее». Он согласился лишь с тем, что «некоторые из богатых стали слишком богатыми». Словесный полурадикализм прикрывал — и на некоторое время успешно — подлинную консервативность Рузвельта в сфере социальных отношений.

Вопрос о «Нозерн секьюритиз» решал Верховный суд. Разбирательство длилось долгие месяцы. Только в марте 1904 года Верховный суд пятью голосами против четырех пришел к решению, разъединяющему монополию, указав на образование «Нозерн секьюритиз» как на нарушение закона Шермана. Так Рузвельт — без особых потерь для крупного бизнеса страны — показал свое стремление укрепить статус президентской власти, увеличить ее возможности.

В первые месяцы своего пребывания в Белом доме он несколько изменил расстановку ближайших сотрудников, попытался поставить в подчиненное положение конгресс, а Верховный суд сделать простым регистратором федерального законодательства. Очевидным является желание Рузвельта вести политику, основанную на личном понимании внутривластных и международных проблем. Начинается неуклонное возвышение президентской власти над двумя другими, равными с ней по конституции, — законодательной и судебной. (Процесс этот продолжается по сию пору, и представляет интерес увидеть его истоки.) Семь с половиной лет пребывания Рузвельта на посту президента целиком отмечены борьбой за усиление роли исполнительной власти. Рузвельт в этой борьбе за приоритет не брезговал ничем. Там, где нужно было ослабить конгресс или Верховный суд, он охотно обращался за помощью к демократам. Стремясь заручиться поддержкой Верховного суда, он вводит

в его состав новых членов исходя из собственных критериев. «У него правильные воззрения на власть федерального правительства», — пишет Рузвельт К. Лоджу о новом назначенном им члене Верховного суда Х. Лертоне. Летом 1902 года, обсуждая кандидатуру судьи О. Холмса, он руководствуется стремлением ввести в судебную сферу своих единомышленников. «По моему мнению, рассматривая вопрос в высшем смысле, следует сказать, что тот, кто не придерживается определенной партийной принадлежности, не достоин занимать этот пост (члена Верховного суда. — А. У.), поскольку ему необходимо быть конструктивным государственным деятелем, учитывающим отношения с коллегами, государственными деятелями из других сфер правительства. Верховный суд шестидесятих годов был хорош именно тем, что его члены полностью разделяли воззрения президента Линкольна». Рузвельт начинает обзаводиться влиятельными союзниками в двух важнейших сферах — в бизнесе и политике.

Год 1902-й отмечен подъемом стачечной борьбы шахтеров. С началом осени цены на уголь резко поднялись. Рузвельт в коляске (из-за упрямства запустил лечение ноги после дорожного инцидента) разъезжал по кабинету, обдумывая способы решения первого острого социального конфликта его президентства. Он пришел к выводу, что лучшая тактика — это социальное маневрирование. Государство в лице Рузвельта приняло важнейшую в XX веке функцию координации взаимоотношений между работодателями и профсоюзами. Он вызвал телеграммами представителей конфликтующих сторон к себе.

Утром 3 октября 1902 года по противоположным углам большой приемной стояли шахтовладельцы и члены Объединенного профсоюза шахтеров. Федеральные чиновники — министр юстиции Нокс и ответственный за трудовые ресурсы Райт без колебаний присоединились к шахтовладельцам. По-иному поступил президент. Рузвельт въехал на инвалидной коляске и остановился посередине. Мотив он избрал священный — патриотизм. Он обрисовал страдания людей в неотапливаемых домах, заметил, что не намерен вдаваться в бесплодные дискуссии о требованиях и позициях.

Представитель угольных компаний Бер не дошел еще до казуистики, связывающей святые идеи патриотизма с «преступной активностью подрывных элементов», и обвинил

Рузвельта в попытках «переговоров с подстрекателями анархии, в злостном вызове закону». Президент Соединенных Штатов смотрел шире филаделфийского миллионера: политика отрицания самого диалога с верхушкой профсоюзных деятелей самоубийственна. И напротив, даже видимость беспристрастности окажется полезной для раскола рабочего класса, возрождения веры в верховную исполнительную власть, представляющую весь народ.

Впрочем, Рузвельт не мог занять в этом споре нейтральную позицию в ущерб классовой. Он метался между двумя курсами — насильственного подавления забастовки и тактических уступок. В самом узком кругу президент обсуждал возможность захвата шахт и эксплуатации их солдатами федеральных войск. Пусть губернатор Пенсильвании обратится за помощью в Вашингтон. «Тогда,— писал Рузвельт,— я введу в действие армию под командованием кого-нибудь из первоклассных генералов. Я дам инструкцию отстранить администрацию и обращаться с шахтами как с захваченной добычей». Такому генералу, некоему Шофилду, президент дал инструкции: «Действовать под моим командованием, не обращать внимания на судебные и другие власти, подчиняться лишь мне». Через неделю после начала переговоров по просьбе Рузвельта Э. Рут обратился с письмом к Дж. П. Моргану. Предлагалось создать арбитражную комиссию, не покушающуюся на права шахтовладельцев и частично удовлетворяющую требования забастовщиков. Состав предлагаемой Рузвельтом комиссии показался Моргану симпатичным: бывший президент Кливленд, окружной судья, чиновник федерального ведомства, эксперт по шахтному делу, представитель академического мира, епископ и представитель профсоюза.

Чтобы убедиться, что арбитражная комиссия не будет означать немедленного введения в США социализма, Морган направил своих людей — Бекона и Перкинса в столицу. Посланцы Моргана, по словам Рузвельта, «становились все более и более истеричными и... настаивали на той точке зрения, что неудача в разрешении данного вопроса приведет к насилию и, возможно, к социальной войне». В конечном счете предприниматели согласились на арбитражную комиссию при условии, что представитель профсоюзов будет именоваться «видным социологом».

Забастовка горняков окончилась компромиссом. Пред-

приниматели не признали легальности Объединенного профсоюза шахтеров. Это означало право увольнения любого рабочего по желанию администрации и хозяев. Но некоторые требования бастующих (установление девятичасового рабочего дня, частичное увеличение заработной платы) владельцы шахт были вынуждены удовлетворить.

Рузвельт на опыте убедился, сколь острой является проблема социальных взаимоотношений. Прямая защита государством частных интересов лишь заводит в тупик решение классовых конфликтов. Только гибкая тактика, умение мыслить по-новому, что и продемонстрировал президент Рузвельт в ходе забастовки шахтеров, способны сохранять господство капитала. Обсуждая книгу Б. Адамса «Экономическое превосходство Америки», Рузвельт писал С. Спринг-Райсу в 1899 году: «Мое собственное убеждение заключается в том, что мы должны будем уделять в следующие пятьдесят лет гораздо больше внимания грандиозной проблеме взаимоотношений капитала и труда, чем любому другому вопросу, включая экспансию. Я это говорю, несмотря на то, что сам являюсь прежде всего экспансионистом и полагаю, что мы должны занять принадлежащее нам место среди наций мира».

Америка выходит на мировую арену

СЛЕДУЕТ более внимательно рассмотреть основания внешнеполитической философии Теодора Рузвельта, чтобы лучше понять суть «переворота» в американской внешней политике, знаменующего новую глобальную вовлеченность США.

От всех предшествующих президентов Теодор Рузвельт отличался тем, что был тесно связан — семейными традициями, воспитанием, идейным багажом — с Европой. Его семья воспринимала Европу не как нечто чуждое, а как продолжение своего мира. Дядя президента — Джейси Рузвельт являлся другом Лафайета, был принят при испанском королевском дворе, много лет прожил в Париже. Отец президента часто путешествовал по Европе. Близкие родственники Т. Рузвельта по материнской линии жили в Англии. Становление самого Теодора Рузвельта, как уже упоминалось, во многом проходило во время длительных европейских турне его семьи.

Десятки членов парламента и британского кабинета министров, ряд выдающихся личностей этой блестящей для Англии поры были личными знакомыми Т. Рузвельта: Джозеф Чемберлен, Редьярд Киплинг, историк Джордж Тревельян, общественные деятели Джон Морли и Джеймс Брайс. С виконтом Гошеном, первым лордом адмиралтейства, Рузвельт беседовал о значении военно-морских сил в истории. За годы службы в Вашингтоне (в 90-е годы) Рузвельт тесно подружился с молодым английским дипломатом Сесилом Спринг-Райсом и германским дипломатом Германом Шпек фон Штернбергом.

Следует особо отметить, что делегирование исполнительной власти одному лицу — президентское правление в США дает исключительные возможности для влияния личности президента на курс внутренней и внешней политики.

Европейский опыт, европейская направленность взглядов Т. Рузвельта дали свои результаты вскоре же после занятия им Белого дома.

Став президентом, Т. Рузвельт произвел «тихую революцию» в идейных основаниях американской внешней политики. До него внешнеполитический курс определялся прощальным посланием Дж. Вашингтона: сохранять независимость от Европы и помогать в этом латиноамериканским странам. Рузвельт поставил целью добиться руководства общим мироустройством. Политическая ось сместилась с латиноамериканского направления на европейское.

Определились — на весь XX век — три направления политики США. Первое — южноамериканское, имеющее задачей вытеснение из Латинской Америки европейских держав. Второе — азиатское, призванное обеспечить усиление американских позиций в Китае и сдерживание Японии. Третье — европейское, нацеленное на упрочение своего влияния в этом регионе как гарантию достижения мирового господства.

Южноамериканская политика США традиционно проходила под флагом «доктрины Монро», согласно которой Западное полушарие рассматривалось как их заповедная зона. Президент Монро, выступая с указанной доктриной в 1823 году, обещал, что США, доминируя в Латинской Америке, не претендуют на вмешательство в дела европейских держав в других частях мира. Отступая от буквы «доктрины Монро» (захват Филиппин, например), Рузвельт целиком сохранял ее дух: США отвечают за «порядок» в двух десятках латиноамериканских стран. Ему принадлежит смелое утверждение, сделанное в 1904 году: эти страны «будут счастливы лишь в том случае, если станут хорошо себя вести». Право судить о их поведении, разумеется, принадлежало Америке. В предназначенном для публичного оглашения письме Э. Руту от 20 мая 1904 года Рузвельт объявлял целью США «сделать все соседние страны стабильными, упорядоченными и процветающими. Каждая страна, народ которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу сердечную дружественность. Грубые эксцессы или бессилие, ведущее к ослаблению внутренних связей общества, в конечном счете потребует вмешательства одной из цивилизованных наций, и в Западном полушарии Соединенные Штаты не могут игнорировать этой

обязанности». Яркий пример осуществления подобных идей — вмешательство США в дела Доминиканской Республики в 1904 году, когда агенты американского правительства взяли под контроль таможенные службы этого государства.

Главным событием в латиноамериканской политике Теодора Рузвельта явилось отторжение от Колумбии Панамы и строительство на ее территории канала, связавшего Атлантический и Тихий океаны. В соображениях Рузвельта доминировали военные мотивы: появлялась возможность скоростной переброски военно-морских сил из одного региона в другой. Рузвельт отказывался от участия любого международного консорциума — только американский контроль за постройкой канала казался ему приемлемым решением вопроса. Предстояло урегулировать отношения по данной проблеме с Англией. Значительные усилия были затрачены на модификацию договора Клейтона — Булвера, подписанного в 1850 году и дававшего равные права США и Британии на предполагаемый канал. В результате заключенного в ноябре 1901 года так называемого второго договора Хэя — Паунсфота Англия практически отказалась от прав на будущий канал. Теперь оставалось убедить Колумбию, что ее провинция Панама — лучшее место для строительства американского канала.

В Боготе шла отчаянная борьба — соглашаться ли с американским предложением, если да, то на каких условиях? Группа авантюристов решила нажиться на сооружении канала. Некий Бюно-Варилья стал самозванным посредником в переговорах с президентом Колумбии Марокином. Впоследствии Теодор Рузвельт напишет, что осуществление панамского проекта «было предпринято в соответствии с высшими, чистейшими, достойнейшими стандартами общественной и правительственной этики». Трудно найти более очевидную ложь.

По соглашению Хэя — Эррана Колумбии за предоставление права на строительство канала полагалось 10 миллионов долларов одновременно и четверть миллиона ежегодно. Зона канала — по три мили в обе стороны должна была находиться под юрисдикцией США. Рузвельт приказал своему послу в Боготе объявить, что «любая модификация какого бы то ни было положения договора будет рассматриваться как фактическое вероломство со стороны прави-

тельства Колумбии». Колумбия рискнула отвергнуть 12 августа 1903 года договор с США. Рузвельт увидел в этом действии исключительно желание набить цену. В декабре 1903 года он говорил конгрессу: «Мы были более чем справедливы в переговорах с ними. Наше великодушие вызвало серьезный вопрос, не зашли ли мы в отстаивании их интересов слишком далеко за счет наших собственных... Мы уступали всеми возможными способами, чтобы выработать договор».

К этому времени Рузвельт уже принял решение: 10 октября 1903 года он пишет, что «был бы в восторге, если бы Панама стала независимым государством». Военный министр Э. Рут получил приказ «создать карты местности и собрать информацию относительно побережья тех частей Южной Америки, которые представляли бы особый интерес в случае сражений в Мексиканском заливе или Карибском море». Переодетые в гражданское платье разведчики-офицеры наносили уточненные данные на карты побережья Колумбии, Венесуэлы, европейских колоний в Гвиане. Т. Рузвельт вместе с учеными мужами из академического мира работал над «философским» обоснованием готовящейся акции. Оказывается, «идя на строительство канала, Соединенные Штаты предпринимали работу не только для себя, но для всего мира... Вправе ли Колумбия стоять на этом пути?.. Позиция Соединенных Штатов совершенно отличается от позиции частных капиталистов, подсудных юрисдикции тех мест, где они проживают. Соединенные Штаты не подвержены таким ограничениям и могут сами заботиться о будущем». Эти слова законоведа-международника Джона Мура из Колумбийского университета вызвали восторг Рузвельта.

Осенью 1903 года эфемерные преграды в виде международного права рухнули окончательно. В проекте послания конгрессу Рузвельт пишет: «Мы должны приступить к строительству канала без лишних переговоров с Колумбией... этого требуют интересы нашей нации». Позднее появится еще более откровенное признание: «Если бы они не восстали, я дал бы конгрессу рекомендацию овладеть перешейком при помощи военной силы, и я уже написал первый вариант такого послания».

Но «они» (т. е. подстрекаемые и оплачиваемые американцами панамские заговорщики.— А. У.) «восстали», и

это был тот исключительный случай, когда Рузвельт приветствовал революцию. Заговор панамских сепаратистов, финансируемый и подготовленный США, был назван президентом «самой справедливой и достойной революцией». Свою роль сыграл соблазн получить те самые 10 миллионов долларов, которых оказалось мало Боготе. Международный авантюрист посредник Бюно-Варилья встретился 9 октября 1903 года с Рузвельтом и «пророчески» предсказал грядущее отделение Панамы. Состоялась также тайная встреча Рузвельта и Мануэля Амадора — служащего принадлежащей американцам Панамской железнодорожной компании. «Революция» стоила 100 тысяч долларов и должна была начаться 3 ноября. Амадору вручили проект конституции Панамы, декларацию независимости и текст будущей телеграммы о назначении Бюно-Варилья послом республики Панама в США. Жена Бюно-Варилья всю оставшуюся до отъезда Амадора ночь делала эскизы панамского флага.

Солдат местного гарнизона купили за 50 долларов каждого. Губернатор, чтобы облегчить свой арест, поселился в доме Амадора. В Панама-сити 3 ноября 1903 года пожарная команда начала раздавать оружие, двух заинтересовавшихся происходящим генералов заперли в полицейском участке. Утром следующего дня Амадор сообщил, что «мир потрясен нашим героизмом», что вчерашние рабы Колумбии стали свободными гражданами и провозгласил здравицу в честь республики Панама и президента Рузвельта. Подходящим из Колумбии войскам вручили 8 тысяч долларов и отправили назад на американском корабле «Ориноко». Из Вашингтона поступило распоряжение американскому консулу в Панаме признать новоявленное правительство, о чем уведомили и посольство в Колумбии. Так была осуществлена акция, которую президент Рузвельт назвал «самым важным делом», которое он совершил во внешней политике.

Мировая роль США зависела от признания Европы и прежде всего Великобритании. Именно поэтому английский аспект рузвельтовской политики заслуживает наиболее внимательного рассмотрения.

К концу XIX века в обеих странах — США и Англии вызрели тенденции взаимного сближения. Англия искала альтернативу своей «блестящей изоляции», но при этом

опасалась примкнуть к какой-либо из континентальных группировок. Ряд английских политиков, в том числе лорд Бальфур — друг Рузвельта, начали пропаганду проамериканских взглядов в духе «единства англосаксов». Охотно цитировались слова историка Маколея о «могущественной нации, в чьих венах течет наша кровь, чье мировоззрение сформировано нашей литературой, которая разделяет нашу цивилизацию, нашу свободу и нашу славу». Эта группа политиков проявила свои симпатии в период испано-американской войны. Лондон блокировал усилия испанской дипломатии заручиться какой бы то ни было европейской поддержкой. В Гонконге английские власти снабжали всем необходимым эскадру Дьюи, а в Каире задерживали пропуск испанских судов к Филиппинам. Более того, британский флот своими маневрами близ Филиппин показал, что может сдержать германскую эскадру, если та присоединится к испанцам. Государственный секретарь Дж. Хэй официально признал, что Британия в ходе войны оказалась «единственной европейской страной, чьи симпатии были на нашей стороне». Рузвельт с благодарностью писал английскому военному атташе Артуру Ли: «Я, как и весь наш народ, не забуду позицию Англии во время испанской войны, мы все знаем, что она спасла нас от возможности очень серьезных международных осложнений». Теперь Рузвельт мог надеяться, что «в условиях крайнего развития обстоятельств всегда будет, по меньшей мере, возможность, что одна из двух наций получит от другой нации нечто большее, чем только моральная поддержка».

Американские поклонники Англии отплатили той же монетой во время войны с бурами. Дело было не в простой солидарности. Рузвельт заметил в связи с неудачами англичан в Южной Африке: «Если Британская империя потерпит серьезное поражение, то это будет означать, что через пять лет, я полагаю, наступит война между нами и одной из воинственных наций континентальной Европы».

Для сближения с Англией Рузвельту предстояло сгладить наиболее острые противоречия, соответственно изменить общественное мнение. А это было особенно сложно в ситуации, когда симпатии широких кругов американцев всецело принадлежали бурам (деньги в помощь им посылал даже гарвардский студент Франклин Делано Рузвельт). Т. Рузвельт охлаждает пыл проходящих к нему с требова-

ниями о помощи бурам делегаций, говоря, что отстаивать права буров против англичан значит вмешиваться в чужие дела. Политикам он объясняет, что поражение англичан в Трансваале ослабляет всю англосаксонскую расу. Но главный аргумент был такой: Англия сражается на стороне цивилизации, ее поступательного движения, а буры, какие бы симпатии они ни вызывали, стоят на пути исторического развития, мешая ему. Поэтому буры обречены. Историческое развитие, полагал Рузвельт, идет по тропе колонизации.

В политических делах Рузвельта отличало пристрастие решать все через персональные связи. Он верил в личную дипломатию. В Лондоне он опирается не на полномочного посла США Чозта, а на одного из членов посольства — своего близкого друга Г. Уайта, имевшего поэтому больше возможностей для соответствующего влияния.

Цементируя почву для американо-английского сближения, Рузвельт наладил хороший личный контакт с послами Англии Дж. Паунсфотом и М. Гербертом. Преклонный возраст не позволял им разделять спортивных увлечений президента (как это делали, скажем, германский и французский послы). Но они активно содействовали в 1900—1903 годах атлантической вовлеченности английской политики, улучшению отношений Великобритании с США. После смерти М. Герберта Рузвельт приложил значительные усилия, чтобы Уайт-холл направил в Америку его давнего друга С. Спринг-Райса. Но английская дипломатическая иерархия диктовала свои условия, и в Вашингтон прибыл Дюран, с которым Рузвельт, несмотря на рекомендации своих друзей, так и не сблизился. Лишь в декабре 1906 года его сменил Брайс. До этого дипломатические инициативы Рузвельта осуществлялись в обход английского посольства в Вашингтоне.

США впервые могут разговаривать на равных с такой великой державой как Британия, даже ощущают ее подчеркнутую благосклонность. Король Эдуард VII более двадцати минут расспрашивал посла Чозта о Теодоре Рузвельте и «признался», что много читал о нем, восхищается им и желал бы иметь его портрет. Польщенный президент обещал «сохранить дружеские отношения между двумя странами». По поводу переизбрания Рузвельта король писал: «Вы, мистер президент, и я призваны представлять судьбы

двух великих ветвей англосаксонской расы и одного лишь этого факта, по-моему, достаточно для взаимного сближения». «Я абсолютно согласен с Вами,— отвечает Рузвельт,— относительно важности растущей дружбы и понимания между англоязычными народами». Рузвельт шлет королю «Покорение Запада», а тот по телеграфу выражает свой восторг.

В 1900—1904 годах американо-английский союз рассматривался многими в Вашингтоне и Лондоне как залог доминирования США в Западном полушарии и преобладания Англии в остальных регионах. «С Англией в Суэце и США в Панаме мы будем держать мир в крепких объятиях»,— писал Лодж в 1905 году Рузвельту. Чтобы схема была выдержана строго, Рузвельт в частном порядке обсуждает даже вопрос об обмене Филиппин на английские владения в Америке. Речь идет прежде всего о Канаде, но разбирался также вариант обмена Филиппин на Ямайку и Багамские острова. Мысль о присоединении к Штатам Канады сопутствовала Рузвельту все годы его президентства, несмотря на то, что дружба с Лондоном являлась одним из краеугольных камней его внешней политики.

Американо-английский конфликт по поводу границы между Аляской и Канадой продолжался с 1896 года — со времени открытия месторождений золота на Клондайке. Но дерзкий характер американская дипломатия приобрела лишь с вмешательством в дело Рузвельта. Отвергая идею международного арбитража, президент потребовал от Лондона договорного оформления невыгодной Канаде границы. Это уже было похоже на шантаж. Рузвельт пригрозил Британии (невероятное по тем временам!), что в случае ее несогласия прервет переговоры, направит специальное послание конгрессу и «проведет линию границы там, где, по мнению США, она должна быть». Британская империя была достаточно велика и могущественна, чтобы затевать спор из-за аляскинского пограничья, а интересы ее политики требовали дружественности Америки. Этим объясняется принципиальное согласие Англии на американские условия.

Получив в ноябре 1904 года мандат на второй срок, Рузвельт продолжал действовать в дразнящем его честолюбие направлении. Только добившись признания среди ведущих европейских держав, Америка могла ощутить свое

мировое значение, свою политическую полноценность. Улучшение отношений с Англией создавало предпосылки участия США в глобальной игре. Первый опыт весьма активного вмешательства американской дипломатии в европейские дела, когда мощь США стала что-то значить для сложившегося там баланса сил, был приобретен в марокканском кризисе.

Германия решила сделать Марокко пробным камнем в своей политике, направленной на запугивание Франции, ослабление ее формирующегося союза с Англией. Кайзер Вильгельм заявил, что Германия считает Марокко независимой страной и не допустит усиления французского влияния. Германское правительство предложило решить спорный вопрос на международной конференции, а чтобы не остаться на ней в одиночестве, спешно начало искать влиятельных союзников. Этим и вызваны частые контакты немецких дипломатов с Рузвельтом в первые месяцы 1905 года. Рузвельта просили выступить с протестом против решения проблемы Марокко в пользу Франции. Вкупе с германскими возражениями это должно было остановить Париж.

Рузвельт поблагодарил кайзера за доверие, хотя в действительности не собирался выступать в качестве преданного сторонника Германии. Он дал инструкцию своему послу в Марокко теснее сотрудничать с немецким коллегой («скажите ему, что я обязал вас к этому»), но в той же инструкции он приказывал установить наиболее дружественные связи с французами и англичанами.

Берлин надеялся на лучшее, он хотел грандиозным маневром — подключением Америки расстроить франко-английские узы. Если бы удалось договориться с США взять на себя Англию, то можно было рассчитывать на успех в переговорах с Францией. Чтобы как-то заинтересовать Вашингтон, Германия предлагала оказать нажим на марокканского султана и открыть двери американскому капиталу.

Время стягивало марокканский узел все туже. Рузвельту необходимо было как-то определить свою позицию. Не видя пока для себя ясных перспектив, он прибегает к уловкам, ссылаясь на незначительность американских интересов Марокко, как причину выжидательного бездействия США. Разумеется, Рузвельт понимал, что речь идет не о Марокко, а о европейском соотношении сил. Для США

было бы желательно сблизить Англию с Германией, чтобы самим занять достойное место в мировом сообществе. Ошибка Рузвельта состояла в том, что он недооценивал степени англо-германского антагонизма. Англия изъявила решимость поддержать Францию в марокканском вопросе.

Игра втемную продолжалась с апреля по июнь 1905 года. Посол Германии теперь уже говорил Рузвельту, что единственной альтернативой уступчивости Франции является европейская война. Президента просили по крайней мере способствовать созыву международной конференции. Рузвельт встретился 3 июня с послом Франции Жюссераном и поручил ему уведомить французское правительство, что Соединенные Штаты не примут участия в конференции. Это известие (оно держится в тайне от Германии) укрепило Париж в негативном отношении к конференции. Тем временем конфликт достиг своего пика. Призрак войны поднялся над Европой. Подсчитывая шансы, Рузвельт видел, что в условиях русско-японской войны Германия сокрушит Францию, уничтожит сложившееся равновесие, а вместе с ним и шансы Америки играть на противоречиях европейских держав.

Теперь Рузвельт согласен выступить активным примирителем. Вот его совет Жюссерану: «Что необходимо сделать, так это удовлетворить избыточное тщеславие Вильгельма II, из-за которого, во многом, проистекают нынешние трудности». Рузвельт уведомляет германского императора, что французское правительство неофициально сообщило ему о своем согласии на созыв конференции. Он откровенно льстит кайзеру, восхищаясь его дипломатическим искусством, волей и решимостью, изображая едва ли не главным благодетелем рода человеческого. «Я раньше сомневался в том, что император сможет добиться согласия французов... Это дипломатический триумф первой величины».

Комплименты нужно оплачивать. Кайзер обещал: «В том случае, если на грядущей конференции между Францией и Германией возникнут разногласия, германская сторона поддержит то решение, которое Вы сочтете наиболее справедливым и практичным». Крайне польщенный, Рузвельт немедленно сообщил об этом французскому послу. Появление промежуточной инстанции в какой-то мере со-

действовало принятию Францией предложения о проведении переговоров.

Обе соперничающие стороны нуждались в поддержке США на открывшейся в январе 1906 года Алхесирасской конференции. Америка оказалась в выгодной позиции «выбирающего». Рузвельт сделал ставку на Англию и ее союзников. Он пишет 7 марта 1905 года кайзеру Вильгельму: «Если конференция закончится провалом из-за чрезмерного германского давления на Францию, общее мнение Европы и Америки будет для Вас неблагоприятным». В беседе с фон Штернбергом Рузвельт выражается определенной: среди его советников и в конгрессе укрепляется мнение, что Германия неспровоцированно стремится унижить Францию, это делает роль посредника для американского президента все более трудной. Далее последовала угроза опубликовать в случае провала конференции всю касающуюся ее переписку. Рузвельт желал тем самым обезопасить себя, указав на объективный характер препятствий, преодолеть которые ему как посреднику не удалось. На Берлин ужесточение позиции США, несомненно, оказало воздействие. «Сохранение доверия между Берлином и Вашингтоном, немедленное снятие всех недоразумений гораздо важнее, чем все марокканское дело», — отвечает Рузвельту канцлер фон Булов.

В переписке с кайзером и в контактах с германским посольством Рузвельт выступал якобы тайным другом Германии. По существу же в марокканском кризисе он определился как защитник интересов англо-французской стороны. Документы свидетельствуют о его стремлении заработать политический капитал на поддержке в трудной ситуации Франции и ее союзников.

Обстоятельства созыва Алхесирасской конференции и участия США в ее подготовке говорят о полном торжестве тайной дипломатии. Маневрирование между Германией, Францией, Англией Рузвельт осуществлял практически в одиночку, и менее всего о его маневрах знали госсекретарь Дж. Хэй и послы в Берлине, Париже и Лондоне. Подобные методы были использованы при разрешении конфликта в другом регионе — на Дальнем Востоке. Проведение Портсмутской конференции, положившей конец русско-японской войне, также явилось результатом политической деятельности крайне узкого круга лиц.

Соединенные Штаты имели свои интересы на Дальнем Востоке и назвать их бесстрастным наблюдателем было бы неверно. Рузвельт полагал, что стержнем развития событий в Азии является англо-русское соперничество и Англия наверняка «в конечном счете уступит России» (написано в 1901 году). Вначале Рузвельт относился к России с симпатией, считая ее «проводником цивилизации». В письме президенту Американской лиги заградительного тарифа А. Муру в 1898 году Т. Рузвельт пишет: «Россия и Россия единственная среди европейских держав была в прошлом неизменно дружественна нам». Можно с довольно большой степенью точности указать время изменения его взглядов. Это период, непосредственно предшествовавший его вступлению в Белый дом. Уже в экспозе, датированном июлем 1901 года, отдавая должное «цивилизаторской роли» России, он пишет: «Возможно, что, зная ранее больше о наших торговых нуждах в Китае и Азии вообще, я мог бы изменить свою точку зрения». Рузвельт все больше начинает смотреть на Россию глазами враждебных ей англичан. Это верно даже в прямом смысле. Едва ли не главным источником его знания о России была переписка со Спринг-Райсом, в то время аккредитованном при английском посольстве в Петербурге.

С Японией у Рузвельта произошла обратная трансформация. В 90-х годах она мешала американской экспансии на Гавайях. С тех пор как Япония смирилась с переходом Гавайских островов к США и переключила свое внимание на азиатский континент, Теодор Рузвельт становится более дружественным к ней. «Потребовалось бы очень небольшое поощрение со стороны Соединенных Штатов и Англии,— пишет Рузвельту госсекретарь Хэй весной 1903 года,— чтобы ввести Японию в соблазн насильственного решения вопроса... Если мы сделаем лишь намек, японцы сию же минуту бросятся к горлу России». Трудно не согласиться с американским историком Г. Билем, полагающим, что «антирусская, прояпонская политика администрации Рузвельта воодушевила Японию пойти войной против России».

Япония была слишком сильна, чтобы допустить вмешательство в свои дела, поэтому главным объектом притязаний Рузвельта в Азии стал императорский Китай. Именно китайский рынок, полагали американские финансисты и

промышленники, является наиболее перспективным. Рузвельт в своих геополитических схемах считал, что США должны добиться признания Европы в отношении своего мирового статуса (этому, во многом, служила политика сближения с Англией), но с точки зрения получения непосредственных выгод Европа была закрыта для Америки. Словами Рузвельта (1905 год): «Наша будущая история будет больше определена нашей позицией на Тихом океане визи Китая, чем нашей позицией на Атлантике визи Европа».

Что до заселяющих бассейнов великого океана народов, то им отводилась роль сырьевого материала. Презрение Рузвельта к Китаю видно повсюду в его переписке и беседах. Китайцам, по его словам, необходимо «выйти из состояния дикости». А помочь им в этом должны американские бизнесмены, создавшие в конце XIX века «Компанию развития Китая». В нее входили Дж. П. Морган, ставший к январю 1905 года главным держателем акций, президенты нью-йоркских «Нэшнл сити бэнк» и «Чейз нэшнл бэнк», железнодорожный магнат Э. Гарриман и другие тузы американского бизнеса. В 1898 году компания добилась права строительства стратегически важной дороги Ханькоу — Кантон, протяженностью более тысячи километров. Компания находилась под непосредственным покровительством правительства, ей лично помогали государственный секретарь Дж. Хэй, посол США в Китае Э. Конгер и заместивший его в 1905 году Рокхилл. В длинном письме, адресованном Моргану, Рузвельт обещал помощь правительства в деятельности «Компании развития Китая»: «Правительство будет поддерживать вас любыми из достойных способов, чтобы вам в этом деле не сделали дурного ни китайцы, ни любая другая держава».

В завоевании китайских рынков были особенно заинтересованы текстильные фабриканты Новой Англии. Будущий президент, а пока военный министр в правительстве Рузвельта, У. Тафт назвал 15 июня 1905 года китайский рынок «одним из величайших призов мировой торговли». Желание заручиться в борьбе за этот рынок помощью Японии и ее союзницы Англии привело к тому, что симпатии американского руководства оказались в 1904 году на стороне Японии. Вашингтон был в целом удовлетворен таким поворотом событий, о чем, в частности, говорят приглашения

японских дипломатов на виллу президента в Ойстер-бей. С ослеплением, которое, однако, быстро спало, Рузвельт превозносил в 1904 году доблести Японии.

Со временем пришли раздумья: «Если японцы добьются победы, не только славяне, но и все мы должны будем считаться с огромной новой силой в Восточной Азии. Победа сделает Японию саму по себе гигантской силой на Востоке, потому что другие заинтересованные нации имеют разнообразные интересы, множество забот, двойные ноши, в то время как у Японии будет одна забота, один интерес, одно бремя». К июню 1905 года мрачные предположения перешли в уверенность: «...если японцы выиграют войну, это, возможно, будет означать борьбу между ними и нами в будущем». Желание не допустить победы ни одной из сторон подтолкнуло Теодора Рузвельта выступить в роли миротворца. Америка предпочла бы ослабление обеих воюющих сторон. Победа Японии грозила США потерей возможности выхода на китайский рынок, утратой ключевых позиций на Тихом океане. Рузвельт хотел, чтобы Россия продолжала сдерживать в Восточной Азии Японию и в то же время стремился предотвратить усиление русского влияния в Китае и закрепление там зон влияния европейских держав.

Рузвельт был против созыва международного конгресса по вопросу прекращения войны: Америка попала бы на нем в жернова европейского соперничества. Оставалось взять дело организации русско-японских переговоров в свои руки. Рузвельт вел себя крайне осторожно, не использовал даже дипломатическую машину госдепартамента, предпочитая личные связи. Посредниками выступили посол Японии в США Такахира и барон Канеко (с ним Рузвельт учился в Гарварде). В переговорах с русским правительством Рузвельт опирался на помощь кайзера Вильгельма (содействие оказывал старый друг — посол Шпек фон Штернберг) и посла США в России Джорджа Мейера.

Для выдвижения мирной инициативы Рузвельт ждал подходящий момент. Он наступил 31 мая 1905 года. В этот день Рузвельт получил каблогранму от министра иностранных дел Японии Комуры, содержащую принципиальное согласие на мирную конференцию, процедуру созыва которой предлагалось выработать американскому президенту. Николай II согласился на проведение конференции при условии, что в ее работе не будут участвовать посредники,

а требования Японии станут известны заранее. Зная о принципиальном согласии обеих сторон, Рузвельт выступил со «смелым» предложением, а 10 июня 1905 года официально пригласил их за стол переговоров. Лишь спустя много лет стало известно о тайных встречах Рузвельта с японцами и других подготовительных акциях.

Рузвельт хотел бы созвать встречу в Гааге или Женеве, но воюющие стороны предпочли Вашингтон, хотя впоследствии изменили свое мнение в пользу приморского американского города Портсмута. Бесконечные дразги по поводу места, времени, состава делегаций привели Рузвельта в отчаяние. «Я едва не потерял рассудок, сводя Россию и Японию вместе. Чем больше я узнаю о царе, кайзере и микадо, тем больше проникаюсь симпатией к демократии, если даже включить в число ее столпов американскую прессу». Однако именно для этой прессы многое делалось американскими организаторами конференции. Например, организовано посещение главами делегаций — С. Витте и Р. Розен от России, Комура и Такахира от Японии — стоящего на рейде Ойстер-бей президентского корабля «Мэйфлауэр».

В конфиденциальной переписке Рузвельт не скрывал, что симпатии Соединенных Штатов на японской стороне. «Витте и прежде всего царь должны отчетливо понять, что эта война проиграна, мир должен быть подписан с ясным осознанием того, что японцы — победители» (из письма германскому послу). Николай II ошибался в надеждах, когда просил (через кайзера) Рузвельта изучить предварительно японские предложения и уговорить снять крайние требования.

Условия мира, между тем, вырабатывались в борьбе интеллектов и воли, и здесь русская сторона захватила инициативу. Лидером в переговорах стал граф С. Витте. В отличие от Рузвельта он верно оценил степень износа военной машины Японии и желание японских правящих кругов остановиться на достигнутом. Витте, помимо прочего, продемонстрировал завидное знание американской жизни, значения прессы в Штатах: к концу конференции многие из влиятельных органов печати, поначалу враждебные России, изменили тон. Косвенным образом Витте использовал и самого Рузвельта, поставив его в положение, когда тот должен был торопить японцев. Когда конференция, ка-

залось, зашла в полный тупик из-за спора о Сахалине и контрибуциях, Рузвельт сделал ход, увенчавший его примирительные усилия. В прямом обращении к Николаю II он обрисовал то, что виделось ему оптимальным компромиссом: Япония отказывается от требования ограничения русских военно-морских сил на Тихом океане (Рузвельт добился этого от японцев), а Россия соглашается на отторжение южной части Сахалина и выплату контрибуций. «Если мир не будет заключен в данный момент... Россия лишится восточносибирских провинций».

С. Витте использовал «откровенность» президента и повернул дело таким образом, что японская сторона, отказавшаяся от сдерживания численности российского флота и аннексии Сахалина с целью получения контрибуций, предстала миру как держава, готовая продолжать кровопролитие исключительно ради обогащения. Рузвельт был мастерски прижат к стене. Уже 22 августа он пишет Канеко, что продолжение войны Японией, не достигшей договоренности только лишь по денежному вопросу, грозит для нее отчуждением мирового общественного мнения. Даже если Япония завоюет всю Сибирь, это не заставит русских раскошелиться. Россия, связав себя словом, все равно не откажется от принципа не платить денег, а «весь цивилизованный мир поддержит ее в этом решении». Рузвельт потребовал от своего японского адресата, чтобы данная точка зрения была доведена до сведения японского правительства.

Поддержка Японии оборачивалась двойной угрозой: если японцы продолжат войну и добьются значительных успехов, это пошатнет баланс сил на Тихом океане в ущерб США; если имя Рузвельта будет связано с алчностью японцев, он может потерять престиж внутри страны. Помимо прочего, связать себя с провалившейся конференцией, предстать в глазах мира неудачным примирителем — этого болезненно самолюбивый Рузвельт вынести не мог («Я поседел за эти переговоры», — жалуется он в частном письме).

Рузвельт разворачивает бурную деятельность. Пожалуй, наиболее важное значение имели закулисные действия президента 27—29 августа, когда русская делегация, следуя избранной тактике, демонстративно упаковала чемоданы. Рузвельт переходит к грубому нажиму: если японская сто-

рона не сделает уступки, провала не избежать. Витте, уже получив царскую волю прервать переговоры, на свой страх и риск объявил о последней сессии 29 августа. Он был настолько уверен в исходе дела, что телеграфировал в Петербург: «Я почти полностью убежден, что они уступят». Так и случилось. Барон Канеко сообщил Рузвельту новости: «Наш император принял решение следовать той линии политики, которую Вы предложили в своем письме ко мне, переданном по кабелю нашему правительству». Когда приглашение было подписано, Рузвельт послал японскому императору «сердечные поздравления по поводу мудрости и великодушия, которые проявил он и японский народ».

Наедине с французским послом президент отвел душу: «Быть вежливым, симпатизирующим и спокойным, объясняя в сотый раз нечто совершенно очевидное, в то время как единственным желанием является разразиться словами ярости, вскочить и ударить их друг друга лбами — я надеюсь на то, что такое подавление побуждений в конечном счете пойдет на пользу моему характеру».

К. Лодж обратился к европейскому «барометру». Он желал знать, имела ли успех миротворческая акция, предпринятая с целью повышения мирового престижа Америки, и он остался доволен: «Мы — величайшая существующая моральная и физическая сила, и мир на земле зависит от нас». Лодж как бы смотрит через десятилетия, предвосхищая устойчивую тенденцию внешней политики США.

Каким же было реальное значение посредничества Рузвельта, добился ли он своих целей? В некоторой мере — да, США заняли довольно видное место в мировой иерархии. Престиж Америки укрепило решение Нобелевского комитета присудить Рузвельту премию мира. Однако на августовской встрече 1905 года в Портсмуте Рузвельт не владел ситуацией. Его использовали для оказания давления на Японию. Портсмутский мир и все, что с ним связано — прежде всего американское посредничество — были восприняты японцами негативно. В конечном итоге миротворчество Рузвельта привело к охлаждению американо-японских отношений — результат, противоположный стремлениям президента.

Вместо того, чтобы содействовать негласной договоренности США, Японии и Англии (контролирующего восточноазиатские дела треугольника), близорукая политика

Рузвельта, в известной мере подтолкнувшая Японию к силовому решению ее спора с Россией, привела к возвышению Японии и отчуждению ее от англосаксонских союзников. В конце 1906— начале 1907 года напряжение достигло такого предела, что Рузвельт считал вероятным начало военных действий. Из Петербурга сообщали об откровениях японского дипломата, утверждавшего, что Япония может в любую минуту захватить Филиппины и Сэндвичевы острова. В лондонском адмиралтействе считали шансы победы Японии в войне с США как пять к четырем. На верфях Англии, возобновившей свой договор с Японией, были заложены для союзницы три новых линкора. Кайзер Вильгельм уведомил президента о планах Японии захватить Панамский канал, передал через американского посла данные о проникновении японцев в Мексику.

К середине 1907 года Рузвельт фактически признал неудачу своей стратегии на Дальнем Востоке, рассчитанной на установление здесь равновесия сил и достижение дружественности Японии. Если провалилась кабинетная дипломатия, можно пригрозить противнику, показав, что с Америкой спорить опасно. Рузвельт выступил с идеей кругосветного похода: направить к берегам Японии шестнадцать линейных кораблей. В американской дипломатии XX века существовало ложное мнение об «оздоравливающем» влиянии демонстрации военного превосходства. Родившиеся в антиколониальной войне Штаты забыли, что их собственных борцов за независимость отнюдь не испугала мощь Британии тех времен.

К разочарованию Рузвельта, запугивание оказалось неэффективным приемом. Три дня в октябре 1908 года стояла американская эскадра на рейде Иокогамы. Шла бойкая торговля восточными товарами, играли оркестры, было много цветов. Япония, ослабленная войной с Россией, изобразила дружелюбие. Но угли американо-японских противоречий продолжали тлеть. Это явилось крупным просчетом во всей азиатской политике США, с последствиями которого пришлось столкнуться в 1941 году другому Рузвельту.

Политическое мировоззрение Рузвельта характеризуют два момента. Во-первых, полагал он, общественные процессы как внутри страны, так и вовне определяются волей сильной личности. Законы, как и приличия, надо соблюдать, но великий человек не должен сковывать себя условностями.

Во-вторых, Рузвельт утверждал релятивизм в политике, относительность систем логических и исторических доказательств. Он верил в «множественность» правды, в справедливость «каждого по-своему». Это, может быть, и избавляло его от педантизма и излишней жестокости, но такой подход говорит об отсутствии у него общих мировоззренческих основ. Кто их не имеет — спасается прагматизмом. Рузвельт и был отнюдь не апостолом абстрактных общечеловеческих истин, а хватким, энергичным проводником принципов воспитавшей его среды. Когда же он пытался обобщать, то дальше констатации равнозначности перед лицом истории проявивших свою жизнеспособность и силу явлений он не идет.

К примеру, в то время многое говорилось о новом могучем факторе — германской экспансии. Рузвельт на этот счет отказывается выдвигать моральные или какие бы то ни было иные критерии. Немцы по-своему правы. «Будь я немцем,— пишет он,— я желал бы экспансии германской расы... как немец я был бы в восторге унижить англичан в Южной Африке, бросить вызов американцам и их «доктрине Монро» в Южной Америке... Международное право и прежде всего закон в отношениях между расами находятся еще во флюидном состоянии и две нации с резко конфликтными интересами могут быть совершенно правы с их собственной точки зрения». Такое «всепонимание» имеет привлекательные черты лишь с первого взгляда, или для того, кто не знаком с мировой историей. При этом подходе всеобщим эквивалентом становится не право, а сила. Последняя исторгает худшие инстинкты человеческой природы. Рузвельт жил достаточно долго, чтобы увидеть это на фронтах первой мировой войны. Когда в его ведении находились пресловутые «рычаги власти», он внес свою лепту в общее движение империалистической системы к катастрофе 1914 года.

Рузвельт сознавал важность экономического фактора в отношениях как между людьми, так и между странами, но считал, что сила, а не экономический интерес правит миром. Не в торговле, скажем, видел он средство сплочения народов, а в обладании «оружием возмездия», внушающем уважение. Именно Рузвельт стоит у основания США как мировой военной державы. Подключившись к мировой гонке вооружений, Рузвельт содействовал ее ускорению. Его стра-

на быстро стала лидером в ней, но это не принесло ей безопасности, вызвав противоположный эффект.

Основу внешнеполитической концепции Рузвельта составлял простой тезис: великие империалистические державы должны найти форму если не сближения, то примирения своих интересов, а всю энергию обратить на нецивилизованные просторы земли, устроив передел которых, закрепить свой компромисс. В терминах Рузвельта это звучало как «императив распространения цивилизации».

Отсюда рузвельтовская оценка различных исторических явлений: если Германия захватывает часть Дании — это должно быть оценено как прискорбное явление, пагубное для культуры и цивилизации. Если же Германия захватывает Того, это следует приветствовать как решение германского народа взять на себя часть бремени белого человека.

В своих глобальных схемах Рузвельт видел союз колониальных метрополий, осуществляющих совместное мировое руководство остальным, «незрелым» миром. Эта главная перспективная установка потерпела решительный крах несколько лет спустя после ухода Рузвельта из Белого дома — с началом мировой империалистической войны между двумя агрессивными группировками в Европе. Напрасны в этом смысле были такие миротворческие усилия Рузвельта, как Портсмутская и Алхесирасская конференция, гаагский арбитраж.

«Цивилизаторскую» миссию мирового капитализма клеймил В. И. Ленин. В работе «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» (1907 г.) Ленин требовал от мировой социал-демократии отказа от занятой оппортунистическим большинством позиции, в результате которой «...появилась чудовищная фраза: «конгресс не осуждает в принципе и на все времена всякой колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие». На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной политики и буржуазного мирозерцания, оправдывающего колониальные войны и зверство. Это — отступление в сторону Рузвельта, сказал один американский делегат»*. Так Ленин связал с именем Рузвельта жестокость колониаль-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 82.

ных войн, прикрываемых императивами «распространения цивилизации».

Т. Рузвельт установил каноны тайной дипломатии, характерной для ведения американской внешней политики в XX веке. При нем началось движение в сторону «имперского президентства», резкого увеличения прерогатив исполнительной власти. При нем Америка решительно вступила в эру империализма. Рузвельт прилагал максимальные усилия для популяризации экспансионистской внешней политики, ясно понимая важность пропаганды. «Нашей первостепенной задачей должно быть воспитание общественного мнения в соответствующем духе». Понадобился Вьетнам, провалы политики «холодной войны», чтобы произошло некоторое общественное отрезвление.

Говоря о результатах внешней политики Рузвельта, следует отметить, что он добился частичного успеха в изменении главной тенденции, сумел трансформировать обращенность США сугубо на Западное полушарие в более диверсифицированную стратегию. Главным новым элементом стала причастность к европейским делам. Рузвельт буквально форсировал улучшение отношений с Англией и — в этом таились роковые ростки будущего — впервые подключил мощь Америки к нестойкому европейскому балансу сил.

В достижении конкретных результатов его дипломатия не была особенно эффективной, более того, в ряде важных моментов она являлась ошибочной, что показало будущее. Стимуляция японской агрессии в Корее параллельно с неудачной помощью японцам на Портсмутской конференции укрепили тихоокеанского конкурента США. Частичная помощь кайзеру в Алхесирасе — при одновременной и более важной поддержке Франции и ее союзников — привела германскую дипломатию в западню. Дружественность Берлина была потеряна. Возникло отчуждение США и Германии, завершившееся выступлением США на стороне Антанты. Под водительством Рузвельта американская дипломатия не сумела пробиться в Китай, ставший ареной соперничества Японии и европейских держав. Рузвельтовская политика «большой дубины» вызвала ненависть латиноамериканских народов.

Один из видных государственных деятелей Америки XX века, Рузвельт является символом активизма, основанного на социальной и расовой несправедливости.

На пути к государственно-монополистическому капитализму

ПОСЛЕ столетнего господства в идейной жизни США буржуазный либерализм встретил мощного соперника — идеологию буржуазного реформизма. Причины появления этого течения, ставшего преобладающим в Америке XX века, коренятся в особенностях экономического развития страны. Переход капитализма в монополистическую стадию был связан с исчезновением свободных земель и соответственно тех возможностей, которые оживляли «американскую мечту». Монополизация нанесла сокрушительный удар массе мелких хозяев, на которую опирался индивидуализм «свободного» капитализма прежних лет. Стало ясно, что монополии растоптали мир неограниченной конкуренции, что фермер Запада и рабочий Востока не являются конкурентами гигантским компаниям, что для исторического развития необходим поиск новых путей.

Озабоченность будущностью Америки проникает в ряды идейной элиты буржуазного общества. Что волновало идеологов буржуазного реформизма в первую очередь? Выработка механизма воздействия на монополии, установление отношений с профсоюзами, особенно в ходе забастовок и прочих проявлений классовой борьбы, решение вопроса предоставления кредита мелким хозяевам — вот наиболее острые проблемы. В начале XX века дилемма: абстентизм государства, его невмешательство в общественные дела или государственное регулирование и реформизм — решается в пользу последнего пути. Новые идейные вожди, такие как Г. Кроули, Л. Брэндайс, У. Уэйл, У. Липпман отказываются от идеологии чистого свободного предпринимательства. И воззрения буржуазных реформистов находят понимание у хозяев Белого дома. Начинается эпоха усиленного внимания исполнительной власти к вме-

шательству государства в экономическую жизнь и социальные процессы. Буржуазные реформисты становятся, хотя и не сразу, идейными столпами общества.

Упрочились позиции социал-дарвинизма. Позитивным являлось представление о юридическом законе не как о статичном, раз и навсегда данном определении, а как о развивающейся совокупности идей. Судья О. Холмс сформулировал чеканную фразу: «Жизненной сущностью закона является не логика, ею является опыт». В своих эссе, книгах, судебных речах Холмс, будучи в целом пессимистом в отношении социального реформирования, с большой силой логики и авторитета утверждал ту мысль, что людские законы — дело людей и людьми же могут быть изменены. (Для консервативно мыслящего большинства правящей элиты Америки рубежа веков это была почти ересь.) Внес свою лепту и другой верховный судья — Л. Брэндайс. По его легальной экспертизе, право покупать или продавать рабочую силу является одной из «свобод», гарантируемых конституцией, и это право подлежит всем разумным ограничениям, которые выдвигает государство, имея в виду защиту всеобщего блага. Для дела буржуазного реформизма важным было выступление Л. Брэндайса за ограничение рабочего дня женщин в Орегоне десятью часами. Газеты назвали судью опасным анархистом, но Верховный суд США признал его мнение обоснованным. В Вашингтоне более ясно, чем в далеком лесном Орегоне увидели опасность «безличного», основанного лишь на слепой защите частной собственности подхода.

Параллельно с новыми веяниями в юриспруденции шел процесс обновления буржуазной исторической науки. Э. Саймонс в опубликованном в 1903 году памфлете одним из первых сделал «набег» на святая святых — Американскую революцию. По его мнению, это была «мирового масштаба борьба между противостоящими социальными классами... Промышленное развитие колоний достигло такой стадии, на которой их связи с Англией препятствовали этому развитию». Еще более остро он высказывался о Конституции: «Органический закон этой нации был сформулирован на секретной сессии созданного посредством конспиративного трюка собрания и навязан населению бесчестным путем в интересах небольшой группы богатых правителей».

В 1907 году еще один «апостол» реформизма — А. Смит писал в книге «Дух американского правительства»: «Законы, установления, системы управления являются в определенном смысле искусственными созданиями и должны рассматриваться в соотношении с целями, которые они имеют в виду. Они являются хорошими или плохими в зависимости от того, хорошо или плохо служат социальным нуждам». В системе баланса властей А. Смит усматривал сознательно созданный механизм сокрытия от эксплуатируемых масс виновника их бедственного положения. Будущий лидер буржуазного реформизма сенатор Р. Лафолет распорядился максимально широко распространить книгу Смита в своем штате Висконсин. Но самый большой удар по основам Конституции США нанес историк Ч. Бирд в поразившем всю страну исследовании «Экономическая интерпретация конституции», где представил ее аргументированное объяснение; это продукт компромисса между различными экономическими интересами и средство сохранения привилегий власть имущих.

К реформизму двигалась и буржуазная философия. В опубликованной в 1903 году книге «Исследование логической теории» Дж. Дьюи обосновал идеи реформизма. «Последним прибежищем сторонника сохранения существующего положения,— писал он,— является представление, что мышление может произвести лишь один вид правды, поскольку все наследованные от прошлого установления, результат прошлого мышления, находятся вне посягательств. Но, на самом деле, мышление является видом деятельности, которую мы осуществляем в случае особой нужды, так же как испытывая необходимости другого рода, мы начинаем другие виды деятельности... Степень успеха, уровень ценности измеряются тем, насколько мышление позволяет нам преодолевать трудности». Мышление — орудие приспособления человека к переменам, идеи должны служить делу создания более благоприятного для жизни окружения. Джон Дьюи создал систему мышления, целиком удовлетворяющую реформизм, и не случайно прижизненно завоевал авторитет самого влиятельного философа своего времени.

Время требовало перемен. Юристы, историки, философы, все те, кто задумывался над судьбами общества с присущими ему социальными антагонизмами, пришли к выво-

ду, что перемены неизбежны, и лучше осуществить их не вопреки, а при помощи механизма буржуазного государства.

Для осуществления своей внешней политики Рузвельт нуждался в том, чтобы держать в узде монополии, не дать им перегрызть друг другу горло, не позволить довести давление пара в социальном котле до критической точки. Он планирует создать новое министерство — департамент торговли и труда, а также координационный центр — Бюро корпораций, предназначенное, согласно заявлению Белого дома от 6 января 1903 года, «расследовать деятельность корпораций». Рузвельт знает, что бизнес имеет две трети голосов сенаторов, необходимых для блокирования функций надзора Бюро корпораций. Тогда он предпринимает следующее.

Собрав журналистов, Рузвельт изложил небезынтесную информацию: достоверно известно, что шесть сенаторов получили от Дж. Д. Рокфеллера телеграммы, инструктирующие не допустить антитрестовского законодательства ни в какой его форме. В возникшей ситуации желание конгрессменов избежать огласки создало благоприятные условия для прохождения законодательства, что и показало голосование в палате представителей 10 февраля 1903 года. Закон о создании департамента торговли и труда со всеми поправками президента прошел 251 голосом против 10. На следующий же день последовало одобрение сената.

Дальнейший образ действий крайне характерен для Рузвельта. После резкой критики верхушки монополистов во главе с Рокфеллером, названным персонально, президент тотчас же начал движение в противоположную сторону. В период 1903—1904 годов министерство торговли и труда, возглавляемое Джорджем Кортелиу (прежним личным секретарем Рузвельта), не провело ни одного расследования деятельности монополий. Именно тогда Рузвельт говорил в частных беседах: «В политике мы должны делать много такого, чего мы не должны делать».

Теодора Рузвельта не интересуют деньги, ему безразличны многие соблазны жизни, у него одна страсть — политика. Уже весной 1903 года он начал готовиться к президентским выборам. (В числе намеченного — охота на львов в каньоне Колорадо. Рузвельт придавал успеху в ней огромное, буквально мистическое значение. Лично

убитый лев — вот козырь для претендента на пост главы исполнительной власти в США.)

Предстояла решающая битва с сенатором Марком Ханна. Важно было, не уничтожив аппарат республиканской партии, захватить руководство им. Битва, однако, не состоялась. Смерть Ханна в феврале 1904 года открыла дорогу к захвату власти над партийным аппаратом. На пост национального председателя республиканской партии Рузвельт назначил человека, полностью обязанного ему своим возвышением — Дж. Кортелиу. Перед выборами Рузвельту было важно заручиться поддержкой экономических хозяев страны. Демонстрируя покорность, он передает текст своего годовичного «Послания стране» в 1903 году президенту «Нэшнл сити бэнк» Дж. Стилмену для редакции и внесения поправок, заранее соглашаясь с любыми. В послании Рузвельт с гордостью говорит о «здравой и консервативной линии», которой он придерживается в законодательстве, регулирующем отношения в мире бизнеса. Тактика Рузвельта увенчалась успехом. Уолл-стрит ориентировался на республиканскую партию. Вот слова Э. Карнеги: «Я надеюсь, что победит Рузвельт. Я убежден, что правление республиканцев является наилучшим для страны».

Специальная сенатская комиссия в 1912 году сделала достоянием общественности сумму затрат республиканцев на президентскую кампанию 1904 года. Фактом, подтверждающим роль корпораций как главной опоры Рузвельта, является то, что из 2 миллионов 195 тысяч долларов наличными железнодорожный магнат Э. Гарриман внес 50 тысяч и собрал еще 200 тысяч долларов. Даже «преследуемая» «Стандард ойл» внесла 125 тысяч долларов.

С преимуществом в два с половиной миллиона голосов избирателей 8 ноября 1904 года Рузвельт обошел своего конкурента — кандидата от демократов — судью Э. Паркера из Нью-Йорка. По выборщикам успех тоже был огромным (336 выборщиков за Рузвельта против 140 за Паркера). Опьяненный победой, Рузвельт сделал жест, о котором впоследствии горько жалел. Ссылаясь на «мудрый обычай, ограничивающий президента», Рузвельт заявил: «Ни при каких обстоятельствах я не буду кандидатом и не приму другой номинации». Так был отрезан путь к выдвижению его в президенты в 1909 году.

Победив на выборах, Рузвельт входит в зенит своего могущества, хотя отчасти его сдерживали «капитолийские старцы». Конгресс упрямо не желал превращаться в покорного слугу президента. «Здесь есть несколько выдающихся государственных деятелей,— пишет Рузвельт,— которых я с охотой отдал бы русскому правительству, реши оно использовать их в качестве охранников при великих князьях там, где вероятно применение динамитных бомб».

Несомненно, что к этому времени он оценил как недостаточные возможности свободного капитализма, не стесняемого и не направляемого государством, в деле регулирования социальных отношений. Выступая в январе 1905 года в Филадельфии, Рузвельт высказал мысль о необходимости координации усилий всего класса в целях самосохранения. «Великое развитие индустриализма означает, что должно произойти увеличение надзора, осуществляемого правительством над предпринимательством... Ни этот народ, ни какой бы то ни было другой не будет постоянно терпеть давление власти, сосредоточенной огромным богатством, без того, чтобы придать правительству еще больше власти, используемой ради, а не против интересов народа в целом». Выдвигая идею «надзора за бизнесом», Рузвельт, с одной стороны (и это главное), совершенствовал механизм господства капитала. В письме Дж. Тревелияну 9 марта 1905 года Рузвельт говорит о своей задаче. «Мы должны каким-то образом выработать методы контроля над большими корпорациями, не парализуя энергии деловых кругов». С другой стороны, он реализовывал через укрепление федерального аппарата стремление сосредоточить максимум власти в своих руках, ослабить свою зависимость от монополистических кругов, иметь возможность осуществлять собственные политические концепции.

Рузвельт являлся открывателем новых путей, создателем разновидности социального приспособленчества. Одно время он поддерживал мелкобуржуазных критиков монополизации. Мираж альянса Рузвельта с прогрессистами и «разгребателями грязи» (общеупотребимое название группы писателей и журналистов, данное Рузвельтом) в конечном счете рассеялся. Но прежде чем это произошло, Рузвельт извлек политический капитал из общественной поддержки движения. Президент был достаточно дальновиден, чтобы понять: гонимые «разгребатели грязи» будут

более опасны, чем кое в чем поддерживаемые властями, а именно, в борьбе против очевидных преступлений монополий.

Трудно сказать об этой литературе лучше, чем журнал «Атлантик мансли» за август 1907 года: «...Они разоблачали горькую и удручающую гнилость нашей политической практики; безнадежную апатию лучших из наших граждан; неизлечимую коррупцию великих финансистов и бизнесменов, подкупавших общество при помощи мошеннических уловок, отравляющих нашу пищу, спекулирующих фондами трестов, занятых комбинациями, созданием гигантских монополий с целью задушить и уничтожить мелких конкурентов. Они показывают нам наши социальные язвы, они показывают нам воровство бизнеса, гангрену личного бесчестия среди уважаемых людей, удручающий рост числа дающих и принимающих взятки. Они говорят нам о возмутительной экстравагантности богатства и о росте бедности». Линкольн Стеффенс создал серию «Позор городов», Ида Тарбел написала потрясающую историю нефтяной монополии «Стандард ойл компани», Рэй Бейкер — книгу «Суд над железной дорогой». Авторы не претендовали на широкие обобщения, но, описывая город за городом, одну сферу деятельности за другой, они давали картину больной нации.

Огромный успех выпал на долю Эптона Синклера. Получив 500 долларов от журнальной редакции, он жил семь недель в чикагском районе обработки мяса и консервирования. Описанная им история жизни работающего на бойнях эмигранта была приговором существующему порядку вещей. В предисловии Джек Лондон писал: «Книга откроет глаза и уши всем тем, кто был слеп и глух к социализму!.. Она описывает, чем в действительности является наша страна, пристанище угнетения и несправедливости, кошмар ничтожного существования, ад страданий, ад на этой земле, джунгли диких зверей... То же, что «Хижина дяди Тома» сделала для черных рабов, «Джунгли» имеют шанс сделать для белых рабов современности».

Издательство «Даблдэй, Пэйдж и компани» соглашалось напечатать «Джунгли» отдельной книгой при условии, что будет осуществлена проверка приведенных в ней фактов. Рузвельт поручил министру сельского хозяйства совместно с Э. Синклером обеспечить расследование положения дел

в консервной промышленности. Доклад обнажил неприглядную картину безудержной эксплуатации и крайне антисанитарных условий. Исходя из доклада и рекомендаций президента, сенатор Беверидж внес законопроект об инспекциях на консервных заводах.

Чикагские миллионеры-скотопромышленники почувствовали себя уязвленными в лучших чувствах. Не они ли вносили деньги в фонд республиканской партии, не они ли, в конце концов, привели Рузвельта в Белый дом? Все силы были брошены, чтобы блокировать прохождение закона в палате представителей. Казалось, что «мясные короли» добьются своего. И тогда Рузвельт — по многим соображениям: от стремления к политической популярности и желания залатать слабые звенья экономической системы страны до объяснимой аристократической брезгливости — пошел на то, чтобы сделать доклад специальной комиссии достоянием гласности. Открылась потрясающая воображение картина. На забое скота и на конвейерах работали больные туберкулезом люди. В грязных, мрачных и сырых помещениях шла упаковка консервов, в которых периодически находили самые странные и инфекционно опасные предметы.

Дельцы из Чикаго пытались спасти лицо даже в отчаянной ситуации. Их представитель в своем выступлении сказал, что чувствительных обвинителей просто подвели нервы, они не вынесли вида крови. Фирма «Нельсон Моррис компани» назвала свои цеха «чистыми как кухня». Тогда президент заявил следующее: опубликованный доклад — лишь предварительное обобщение, главные факты впереди, и они устроят любого. Дальнейшие разоблачения грозили резким снижением потребления чикагских консервов как внутри страны, так и за границей. В результате билль об инспекции мясной промышленности стал законом 1 июля 1906 года. Тогда же прошел и закон об очистке пищевых продуктов. Несмотря на весь политический шум, очевидно, что Рузвельт прежде всего заботился о гигиене физической и лишь затем о социальной.

Воспользовавшись поддержкой критически настроенных писателей и публицистов, Т. Рузвельт следом публично отмежевался от них. Своему стороннику У. А. Уайту он так объяснил ситуацию: «В любом движении невозможно избежать временного сотрудничества с тем, чьи принципы

могут отличаться от твоих и быть достойными осуждения. В деле о консервной промышленности я нашел, что Синклер может быть использован. Я в высшей степени его презираю. Он истеричен, неуравновешен, недостойн доверия. Три четвертых всего, что он сказал — абсолютная ложь».

Свой отход от «разгребателей грязи» Рузвельт сделал в характерной для него манере. На церемонии закладки здания для членов палаты представителей 14 апреля 1906 года он произнес речь, состоящую из двух различных по смыслу частей. В первой он обрушился на «состояния, раздувшиеся сверх всяких здравых размеров», пригрозил «прогрессирующим налогом», объявил, грозно глядя на Дж. Рокфеллера, что «никакие суммы на благотворительность не могут компенсировать дурное поведение, проявленное в ходе создания этих состояний». Во второй части речи мишенью стал противоположный лагерь. «Разгребатели грязи» лишают Америку уверенности в себе. «Попытки извлечь финансовые или политические выгоды из разрушения уважения к авторитетам приводят лишь к общественному смущению. Грубые и безжалостные нападки на личности в журналах, газетах или книгах порождают дурные и горькие чувства у общества».

Обосновывая свой курс, Рузвельт писал в ноябре 1904 года: «Если позицией республиканской партии станет позиция «Нью-Йорк сан» (крайне консервативная газета.— *А. У.*), тогда наступит день, когда мы дойдем до предела, за которым будет радикальная, крайняя демократия с потрясениями, разрушительными для всей нации». В стремлении за счет косметических мер уйти от решений внутренних противоречий заключена сущность курса Рузвельта. Этим же объясняется частичная поддержка движения «разгребателей грязи». Здесь, как и всюду, Рузвельт стремился использовать обстоятельства и людей, отворачиваясь от них тогда, когда считал свою задачу выполненной.

Как справедливо заметил историк Г. Колко, «Рузвельт так никогда и не смог отказаться от неизлечимой веры в то, что институциональная реформа наилучшим образом может быть осуществлена путем личной трансформации тех, кто порождает зло (т. е. капиталистов.— *А. У.*). Он был консерватором в полном смысле этого слова, осуществляя свою социальную миссию более эффективно, чем ослеплен-

ные твердолобые политиканы из его партии и класса. Обстоятельства часто заставляли его вмешиваться, когда не вмешаться было уже нельзя — в конечном счете он всегда помнил о голосах избирателей и общественном давлении. Но он никогда не ставил под вопрос конечные добрые намерения и социальные ценности огромного большинства представителей деловых кругов, он никогда не мог осудить заведомое злоупотребление без обращения со словами благодарности к бизнесменам за экономические достижения и восхваления личных качеств дельцов».

Рузвельта страшили злоупотребления тех, чьи сомнительные дела были на виду (в отличие, например, от мало-понятной биржевой игры) и провоцировали возмущение трудящейся части нации. В первую очередь это относилось к железнодорожным магнатам, устанавливающим монопольные цены. Федеральной власти, как арбитру внутри своего класса, вынужденно приходилось ограничивать отдельных эксплуататоров ради сохранения эксплуатации. Так, Рузвельт призвал создать комитет, контролирующий железнодорожные расценки. Против законопроекта о фиксированных расценках (его внес с согласия Рузвельта член палаты представителей П. Хепберн) выступили даже ближайшие друзья президента. В феврале 1906 года длинную речь в защиту «обижаемых» монополий произнес сенатор Лодж. Лидерами оппозиции президенту стали самые влиятельные лица в республиканской партии — сенаторы Форейкер, Элкинс, Олдрич. Занимая пост главы комитета по межштатной торговле, сенатор Элкинс отказался внести билль о расценках на рассмотрение сената.

Крупные препятствия ожидали Рузвельта в решении вопроса о том, кто же должен следить за «законными» расценками — исполнительная власть или судебная. Под давлением адвокатов монополий Рузвельт был вынужден передать полномочия судам. Затем последовал еще удар. Группа консервативных сенаторов объявила, что, с их точки зрения, это не соответствует конституции. В том виде, как он был принят 18 марта 1906 года, закон Хепберна представлял собой весьма слабое поползновение государства на права железнодорожных компаний. Конгресс получил некоторые права надзора за деятельностью транспортных монополий, в законодательном порядке принудив их давать сведения о перевозках. Это увеличивало роль буржуазного

государства в экономической жизни страны. Но шаги Т. Рузвельта в этом направлении были одиночными, лишенными какой бы то ни было поддержки и поэтому малоэффективными. В 1906—1907 годах он выдвинул идею о некоем лицензионном праве для монополий. Однако встретил такое противодействие, что даже регистрирование операций монополий оказалось невозможным. Дальнейшее регулирование деятельности корпораций осуществил уже В. Вильсон (закон Клейтона). Рузвельт санкционировал возбуждение двадцати пяти судебных расследований деятельности монополий, предъявляя претензии лишь к дискредитирующим систему и провоцирующим социальный протест.

В своем преследовании зарвавшихся монополий Т. Рузвельт не предпринимал ничего, что угрожало бы эксплуататорской системе в целом. Но поскольку это были первые случаи выступления федеральной машины в роли арбитра, пресса весьма активно создавала Рузвельту славу борца против монополий. Образ неустрашимого президента, готового полезть в драку с любым из гигантов индустрии или банковского дела, ставший популярным штампом, ни в коей мере не соответствовал истине. Действия Рузвельта против отдельных трестов были строго продуманы, их последствия тщательно взвешены. Так, иск в 29 миллионов долларов против «Стандард ойл Индиана» в конечном счете блокировал Верховный суд США. Но нужно было обладать мужеством, чтобы обвинить в неразберихе и бедственной финансовой ситуации, создавшейся в стране, «преимущественным образом спекуляции, махинации в гигантском раз­мере, в которых Пирпойнт Морган и многие ему подобные активно участвуют в последние годы».

Органы контролируемой прессы выступили в качестве адвокатов банковских кругов. «Нью-Йорк таймс» косвенно укорила самого президента в том, что он своими нападками на бизнес (в конкретном случае речь шла о ссоре Т. Рузвельта с железнодорожным магнатом Э. Гарриманом) вызывает неуверенность на фондовой бирже и расстраивает финансы страны. Рузвельт остро реагировал: «Если неприятности происходят от того, что кто-то бросает свет на сложившуюся ситуацию, то причина не в освещении, а в том дурном, что предстает перед взором». Э. Гарриман не остался в долгу и, обсуждая причины падения акций основных компаний, сделал журналистам прозрачный намек:

«Мне крайне неприятно объяснять всем, к кому мы, я думаю, должны идти за объяснением сложившейся ситуации».

Правда, когда в октябре 1907 года началась паника на нью-йоркской бирже, не Морган пришел к правительству США, а правительство к Моргану. В последовавшем через пять лет расследовании стало ясно, сколь велики были шансы личного обогащения у замешанных в деле финансовых тузов. Бывший министр финансов Дж. Кортеллиу даже не знал, кому он дает государственные деньги в сумме 25 миллионов долларов. Он показал на следствии, что «не различал интересов фондовой биржи и общества в целом». Это явилось ранним вариантом афоризма эйзенхауэровских времен: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для Соединенных Штатов».

В ходе разбирательств конгресса выявилось, что банкиры и промышленники, ведомые Морганом, сыграли на панике президента, на его стремлении сохранить экономическую основу господства своего класса. Под шумок крупнейшая металлургическая монополия США «Ю. С. Стил» обделала крайне выгодное дельце. Даже в ее официальном отчете говорилось, что покупка «Теннеси коул» была «лучшей сделкой, когда-либо осуществленной «Ю. С. Стил» или любым другим концерном, равно как и индивидуумом при покупке собственности». Компания «Ю. С. Стил» купила за 45 миллионов долларов собственность, оцениваемую по меньшей мере в 1 миллиард и заручилась при этом поддержкой президента США.

В Америке, как, пожалуй, нигде более, оценка политической власти зависит от экономического положения. В этом смысле 1907 год явился поворотным. Если прежде бизнес был относительно удовлетворен федеральной властью, то с началом депрессии посыпались нападки на администрацию. Правительство в лице министра финансов Дж. Кортеллиу решило дополнительно разместить в банках десятки миллионов долларов; целью инвестиций было восстановление доверия вкладчиков. Вместе с президентом «Нэшнл сити бэнк» Дж. Стилменом Дж. П. Морган обеспечил доставку 100 миллионов долларов золотом из Европы. Без лишних слов 10 миллионов долларов выдал Джон Рокфеллер. Шло совместное спасение капитализма. А закулисно росло обоюдное озлобление. Оно-то и лишило гармонии последние месяцы пребывания Рузвельта в Белом доме.

Что вызвало обострение разногласий Рузвельта с представителями его класса, чьи интересы он выражал и отстаивал многие годы? Одной из важных причин было то, что, достигнув определенной самостоятельности в 1905—1907 годах, Рузвельт в значительной мере потерял ориентацию и в попытке очищения страны частично вышел за пределы, обусловленные общественно-политическим развитием США в этот период. Продолжение достоинств президентской политики оборачивалось ее недостатками. О чем конкретно шла речь? Выразители интересов малых и больших мафий своих штатов, конгрессмены США встречали в штыки даже весьма робкие попытки установления системы государственно-монополитического капитализма. Находясь на острой грани между социальной демагогией и трезвым пониманием необходимости создать капитализму надежную опору, Рузвельт утверждал, что «федеральное правительство карает зло; оно заставляет виновных трепетать, ибо с беспристрастной суровостью сажает на скамью подсудимых и могущественного финансиста, и влиятельного политика, и богатого земельного спекулянта, и богача, нажившегося на незаконных контрактах — всех, вне зависимости от высоты их общественного положения, если представлены доказательства их преступных деяний».

Видимость словесного «взаимопонимания» с оппозицией монополиям неизбежно подошла к концу. Иллюзорное впечатление, что президент занимает позицию, близкую к мелкобуржуазным критикам язв капитализма, стало рассеиваться. Заигрывания Рузвельта с профсоюзной верхушкой привели к пониманию рабочим классом двуличной политики правительства. Ухудшение экономического положения в 1907 году сразу же выявило этот факт. Так называемые «преследования» монополий оборачивались лишь классовой перегруппировкой буржуазии. Престиж Рузвельта как «надклассового» руководителя страны стал быстро падать. Он прошел пик своего политического влияния, его позиции заметно ослабевали. Рузвельт, которому не исполнилось и пятидесяти, был полон сил, но что-то (он это чувствовал) оказалось упущенным. Он пытался одним-двумя эффектными жестами поправить положение, но тщетно. И в этом заключался трагизм его положения. Существовало еще одно обстоятельство. Как уже говорилось, в пылу политического триумфа Рузвельт объявил, что не намерен вновь добивать-

ся высшей должности после мартовской церемонии ухода в 1909 году. Чем ближе подходила эта дата, тем меньшей величиной становился Рузвельт. Окружающие смотрели уже поверх его головы, соизмеряя свои планы с характеристиками возможного преемника. Рузвельт должен был готовиться к уходу в политическое небытие.

Рузвельт всегда неустанно и яростно с кем-нибудь боролся. Он грозил одним махом сокрушить британский флот, обращал свой гнев против «предателей-индейцев», во всю мощь легких звал идти на мексиканцев. Та же картина и во внутренней жизни: с невероятным пафосом поднимал он один за другим «последний и священный» поход против коррупции, некомпетентности федеральных чиновников, против популистов, высокомерных судей и т. п. Так прошла вся его жизнь. Между тем, странное дело, чем более воинственно он выступал против очередного врага, тем большее равновесие обретал после «битвы». В этом парадоксе заключен один из секретов Т. Рузвельта как политического деятеля. Стоит обратиться к фактам и мы найдем множество тому подтверждений. Рузвельт безудержен в критике злоупотреблений трестов — и тут же утихомиривает сторонников анти-трестовского законодательства. Он громогласно провозглашает необходимость реформ, но реформаторы у него приходятся не ко двору. Он за оздоровление общества, но клеймит «разгребателей грязи».

Американский историк Р. Хофстедтер справедливо ставит вопрос о целях воинственности Рузвельта. «Стоял ли он за контроль над железнодорожными расценками больше потому, что стремился исправить неравенство в получаемых доходах или потому, что боялся обобществления железных дорог? Заставил ли он владельцев шахт немного увеличить плату шахтерам потому, что страдал душой за трудящихся или потому, что боялся «социалистических действий»? Выступал ли он за законы о компенсации работающих потому, что живо чувствовал тяжесть труда для искалеченного работника или потому, что боялся, что Брайан получит несколько новых голосов?»

Слова имеют цену, но важны дела, а, судя по последним, главной заботой Рузвельта было провести буржуазный корабль сквозь штормы социальных волнений. В этом смысл его деятельности на американской политической арене. Рузвельт писал: «Я хочу, чтобы рабочие осознали с абсолют-

ной точностью, что я встану как кремневая скала на пути насилия и беззакония с их стороны». Чтобы сберечь привилегии своего класса, Рузвельт усилил влияние государства на экономическую и общественную жизнь страны, заложив тем самым основы государственно-монополистического капитализма.

Много лет наблюдал за Рузвельтом Э. Пинчот — один из деятелей прогрессизма. Его суждения представляют интерес при объяснении причин изоляции Рузвельта.

«Благодаря своим талантам, своему природному чувству справедливости, желанию играть благородную роль в глазах мира, уникальному гению рекламировать свои идеи, равно как и себя самого, он мог бы быть одним из наших величайших президентов. Он не сумел им стать, во-первых, из-за особенности мышления, ограниченной способности рефлексировать. Долгие часы мучительной мыслительной работы были не для него. Он был слишком занят. Он верил в действие, действие ради действия — напряженная жизнь была его постоянным неоконченным делом. Второй причиной его поражения было то несчастливое для него обстоятельство, что он пришел к власти в то самое время, когда под дамокловым мечом закона Шермана возник мастодонт моргановской стальной корпорации. Сверхобеспеченная капиталом, выходящая по своим размерам за пределы воображения «Стальная корпорация» могла существовать и процветать только благодаря поддержанию незаконной монополистической системы, основанной на льготах в работе транспорта, добычи топлива и сырья. Если бы не эти преимущества, корпорация была бы китом, выброшенным на сушу. Морган знал это... Это было начало гибели Рузвельта, если можно говорить о его гибели... Какой бы ни была конечная судьба его имени, оно навсегда будет связано в умах тех, кто проявляет интерес ко внутренней работе нашей политико-экономической системы с простой формулой: общество в индустриально-финансовый век управляется богатством. Не богатством в любой форме, а сверхбогатством. Насколько невинной пешкой он был в могущественной и сложной системе, опутавшей его — это дискуссионный вопрос».

Раскол партии

ПОСЛЕДНИЕ дни в Белом доме представляли собой просто войну с конгрессом. В начале 1909 года конгресс отверг планы Рузвельта о той или иной степени государственного контроля над электростанциями реки Миссури. В ярости Рузвельт налагает вето на билль конгресса. Тогда конгресс обращается к «кошельку» президента: поручает министру финансов отчитаться во всех тратах из экстренного фонда президента. Когда президент представляет ряд докладов о деятельности федеральных служб, конгресс попросту не отпускает средств на их публикацию. Пиком этой войны, видимо, следует считать внесение конгрессом поправки к одному из биллей, которая запрещала президенту создавать любые комиссии по расследованию без согласия на то конгресса. Рузвельт обвиняет конгрессменов в том, что они ограничили полномочия органов расследований правонарушений «потому, что не желают сами подвергаться расследованиям представителей секретных служб. В прошлом таких расследований было очень мало; но я полагаю, что не в общественных интересах было бы защищать преступников где бы то ни было, в каком бы то ни было общественном механизме».

Вот пункты программы Рузвельта, которые привели к полной его изоляции: налог на наследство, обязательность публичной оценки стоимости железных дорог, утверждение практики расследования деятельности монополий.

В рамках одной идеологии столкнулись две концепции управления классовым обществом. Рузвельт стоял за укрепление исполнительной власти, с одной стороны, обеспечивающей государственные гарантии бизнесу, с другой — наблюдающей за их поведением, координирующей их деятельность, блокирующей социально опасные крайности. Конгресс, менее склонный к трансформации, покорный обычно

лишь в периоды тяжелых испытаний («великая депрессия», Пирл-Харбор), не спешил соглашаться на усиление своего федерального противовеса. Для него это была сознательная линия на продление века несдерживаемого рамками государственно-монополистического капитализма предпринимательства. Для президента такая оппозиция конгресса означала растущую изоляцию, уменьшение возможностей, ущемление прерогатив. В личном плане это явилось трагедией Рузвельта, неумного деятеля, закованного в цепи ограничительных мероприятий Капитолийского холма.

Утешение следовало искать в будущем. Строились разные планы. Сенатор от Нью-Йорка? Нет, вакансий здесь не было, а выбить кого-либо стоило непомерного труда. Президент университета? Мемуарист? Нет, нет и нет. Быть в центре мирового спектакля, волновать всеобщее воображение, совершать непредсказуемое, поддерживать представление о себе как о счастливом динамичном человеке, презирающем слова, за которыми не следует дела — вот то состояние духа, которое бросало вызов всем дежурным должностям экс-президента. Рузвельт решил отправиться на год в Африку, поохотиться на львов, а после свежими глазами оценить текущую жизнь Америки (плата за цикл статей в журнале «Аутлук» уже оговорена).

Выбор своего преемника в Белом доме заставил Рузвельта много размышлять. Будь он полностью волен в своих действиях, он предпочел бы Элиу Рута: «Я прошел бы на четвереньках от Белого дома до Капитолия, только бы сделать Рута президентом. Но я знаю, что это невозможно. Он не может быть избран. Слишком велика оппозиция против него, поскольку хорошо известны его связи с корпорациями».

Видимо, свое решение Рузвельт принял в 1905—1906 годы, когда кандидатура военного министра У. Тафта в члены Верховного суда была отведена с явным намеком на более деятельное поприще. В конечном итоге выбор Рузвельта не удивил лиц, знавших близкое окружение президента. Основы их политического союза были заложены еще в 1890—1892 годах, когда Рузвельт, работая в Вашингтоне, обзаводился влиятельными связями. Тафт был соседом Рузвельта, в то время они с Рузвельтом занимали в администрации президента Гаррисона приблизительно равное положение. Тафт продолжил карьеру по судейской части, стал

федеральным судьей и деканом школы права при университете города Цинциннати. В 1900 году он возглавил американскую колониальную администрацию на Филиппинах. Рузвельт вспомнил о друге в 1902 году, когда открылась вакансия в Верховном суде. К его удивлению, Тафта привлекала уже не высшая судебная власть, а власть исполнительная. Следуя своему постоянному принципу выдвигать друзей, Рузвельт пересмотрел свои предложения. В начале 1904 года У. Тафт получил в его кабинете должность военного министра. Более того, он стал неким послом по особым поручениям. В его послужном списке значились: визит на Кубу (предотвратить антиамериканские выступления), визит в Ватикан (заручиться поддержкой католической церкви на Филиппинах), визит в Токио (успокоить японцев, возмущенных обращением с японским меньшинством в Калифорнии), визит в Панаму (устранить сложности в строительстве канала). В Китае он пытался ослабить бойкот американских товаров. Именно эта деятельность плюс проявленная абсолютная лояльность предопределили выбор Тафта в качестве преемника Рузвельта на посту президента.

Кроме того, Рузвельту как всякому императивно настроенному руководителю нравилась покладистость Тафта. Она же нравилась экономическим хозяевам страны. С их стороны оппозиции Тафту ждать не приходилось. У него был ряд несомненных заслуг перед верхушкой буржуазного истеблишмента. Он без колебаний поддерживал антирабочие акции, не проявлял «излишнего» сочувствия антиресторовским выступлениям. После Рузвельта бизнес нуждался в спокойном деятеле, знающем, чьи интересы он представляет и что он должен защищать. Назначенные президентом участвовать в конвенте республиканцев делегаты получили ясные инструкции. Демократия демократией, а реальные дела требуют организации.

Тогда, летом 1908 года, Рузвельта при всей его внешней решимости, должно быть, раздирали противоречивые чувства. Он дал клятвенное обещание не баллотироваться, он оказал всю возможную поддержку им же избранному кандидату, на которого рассчитывал в будущем оказывать влияние. И все же, несмотря ни на что, периодически ему представлялась заманчивая ситуация. Толпы республиканских делегатов, забыв обо всем, выдвинул лозунг «Еще

один срок Рузвельту», и все торжественные слова отречения будут забыты, и последуют еще четыре года всевластия.

Ведь сказал же Бисмарк, что «политика не является точной наукой».

Но партийная машина показала свою отлаженность. Более половины делегатов прибыли в июле в Чикаго уже связанными обещаниями голосовать за Тафта. У депутатов, по существу, не было выбора. Все клапаны были закрыты, все неожиданности подстрахованы. Рузвельт разработал положения политической платформы республиканской партии, позаботился об оглашении своего письма в случае осложнений, он подготовил и срежиссировал спектакль, который лично для него означал политическую смерть. Представляя своего ставленника миру как человека «столь пригодного для поста президента», Рузвельт фактически ставил крест на своем политическом будущем.

Демократическая партия в 1908 году снова сделала ставку на Брайана. Это означало включение в предвыборную программу ряда прогрессистских требований. Может быть, позиция демократов была бы привлекательнее для широких масс избирателей, но Рузвельт сделал частью республиканской платформы пожелание (высказанное, конечно, в самой общей форме) определенного контроля над корпорациями, соображения в пользу налога на наследство и подоходного налога.

Рузвельт, включив в республиканскую программу некоторые пункты прогрессистских требований, по существу частично реформировал курс своей партии и дал ей в 1908 году дополнительный шанс для победы. В ноябре 1908 года Уильям Тафт более чем на миллион голосов обошел демократа Брайана.

Что же касается самой президентской гонки, борьбы между Тафтом и Брайаном, то здесь уместным было бы суждение Э. У. Хоува по поводу американских политических кампаний: «То, что политикам из года в год позволяют проводить тот же самый старый тип бесстыдных кампаний, столь же оскорбительно для народа, как если бы банда гангстеров вернулась в ограбленный ими город и устроила парад, приглашая жителей полюбоваться и выразить свои приветствия».

* * *

Рузвельт уже опробовал ружья для своего африканского путешествия, заказал девять пар очков. За 50 тысяч долларов «Скрибнерс мэгэзин» купил его будущие путевые заметки. Наконец сброшено бремя власти, и экс-президент в полковничьем мундире 23 марта 1909 года проходит по пирсу Хобокена, чтобы пожать руки нескольким сотням провожающих. Пароход высадил экспедицию у Хартума, и начался одиннадцатимесячный охотничий марафон, во время которого 296 львов пали от руки новой «звезды» африканской охоты. Лучшие из трофеев украсили экспозицию Смитсоновского музея, показывая американцам, на что способны их президенты.

В 1910 году Рузвельт отправился в поездку по Европе. Он всегда, а сейчас особенно, стремился быть в центре внимания. Париж, Брюссель, Гаага, Копенгаген, Осло, Берлин — таков континентальный маршрут Рузвельта. Последняя остановка особенно значительна. Кайзер с гордостью показал гостю свою армию, произнеся при этом: «Мой друг Рузвельт, хочу приветствовать Вас в присутствии моей гвардии. Прошу запомнить, что Вы — единственное частное лицо, которое когда-либо вместе с императором инспектировало войска Германии».

Разумеется, в европейском турне американская знаменитость не хранила молчания. Тем более, что в мае 1910 года Рузвельту была присуждена Нобелевская премия мира — парадокс, учитывая экспансионистский характер его политики. В речах Рузвельта звучал привычный пафос: мораль, долг правителя, бремя белого человека, необходимость жить в мире цивилизованным народам, чтобы совместно управлять остальной частью населения. Англия оценила моральную поддержку своей колониальной политики, и 31 мая 1910 года Рузвельта избрали почетным гражданином Лондона.

Наибольшее внимание привлекла организованная лордом Керзоном в июне 1910 года лекция в Оксфорде. Рузвельт назвал ее «Биологические аналогии в истории», стремясь соединить в ней свой опыт политика и натуралиста. В ней видно сильное влияние идей социал-дарвинизма и расистских теорий. Текст выиграл от предварительной цензуры друга Рузвельта из Музея естественной истории Г. Осборна,

который вычеркнул поразительные сравнения отдельных современных государств с вымершими животными (мегатериями и т. п.), сделанные на том якобы научном основании, что одно из государств остановилось в своем развитии еще три столетия назад, а второе шло к гибели из-за необузданной агрессивности. В XX веке принять всерьез теории такого рода в Оксфорде уже не могли, поэтому «четыре с минусом» Рузвельт получил только за оригинальность, а отнюдь не за научную значимость своих воззрений. Между тем для него все это было крайне серьезно, он готовился к лекции более двух лет.

В мае 1910 года умер король Англии Эдуард VII. Президент Тафт попросил Рузвельта присутствовать на похоронах монарха от имени правительства США. В Лондон съехался весь высший свет предвоенной Европы. Рузвельт с легкостью вошел в этот блестящий круг. С детской непосредственностью и удовольствием сообщает он подробности встреч и бесед, где собравший всех печальный повод отошел на задний план. Коронованные особы со своей стороны стремились заручиться дружбой с американской знаменитостью. Словом, траурные церемонии не привели Рузвельта в печально-философское состояние духа.

* * *

Теодор Рузвельт был политиком до мозга костей, и никакая иная сфера интересов не могла истребить в нем тягу к жгучему миру наиболее острых человеческих переживаний. Вопреки внешнему впечатлению, он внимательно следил за деятельностью У. Тафта в Вашингтоне, первые годы еще проявляя известную лояльность к другу, прежнему политическому соратнику и преемнику. Бесчисленные разногласия привели Рузвельта к пониманию того, что в Белом доме водворился не его двойник (как на то мог неосознанно надеяться экс-президент), а деятель иного склада, опирающийся на свой клан сторонников, на иные политические силы.

В рядах республиканской партии начиналось брожение. Возникли разногласия по тарифной проблеме. США уже вышли из пеленок сугубо оборонительных мер, когда тарифы прикрывали их слабую промышленность от разорительного импорта более качественных и более дешевых то-

варов из Англии и Германии. Однако Тафт под влиянием лоббистов из тех отраслей, где импорт означал удар по прибылям американских предприятий, одобрил поднявший тарифы закон Пейна — Олдрича. Потакая уязвимым в международной конкурентной борьбе капиталистам, этот закон шел против значительных масс покупателей, заинтересованных в более дешевых импортных товарах. В партийных кругах появились признаки раскола. Престиж Рузвельта тем временем увеличивался благодаря тому, что недовольные Тафтом искали лидера. Естественным стержнем объединения тех, кто отходил от официальной позиции, мог стать лишь достаточно широко известный стране деятель. Рузвельт же не скрывал, что возвращение в политику для него желательно.

Рузвельт прибыл в Нью-Йорк 18 июня 1910 года. По распоряжению Тафта его встречал военно-морской эскорт. Несмотря на дождь, многотысячная толпа восторженно приветствовала экс-президента. Ветераны из «Буйных всадников» в честь своего полковника устроили смотр. Гремели оркестры, и набережная была расцвечена флагами. Возвращение Рузвельта стало событием национального масштаба. Он произнес: «Я готов внести свой вклад в разрешение проблем, преодолеть которые мы должны, если желаем, чтобы эта величайшая демократическая республика смогла обрести такую судьбу, которая соответствует нашим высоким надеждам и возможностям». Витиеватость едва ли скрывала главное: Рузвельт сразу проявлял себя как действующее — а не отставное — лицо политической жизни. Внимание Тафта Рузвельт пока пытался усыпить. Из письма этих дней президенту: «В течение двух месяцев я не стану выступать с речами, но, хотя мой рот будет закрыт, я постараюсь оценить все происходящее вокруг».

Обещание «держать рот закрытым» соблюдалось ровно четыре дня. А еще через несколько дней в «Ойстер-бей» прибыли заклятые враги Тафта — изгнанный им из администрации руководитель программы охраны окружающей среды Пинчот и лидер прогрессистского крыла сенатор от Висконсина Роберт Лафолет. Хранители партийного единства в эти дни старались предотвратить намечающийся раскол. Рузвельт в конце июня посетил Тафта в его летней резиденции «Беверли» в штате Массачусетс. Но от сердечности прежних лет не осталось и следа. Политика погло-

тила и эту дружбу. Соблюдался лишь внешний декорум.

Рузвельт вмешался в борьбу в своем штате Нью-Йорк. Добиться влияния здесь, а потом померяться силами в масштабах страны — так, видимо, представлял себе новый взлет пятидесятилетний политик. В конце сентября Рузвельт уже председательствовал в Саратогe на конвенте республиканцев Нью-Йорка. Летом 1910 года он окончательно понял, что его политическая будущность связана не с консервативными элементами республиканской партии, объединившимися вокруг Тафта, а с реформаторски настроенным крылом, к которому могли бы примкнуть и многие демократы. Об этом свидетельствовали его высказывания во время турне по западным и южным штатам в августе — сентябре. Возможно, что в другой ситуации мало кого интересовали бы суждения отставного политика, но в обстановке раскола республиканской партии двадцать пять журналистов ведущих органов информации сопровождали специальный поезд Рузвельта.

У американской публики короткая память. То, что было пять лет назад — уже седая история, а события двадцатилетней давности — каменный век. Двести лет повторяется одно и то же: выборы — обещания, уход — разочарования. Но не меркнет надежда, что из очередного претендента чудесным образом получится Линкольн или Джефферсон. Политическая терпимость среднего американского избирателя удивительна. Крайняя узость выбора: либо демократы, либо республиканцы — его почти не смущает. Апатия быстро сменяется энтузиазмом, прожженным политикам дается мандат на превращение в легендарных героев. История страны невелика, но в каждом штате есть свой пантеон героев. В национальную столицу — Вашингтон их статуи свозят (на демократических началах по две от штата) для обозрения в Капитолии. Но несравненно больше внимания уделяется живым «героям», тем, кто творит «легенду» сегодня.

Чтобы добиться успеха, Рузвельту следовало отказаться от тривиальных тем, сосредоточиться на кардинальных вопросах общественной жизни и классовых отношений. Лишь так можно было привлечь на свою сторону достаточные политические силы. Выступая в Осоватоми (штат Канзас), Рузвельт начал со слов Линкольна о том, что трудящиеся должны стоять «выше капитала и быть неза-

висимы от него». Далее он бросил свою ставшую крылатой фразу о «справедливом курсе». «Я стою за справедливый курс. И это означает не только честное ведение дел при существующих правилах игры, но и то, что я стою за изменение этих правил таким образом, чтобы это способствовало большей степени равенства возможностей и вознаграждения».

Речь шла о социальных вопросах, проблеме регулирования деятельности монополий. Это регулирование, признавал теперь Рузвельт, невозможно до тех пор, пока «остается действенной их (монополий.— А. У.) политическая активность». Корпорации, а в их авангарде железнодорожные монополии, блокировали прогресс страны. Чтобы поставить преграды на пути безудержного влияния крупного капитала, нужен эффективный подоходный налог и налог на наследство, а также законы, ограждающие хотя бы в некоторой степени трудящиеся массы от произвола капитала. Рузвельт, идеолог усиления государственной власти, излагал основы своей политической философии: «Государство должно стать эффективным в деле разрешения проблем, касающихся исключительно населения данного государства... Не может быть оставлено нейтральной зоны, являющейся убежищем нарушителей закона, представляющих крупный капитал, который в состоянии нанять лукавых хитрецов — законников, дающих советы о том, как избежать действия законов. Улучшение условий, которое мы стремимся осуществить, способно реализоваться, я полагаю, главным образом через национальное правительство. Новый национализм ставит национальные нужды выше региональных или личных выгод. Новый национализм видит в исполнительной власти слугу дела общественного благосостояния».

И совсем уже превратившийся в радикала Рузвельт провозгласил: «Мы стоим лицом к лицу с новыми концепциями взаимоотношений собственности и человеческого благосостояния. Тот, кто ошибочно считает, что любое из прав человека является менее важным, чем его доходы, должен ныне уступить место защитникам общественного благосостояния, которые справедливо полагают, что ответственность каждого человека подчинена общему праву коллектива регулировать ее использование в той степени, в какой это может потребовать общественное благо».

Буржуазные реформаторы страстно приветствовали нового апостола общественных улучшений. Сильнейшим оружием Рузвельта было, разумеется, не его красноречие и даже не широкая известность, а назревший кризис верхов. Разрешить его каким-либо образом стремились разнообразные силы. Набирал сторонников социалист Юджин Дебс. Уцелевшие последователи Брайана, эпигоны популизма пытались объединить Запад. В рамках всей страны общим знаменателем, способным объединить недовольных, выступил прогрессизм *, представляющий собой пеструю амальгаму в основном мелкобуржуазных воззрений. Датой битвы стали выборы 1912 года; 1910—1911 годы прошли во внутреннем вызревании сил.

Появилась плеяда новых лидеров, как в демократической, так и в республиканской партии. Среди демократов выделился бывший профессор истории, хладнокровный и проницательный Вудро Вильсон.

Вильсон — необычная фигура в американской политике. Сын священника, он сам выглядел пастором, с неприкосновенным лицом поучающим свою паству. Будучи президентом Принстонского университета, всего лишь за три года до губернаторства, Вильсон не отличался ярко выраженными реформистскими взглядами. Он выступал за высокий тариф, за «честное» правительство, открытые профсоюзы и прочие банальности, не обозначая четко, против чего он выступает. Он был загадкой, так как ни один, даже самый близкий соратник не знал и не мог предсказать хода его мыслей. Никто не стал бы утверждать, что Вильсон каким-то образом магнетически действует на людей. Никто не мог объяснить его успех поразительной оригинальностью идей или необычайными поворотами фантазии. Но никто не отрицал его удивительной собранности, невиданного умения мастерски поставить вопрос и обрисовать ситуацию.

Рузвельт много лет наблюдал за Вильсоном, и в 1910 году не удивился его успеху в борьбе за губернаторский пост в Нью-Джерси. С непоколебимой логикой

* *Прогрессизм* — политическое движение в США в начале XX в., основанное на тезисе о необходимости выдвижения «истинно прогрессивной» партии в силу неадекватности платформ республиканской и демократической партий нуждам эпохи.

и облеченными в жесткую форму эмоциями Вильсон составил свод политических принципов под названием «Новая свобода». Осуществить свою программу он намеревался с помощью снятия благоприятного для монополизации высокого внешнего тарифа, проведения банковской реформы, которая поощряла бы кредитование мелких предпринимателей и фермеров, принятия закона против образования монополий. В 1912 году лишь одно должно было стать новым — «Новая свобода» Вильсона или «Новый национализм» Рузвельта. Увидев ранее других силу Вильсона, Рузвельт относился к этой угрозе своим планам очень серьезно.

С кем мог объединиться Рузвельт, чтобы сплотить под своим знаменем довольно разношерстные политические массы? Подходящей кандидатурой он счел уже упомянутого либерального висконсинского сенатора Р. Лафолета. В конце декабря 1910 года Рузвельт пригласил его в Нью-Йорк. Поскольку журнал «Аутлук», с которым сотрудничал Рузвельт, поддерживал организацию Лафолета — Национальную прогрессивную республиканскую лигу, возможность заключения эффективного союза была predetermined. В обычной для буржуазной политики ситуации каждый из двух деятелей, нуждаясь в союзнике, в то же время стремился использовать другого. Лафолет, желая воплотить в жизнь свои идеалы, должен был блокироваться с общепризнанными деятелями. Рузвельт в этом отношении казался неоценимой находкой. Его известность и довольно неожиданный «квази-радикализм» обещали массовую опору движению.

Трагедии человеческих отношений еще раз суждено было случиться в этом, почти нечаянном союзе Рузвельта и Лафолета. Последний рассчитывал на поддержку своей кандидатуры нью-йоркским ветераном, якобы отошедшим от прямого участия в политических битвах. И напрасно. Несмотря на внешние знаки приязни, Рузвельт далеко не во всем соглашался с Лафолетом, а главное, он не желал отдавать позиций лидера никому. Это выяснилось позднее; тогда же, в конце 1911 — начале 1912 года ситуация не выглядела столь очевидной.

Дело было не только в том, кого выбирали Рузвельт и Лафолет в качестве союзников, но и в том, кто выбирал их. Миллионеры М. Маккормик, У. Флинн, братья Г. и

А. Пинчоты, вложившие вначале деньги в кампанию Ла-фолета, к концу января 1912 года переметнулись к «ой-стербейскому льву» — Рузвельту. Теперь и он решил, что наступила пора выйти из укрытия. Отмечалось, что Рузвельт «никогда не был в лучшей физической форме. Он стал грузен, но цвет лица у него здоровый и он кажется энергичным без признаков неестественного воодушевления. Нет ничего, что предполагало бы нарушение мыслительного процесса, если не считать за симптомы этого эгоизм, веру в собственные доктрины, страсть к власти и нынешнюю враждебность к Тафту».

Т. Рузвельт предложил собравшимся в редакции журнала «Аутлук» сторонникам свою стратегию действий. Он полагал, что просьба о его включении в президентскую гонку должна исходить от нескольких губернаторов среднезападных штатов — лишь это может сразу дать видимость его массовой и влиятельной поддержки. Кажущаяся непосвященному самонадеянность оказалась точным политическим расчетом. Через две недели после призыва из Нью-Йорка губернаторы Мичигана, Миссури, Канзаса, Нью-Гемпшира, Западной Виргинии и Вайоминга обратились к Рузвельту с петицией, смысл которой сводился к тому, что вся история прогрессистского движения приводит к идеям «Нового национализма» и что Рузвельт — глава этого движения.

Складывалось впечатление, что Рузвельт был настроен возратить только ему принадлежащий пост. В Колумбусе, объявляя о своем вступлении в борьбу, он заговорил фразами, которым позавидовал бы Джефферсон: «Я верю в подлинную демократию, в то, что права человека выше всех прочих прав, что богатство должно быть слугой, а не владыкой народа». Апеллируя к огромным народным массам, словно он лишь вчера их увидел, Рузвельт заявил, что если «правительство не является абсолютным представителем народа», оно недостойно своего имени.

Для реализации увиденной как бы в озарении демократии Рузвельт предлагал три главные меры: право населения на референдум в случае важного для него законодательства; отзыв избирателями избранных ими лиц; опротестование решений судов. Неизвестно, какова была степень словесного позерства и демагогии, однако эти принципы сразу же оттолкнули значительную часть консерва-

тивных деятелей. Встал вопрос о принципиальной возможности для Рузвельта остаться в рядах республиканской партии. Стараниями его прежних коллег перед Рузвельтом разверзлась политическая могила.

Он прекрасно знал, что полагаться исключительно на отдельных симпатизирующих губернаторов и сенаторов недостаточно. На июньский конвент в Чикаго огромная масса выборщиков прибудет не с народным мандатом, а с указанием своих боссов. Лишь один маневр мог позволить хотя бы отодвинуть крах: обращение к избирателям через головы боссов и их ставленников — выборщиков. Поэтому в своем ответе губернаторам Рузвельт предложил избрать кандидатов на конвент посредством прямых первичных выборов, так называемых праймериз. Праймериз давали гораздо больше возможностей «неудобному» для партийной верхушки претенденту, чем кулуарные решения, в которых местные политические боссы прямо осуществляли волю своих руководителей. (Позднее более половины штатов приняли систему праймериз.) Рузвельт шел на огромный риск. Однако именно это давало ему шанс. Он полагался на свою энергию, голос, выносливость, магнетизм, известность, умение увлекать массы, на новые прогрессистские лозунги.

С началом в марте первичных выборов политическая борьба пошла к зениту. Одно дело бурно негодовать и раздавать нелестные эпитеты, другое — подсчитывать голоса выборщиков, реально влияющих на будущее решение партийного конвента. Магнаты из Нью-Йорка и Бостона без колебаний выступили за стабильность, то есть за Тафта. Потеряв Массачусетс и собственный штат Нью-Йорк, Рузвельт отомстил тем, что «отбил» у Тафта его родной штат — Огайо, а затем добился триумфа в Пенсильвании, Калифорнии и Мэриленде. Даже самым большим оптимистам в лагере Тафта стало ясно, что его шансы на выдвижение резко уменьшились.

«У меня уже не хватает терпения слушать о тирании большинства, — кричал Рузвельт толпе в Карнеги холл. — Единственная тирания, от которой страдают мужчины, женщины и дети в действительной жизни — это тирания меньшинства... тирания угольного, канализационного, мясоупаковочного трестов». Эти слова произносились так, будто Рузвельт сам не был тридцать лет любимцем и вождем

обличаемого им сейчас меньшинства. Словно очнувшись от неведения, он поднимался к высотам пафоса социальной справедливости, понимая и «калеку-обходчика на железной дороге, переутомленную девушку на фабрике, изможденного ребенка, приговоренного к нечеловеческому труду» (из речи в Сент-Луисе 28 марта 1912 года). Рузвельт обличал адвокатов Уолл-стрит и продажную прессу. «В конечном счете эта страна не будет для нас хорошим местом для жизни, если мы позволим нашему правительству отвернуться от своих первоначальных задач и стать правительством адвокатов корпораций, служащим защите особых привилегий, а не делу народа».

Нельзя не отдать должное (каковы бы ни были подспудные мотивы) мужеству Рузвельта в эти дни, когда все близкое окружение, прежние друзья отвернулись от него, а он продолжал свой поход за справедливость, против узаконенного зла. Э. Рут разъяснял тем, кто не понимал, что случилось с Рузвельтом: «Он борец по натуре и когда вступает в борьбу, то им владеет одно желание — уничтожить противника. Он инстинктивно хватается за любое подходящее для этого оружие. Соответственно, он говорит много того, что исходит из страстного желания победить. У меня нет сомнений в том, что он верит в то, что говорит, но на самом деле все это не так. Он просто подхватывает определенные популярные идеи, находящиеся под рукой так же, как любой может схватить стул и замахнуться им для удара».

С победой в Огайо Рузвельт обрел уверенность. Для большинства на конвенте не хватало семидесяти голосов, это было достижимо, и он предпочел забыть об опасности, вел себя как хозяин положения. Консервативные республиканцы между тем собрали все силы для решающего боя. Контролируемая ими комиссия по проверке мандатов методически очищала прибывающие в Чикаго делегации от сторонников ненавистного демагога. Так с 7 июня началось то, что Рузвельт назвал «кражей голов».

До этой даты у Рузвельта были основания смотреть в будущее с оптимизмом, верить в достаточность для него обычного политического процесса, в возможность «бескровно» выбить у Тафта руководство республиканской партии. В ходе первичных выборов за него голосовали 1 миллион 157 тысяч человек, в то время как за Тафта — всего

762 тысячи. У Рузвельта были преимущества атакующей стороны. Накануне открытия конвента в забитом до отказа чикагском «Аудиториуме» он провозгласил: «Завтра мы сомкнем ряды во имя протеста против преступления, представляющего собой предательство народа и узурпацию его суверенитета безответственными политическими боссами, инспирированное злостным влиянием денежных привилегий... Мы сражаемся в честной борьбе за благо человечества... на стороне Бога».

Если и был человек, которого не увлекли эти слова, то им оказался сенатор Р. Лафолет. Он с горечью чувствовал, что его самого и его сторонников Рузвельт использовал для расчистки дороги, чтобы с триумфом пойти по ней. Лафолет не желал быть использованным еще раз и категорически запретил своим сторонникам поддерживать Рузвельта. Так центр и «левое» крыло оказались в Чикаго ослабленными перед лицом всегда более организованных правых сил.

Шумный конвент походил на спектакль, где актерами были все. Из разных углов доносились крики обвинений и оскорблений. Сторонники Рузвельта устроили в честь своего вождя сорокапятиминутную овацию. Это не помешало при первом же голосовании избрать Тафта кандидатом от республиканской партии на следующий срок 561 голосом. Рузвельту оставалось либо смириться с поражением, либо «хлопнуть дверью», и он предпочел второе. «С меня достаточно,— заявил он.— Если вы забаллотировали настоящее и законное большинство, оно должно организоваться. Я предстал перед народом и я победил. Теперь остается узнать, является ли республиканская партия «партией простого народа» (слова А. Линкольна.— А. У.) или партий боссов и профессиональных радикалов, действующих в интересах привилегированных». После объявления в ночь на 22 июня результатов голосования 344 сторонника Рузвельта организованным порядком покинули зал заседаний конвента и собрались в Оркестровом зале. Начав свое выступление трагическим шепотом с напоминания восьмой заповеди — «не укради», Рузвельт продолжал: «Если вы желаете, чтобы я сражался, я пойду на это, но пусть меня поддержит хотя бы один штат».

У многих делегатов съезда было чувство, что свершилась едва ли не национальная революция, а ведь на са-

мом деле все обстояло не так уж красиво. Рузвельт в молчании шагал по номеру Конгресс-отеля, размышляя, какой бы суммы ему хватило для реальной борьбы. Как вспоминает очевидец А. Пинчот, дело во многом повернуло решение двух шептавшихся в углу миллионеров — Фрэнка Манзи и Джорджа Перкинса. Перехватив Рузвельта на середине комнаты, они положили руки ему на плечи. Теперь можно было организовать свою партию. Название ей было готово — прогрессивная партия. Ее идейную платформу образовали требования, от которых в ужасе отшатнулись консерваторы, но которые привлекли мелкобуржуазные круги и «разгребателей грязи». Она включала в себя такие пункты, как облегчение процедуры принятия поправок к конституции, налог на наследство, подоходный налог, социальное обеспечение для женщин и детей, трудовая компенсация рабочим, уменьшение власти судов в случае рабочих конфликтов, страхование здоровья на промышленных предприятиях, право голосования для женщин, создание сети речных каналов внутри страны.

Еще десять лет назад подобная программа считалась бы ультрарадикальной, но к 1912 году американский капитализм стал более гибким, пошел на ряд уступок и реформ ради сохранения социального строя. Поэтому требования прогрессивной партии не были оригинальны. Радикальную их часть с большей последовательностью пропагандировали социалисты во главе со своим лидером, кандидатом в президенты Юджином Дебсом. Умеренно-реформистские взгляды разделяла более страшная для прогрессистов сила — демократическая партия. Рузвельт надеялся, что демократы, собравшиеся в Балтиморе через неделю после республиканцев, выберут кого-то из «старой гвардии». Тогда все надежды тех, кто рассчитывает изменить обстановку в стране, будут связаны с прогрессивной партией. Действительно, борьба на демократическом конвенте развернулась жестокая. Но в сорок шестом голосовании верх взял самый «неудобный» для Рузвельта кандидат — апостол либерально-буржуазной Америки Вудро Вильсон.

Опасность стала очевидной, когда один из немногих занимающих выборное место «официальных» сторонников прогрессизма — губернатор Мичигана Осборн объявил, что после выдвижения Вильсона необходимость в прогрессивной партии отпадает, ибо «христианин, ученый и бесстраш-

ный гражданин, Вильсон поведет народ против финансовых владык». Мириться с распространением таких взглядов было нельзя, и Рузвельт ответил публично: избрание Вильсона будет означать возврат к власти демократических боссов. Вильсон «как адвокат показал искусство, разум и хорошее умение в подаче изношенных доктрин, которые на четыре пятых виноваты в политических бедах Соединенных Штатов». Теперь уже не столько Тафт, сколько Вильсон замаячил на горизонте как главный политический противник Рузвельта.

Рузвельт как и прежде сознательно упрощал социальные отношения, делил людей в обществе на «хороших» и «плохих», а не на эксплуататоров и эксплуатируемых. Как справедливо писал один из его приверженцев Д. Ричберг, «этот рузвельтовский прогрессизм не ставил под вопрос существующий порядок. Он предлагал перемены в законодательстве с целью заставить людей быть «хорошими», а не «плохими». Чиновников общественных служб, если их поведение предосудительно, следует снять... Предпринимателям дать наставление обращаться со своими служащими хорошо. Большой бизнес будет поощрен, если окажется «хорошим» и наказан, если окажется «плохим». Испорченные сильные личности будут находиться под контролем, а хорошие слабые люди будут защищены». Такая профанация социального анализа являлась весьма эффективной.

Приемы были столь же просты. А. Пинчот после бурного прощания с Рузвельтом через минуту спохватился, что забыл зонтик и вернулся. Рузвельт уже абсолютно не помнил о прощании и принял его за посетителя, которого нужно «обработать». «Он приветствовал меня как новичка, сжал мою руку, ударил по плечу кулаком и спросил с самым искренним выражением, что он может сделать для меня. «Да ничего,— ответил я немного смутившись,— я вернулся за зонтиком». «Превосходно! — закричал полковник.— Великолепно! Превосходно! Заходите ко мне в любое время». С каждым словом он демонстрировал свои крепкие зубы и продолжал похлопывать меня, пока я не удался».

Спустя месяц после выдвижения Вильсона, 5 августа в том же чикагском зале «Аудиториум», где проходил конвент республиканской партии, состоялся конвент новорож-

денной прогрессивной партии. Его открыл сенатор от Индианы Беверидж. Как обычно бывает с новым делом, когда не рутина, а единый порыв определяет настрой участников события, все связывали надежды на будущее с полковником Рузвельтом. Вот пример прорузвельтовской экзальтации: «Прежде чем ты пришел, все в политике было строго установлено и подчинялось правилам. Те, кто был призван управлять нами, делали это с мрачностью взрослых, часто поучающих детей. Никто не говорил с нами как ты. Они называли нас «избирателями», «голосующими» или столь же абстрактными именами. Они никогда не брали нас за руку и не смеялись и не играли как ты... И затем пришел ты! Идя по дороге, ты танцевал и ты нес жизнь и любовь и мужество и шутки, которые мы все помнили. Мы полюбили тебя с первого взгляда и ты любил нас!»

Более десяти тысяч делегатов приехали за свой счет и действовали пока без давления сверху. Кто были эти люди? В основном — средний слой населения, люди со скромным достатком, но не пролетарии. Это были представители интеллигенции, городского чиновничества, обитатели небогатых пригородов. Но даже часть крупной буржуазии — та, что не имела перспектив на съезде республиканцев, здесь рассчитывала воспользоваться появившимися в случае победы Рузвельта шансами (должности, поручения и т. п.).

Сенатор Беверидж умело вел заседания. На второй день работы конвента должен был выступить Рузвельт. Вот он появился: коренастый, левая рука в кармане, правая энергично рассекает воздух. Экзальтации не было предела. Пятнадцать тысяч присутствующих вскочили со своих мест и, как подсчитали журналисты, пятьдесят две минуты овациями не давали оратору начать речь. Затем исполнили гимн в его честь. В такой обстановке лидер новой партии не мог не превзойти самого себя. Для начала он заявил, что все старые партии изжили себя, фракции в них созданы искусственно и контролируются боссами. Новая партия «выдвигает платформу, которая послужит контрастом, подписанным с народом, и мы клянемся честью сдерживать каждое свое обещание так, как если бы его невыполнение каралось по закону». Угар страстей придавал всем словам магическую силу. Завершая речь, изложив

основные положения платформы, Рузвельт назвал ее своим «символом веры».

Правда, не обошлось и без инцидентов. Обещая денежную помощь в дальнейшем проведении избирательной кампании, Дж. Перкинс настоял на исключении из текста обвинений в адрес трестов. Однако в речи он услышал изъятое накануне место. Потеряв самоконтроль, миллионер закричал: «Мы же выбросили это прошлой ночью!» и взбешенный покинул зал заседаний. Но в целом все положения платформы по духу и букве не выходили за рамки буржуазного правопорядка и не требовали социальной трансформации.

Опустел «Аудиториум», делегаты разъехались по всей стране, чтобы до ноября вести борьбу. Рузвельт должен был бы понять, что прогрессизм обнаружил свою несостоятельность уже тогда, когда либерально настроенные конгрессмены-республиканцы отказались выйти из своей партии ради новой. Это лишало прогрессистов очень важной поддержки высшего эшелона. Оставалось апеллировать к массам. При американской государственной системе это занятие хоть и полезное, но не всегда решающее.

Предвыборная кампания была в самом разгаре. Рузвельт разъезжал по штатам, мирил местных политиков, льстил одним, обещал золотые горы другим и повсюду стремился стать символом всех надежд. Он умел преодолевать злую скуку переездов, исторгать вдохновение, обращаясь к толпе, хотя уже накапливалась предательская усталость. У него начал срываться голос, он так или иначе попал бы в госпиталь, но произошло это раньше и неожиданнее.

Когда Рузвельт садился в автомобиль, чтобы поехать на митинг в Милуоки (это было 14 октября), из толпы к нему пробился человек. С криком, что не допустит «третьего срока», он выстрелил в Рузвельта. Никто не знал, какую опасность представляет рана с правой стороны груди. (Как потом оказалось, пуля прошла через ткань пальто, пробила футляр для очков, свернутой текст рукописи выступления, раздробила четвертое ребро и остановилась в легком.) Вопреки всем увещаниям, Рузвельт потребовал отвезти его к собравшимся: «Я произнесу эту речь или умру». Перед безмолвной аудиторией он говорил достаточно связно: «Не знаю, все ли осознали, что в меня стреляли... во мне сейчас пуля... Я хочу, чтобы вы поняли: в этой

игре я все равно впереди. Никто не прожил более счастливую жизнь... Мои друзья немного более нервные, чем я... не надо излишне жалеть меня...» В течение часа Рузвельт, отгоняя тех, кто пытался ему помочь, растолковывал, чем его программа лучше программы Вильсона. Сыграло свою роль не это различие, а поведение раненого. Мужество всегда вызывает симпатию. Прекрасные слова: «Жизнь, по большей части, пустые слова, пена и пузыри. Лишь две вещи стоят как скала: сочувствие к беде ближнего и мужество в собственной беде»

В ходе предвыборной кампании образовалась заминка. Выздоровливающий Рузвельт произнес еще одну речь накануне выборов в Мэдисон сквер гарден в присутствии двенадцати тысяч человек. Снова та же энергия, те же слова, тот же пафос оратора и энтузиазм слушателей. Все это, однако, помогло лишь сделать поражение почетным. За победителя — В. Вильсона проголосовало 6 миллионов 286 тысяч избирателей, за Рузвельта — 4 миллиона 126 тысяч, за У. Тафта — 3 миллиона 484 тысячи. Но претендентов было не трое, а четверо. Юджин Дебс сумел получить голоса 300 тысяч избирателей.

Оценивая результаты выборов 1912 года, В. И. Ленин вскрыл суть новой расстановки политических сил. Он отметил, что «мировое значение американских выборов состоит не столько в том, что сильно возросло число социалистических голосов; — значение американских выборов состоит в величайшем *кризисе буржуазных* партий, в паразитической силе, с которой выступило их разложение. Наконец, значение выборов — необычайно ясное и яркое выступление *буржуазного реформизма*, как средства борьбы против социализма»*.

В. И. Ленин особо указал, что в отличие от старых политических партий «новая буржуазная партия, «Национальная прогрессивная партия», обращена лицом к *будущему*. Ее программа вся вращается около вопроса о том, быть или не быть капитализму, именно около вопросов об охране рабочих и о «трестах», как называют в Америке союзы капиталистов... Вся программа, вся агитация Рузвельта и «прогрессистов» ведется вокруг того, как бы *спасти капитализм*... посредством буржуазных реформ...

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 192.

— Мы спасем капитализм реформами,— говорит эта партия.— Мы дадим самое передовое фабричное законодательство. Мы введем государственный контроль за *всеми* трестами (в Америке это значит за всей промышленностью!). Мы введем государственный контроль за ними, чтобы не было нищеты, чтобы все получали «приличную» заработную плату. Мы установим «социальную и промышленную справедливость». Мы клянемся и божимся *всеми* реформами... мы не хотим только *одной* «реформы»: *экспроприации капиталистов!*..

— Вы увлекли 4 миллиона человек своими посулами реформ, любезный шарлатан Рузвельт? Прекрасно! Завтра эти четыре миллиона увидят, что ваши посулы — обман, а ведь идут эти миллионы за вами *только* потому, что чувствуют: по-старому жить *нельзя** .

Окончились выборы. Полковник Рузвельт, по всей видимости и не ожидавший большего, выглядел довольным человеком. Претендент грациозно распростился со своими сторонниками, предрекая прогрессизму славную будущность и одновременно отходя от него навсегда. Как сказала одна из сподвижниц Рузвельта в данной кампании: «Я хотела бы верить, что он (Рузвельт.— А. У.) осуществит в случае избрания хотя бы один пункт из своей программы, но я не могу поверить в это». Подобный скептицизм был характерен для всех здравомыслящих людей. Прогрессивные силы США ни на минуту не могли допустить мысли о внезапном «прозрении» экс-президента.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 193—194.

Отставной политик

ПОСЛЕ бурного 1912 года Рузвельт отходит от активной политической жизни. Один из признаков подведения жизненных итогов — написание автобиографии; этим он и занялся в начале 1913 года. Другой признак — примирение с бывшими друзьями; Рузвельт возобновил переписку с сенатором Лоджем.

За Рузвельтом оставался, однако, большой политический долг. Четыре миллиона голосовали за него, и активисты хотели бы сохранить ядро прогрессивной партии. Рузвельт уже решительно не верил в успех дела (за исключением внезапного раскола демократов — что было невероятно). Поэтому он сознательно охлаждает пыл своих сторонников и, хотя доводит свое руководство до выборов в конгресс в 1914 году, но делает это без обычной для себя воли, силы и организованности. Другу, намекнувшему на возможный успех в 1916 году, он ответил прямо: «Я думал, что вы более квалифицированный политик. Борьба окончена. Мы разбиты. Остается только одно — вернуться в республиканскую партию». Хорошая иллюстрация беспредельной гибкости принципов и моральной терпимости в отношении себя.

В. И. Ленин так охарактеризовал развал прогрессивной партии: «Прогрессивная партия Рузвельта, с ее 4½ миллионами голосов, есть образчик широкого, с американским размахом выступившего на сцену, буржуазно-реформистского течения... И вот, в Америке новоиспеченная прогрессивная партия на другой же день после выборов трещит по всем швам.

Буржуазные политиканы, обманывавшие массы рузвельтовским шарлатанством, кричат уже теперь о *слиянии* с республиканской партией. В чем дело? Очень просто: политиканам нужны доходные места, которые победившая

партия в Америке особенно нагло распределяет между своими сторонниками. Раскол республиканцев дал победу «демократам». Демократы теперь в упоении делят жирные куски общественного пирога. Понятно, что их конкуренты готовы отречься от «прогрессивной» партии и вернуться назад в *единую* республиканскую, которая имеет все шансы победить демократов» *.

* * *

С выборами 1912 года завершается определенный этап в американской истории. В результате раскола республиканской партии пришел конец ее почти полувековому господству на национальной политической арене. После испано-американской войны капитализм в США перешел в стадию империализма. Внутри страны на рубеже веков основные тресты достигли общенациональных размеров, завершилась монополизация промышленности, в сельском хозяйстве наблюдалось массовое разорение мелких фермеров наряду с укреплением крупных хозяйств. Америка прочно заняла первое место в ряду развитых капиталистических стран, превосходя по темпам роста своих основных конкурентов. Во внешней политике США произошел качественный скачок — от ориентированности на Западное полушарие к развитию европейского и азиатского направлений. Характерной чертой стал глобализм американской внешней политики.

Что касается Рузвельта, то он намеревался учить нацию, но теперь уже не как политический деятель, а как историк. Ему предстояло в 1913 году зачитать послание Американскому историческому обществу в качестве его председателя. Избранная тема — «История как литература».

Рузвельт верил в эмоциональное, а соответственно, в воспитательное воздействие истории. В его понимании история отнюдь не была аналитичной научной дисциплиной, служащей познанию социума. Сказочность, ритм веков, вдохновение прошлых лет — вот что считал он важным. Ситуация, когда Рузвельт предстал перед жрецами исторической науки, была в значительной мере парадоксальной.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 212—213.

Перед неутомимыми исследователями подлинности факта, поборниками бесстрастного анализа выступал враг наукообразия, желавший видеть не истину в последней инстанции (как политик он знал, насколько она многогранна), а полет фантазии, впечатляющую силу стиля, поэтическую тонкость.

Стороны не сошлись. Преобладавший в американской историографии буржуазный детерминизм, сознательное выхолащивание исторической прозы делали этих наследников Геродота чем-то вроде бездушных чтецов летописи времени. Рузвельт же, не уставший удивляться в свои пятьдесят пять лет, казался ребенком. Ученые отмечали достоинства его стиля, но отказывали ему в главном — в способности объяснять.

Рузвельт платил той же монетой: он не признавал объяснения, основанного лишь на бездушной аналитичности. В истории действуют люди с горячей кровью, их пафос столь же важен, как и более низменные мотивы вроде материального стимула. В целом новый президент Американской исторической ассоциации хотел, чтобы появился историк — «великий мастер, который сможет использовать собранный материал, у которого будет дар провидения, качества наблюдателя, способность увидеть случившееся в истинном свете и подать увиденное так, чтобы стало ясно другим, способность наделить телами духов, одеть кости в мясо и кровь, сделать мертвых живыми перед нашими глазами». И еще Рузвельт хотел в исторических сочинениях видеть мораль, не отвлеченный ее принцип, а человеческое воплощение. «Рука об руку с необходимостью в совершенствовании техники специальных исследований идет потребность в широкой человеческой симпатии, в высших и благородных эмоциях». Заключая свою речь, Теодор Рузвельт призвал историка будущего воссоздать современную американскую историю. «Чтобы был показан грубый материализм нашей эпохи и также удивительная способность к высокому идеализму, которая должна быть учтена всеми, кто хотел бы понять американский характер».

Возникает соблазн сказать, что частью решения последней задачи автор, льстя себе, считал собственную «Автобиографию», начавшую выходить в журнале «Аутлук» с февраля 1913 года. При всех несомненных недостатках,

неровности стиля, тенденциозности изложения, явного самовозвеличивания, пропусках наиболее существенного и т. п. эта работа вызвала большой интерес как творение беспрецедентное: живой экс-президент писал о недавних событиях с талантом и откровенностью.

Личность Рузвельта интересовала его сограждан, в эти годы было написано много такого, что приводило ушедшего на покой политика в ярость. Рузвельт подал в суд на один провинциальный журнал, представивший его ханжой-пуристом, готовым при этом выпить, выкурить крепкую сигару, обругать ближнего. Истиной, однако, является то, что в отличие от Уинстона Черчилля, Теодор Рузвельт не нуждался в тонизирующем действии спиртного (не от того ли Черчилль жил вдвое дольше?). Современников, видимо, сбивала с толку внешность Рузвельта и его повышенная эмоциональность. В ходе пятидневного процесса Рузвельт сумел доказать необоснованность выдвинутых против него обвинений. Редактор при всех усилиях не нашел ни одного свидетеля. Проявив великодушие, оскорбленный истец запросил сугубо номинальный штраф — шесть центов.

После остроты политических страстей все казалось Рузвельту пресным. Он попробовал себя в качестве литературного и художественного критика. Его вкусы в искусстве определились давно и были на удивление — для такой переменчивой природы — стабильными. В живописи его фаворитами были гении Возрождения Рафаэль, Микеланджело и Рембрандт. В архитектуре непревзойденными для Рузвельта оставались средневековые соборы Европы. Это очень характерно для Рузвельта — выходца из патрицианской семьи: добропорядочная буржуазная стабильность. Он был нетерпим к художественным исканиям, захватившим лучших живописцев века. На выставке модернистов он обругал все, но сделал важное замечание: «Одно здесь абсолютно отсутствует — банальность. Здесь нет улыбки самодовольства, самоудовлетворенной обыденности... Здесь не требуют, чтобы человека, чей дар лежит в новых направлениях, измеряли по стереотипам, по допотопным стандартам».

Рузвельт-президент на голову превосходил своих лишенных всяких пристрастий к изящному предшественников в Белом доме. Федеральная администрация подходила к

эстетическим идеалам с самыми заурядными мерками. Город Вашингтон XIX века (пример тому — сохранившиеся строения прошлого) — красноречивое свидетельство. В лучшем случае это добротность. С начала нашего века столица старается более или менее следовать главенствующим вкусам эпохи, обновляя свой облик, изживая провинциальную заурядность. В этом вклад полного интереса к многим областям человеческой деятельности Рузвельта. По его приказу был создан Совет изящных искусств, объединивший ведущих архитекторов, скульпторов и художников для экспертизы и помощи министерствам в постройке общественных зданий. (При Тафте совет был распущен.) Рузвельт рискнул вызвать неудовольствие святош, когда по совету Сен-Годена с доллара в эстетических целях была убрана сакраментальная надпись «В бога мы верим».

В литературе сердце Рузвельта принадлежало «эстетически выдержанным» авторам XVIII—середины XIX века. Вот его собственное признание: «Я старомоден и sentimentalен в том, что касается книг... Я читаю книгу, чтобы прежде всего получить удовольствие и, во-вторых, чтобы чувствовать, что я стал хоть немного лучше, а не хуже после чтения». Ему всегда хотелось, чтобы в книге было больше солнечного света. Неважно, что это лицемерие по отношению к окружающим, по отношению к самой жизни; идеал и движение к нему — таков главный литературный запрос Рузвельта. В суждениях он исходил из своей оценки морали автора и дидактического значения книги. Поэтому произведения критического направления, изобличающие пороки буржуазного общества, снимающие покровы благообразности с алчности и эгоизма, воспринимались Рузвельтом как регресс в развитии литературы. Более всего «доставалось» тем, кто, по его мнению, посягал на систему буржуазных семейных отношений. Максим Горький подвергся нападкам за то, что путешествовал по Америке, не оформив официально свой брак. Рузвельт по этой причине отказал Горькому в аудиенции.

В романах Л. Толстого, уже имевшего мировое признание, Рузвельт нашел лишь «борьбу против брака» и обвинил его в проповеди «фантастической теории самоуничтожения расы путем воздержания от брака». Справедливости ради надо сказать, что Рузвельт признавал величие Толстого как писателя и мыслителя. Он отмечал, что «как

профессиональный моралист и философ, дающий человечеству советы по религиозным вопросам, Толстой предлагает несколько превосходных теорий, создавая в некоторых трудах благородное и возвышающее чтение». Книги Э. Золя Рузвельт отвергал как «не представляющие познавательного осмысления жизни, вызывающие отвращение у всех читателей, не зараженных истерией дурного вкуса». Он находил Ф. Рабле «слишком вольным», а Дж. Чосера — «недостойным траты времени». Рузвельт не мог простить Ч. Диккенсу его реализм и критическое отношение к «земле обетованной». «У него нет понимания того, что означает слово «джентльмен», способности оценить гостеприимство и хорошее обращение. Естественно, что он презрел всю Америку, ведь ему не хватило духа понять, что творит Америка».

Столь откровенным в суждениях Рузвельт был в узком кругу. Для всех остальных существовал образ другого Рузвельта — охотно читающего современную прозу и поэзию, приглашающего в Белый дом своих литературных любимцев. Явственно ощущалось лишь одно: президент не одобряет реалистов и питает слабость к романтикам. В поэзии, скажем, ему были близки Данте, Вийон, Ронсар, Гете, Мистраль. Он хорошо знал творчество немецких и скандинавских писателей. Ассоциация гэльской литературы избрала его почетным председателем. После Джефферсона он был единственным президентом, лично знакомым с лучшими литераторами своего времени. Дж. Кеннеди явился вторым президентом, с которым разговаривал поэт Роберт Фрост. Первым — Теодор Рузвельт, и Фрост вспоминает: «Он знал поэзию». Звезда американской критики первой половины XX века — Ван Вик Брукс свидетельствует (делаем скидку на излишнюю восторженность) о «самом замечательном проявлении разума и феноменальной памяти», которые он когда либо наблюдал. Рузвельту в плане оценок его «вклада» невольно повезло, ибо благодаря радикализации и оживлению общественной жизни в первое десятилетие века взошли ростки великой американской литературы двадцатого столетия. Рузвельт косвенно способствовал этому процессу, что и «зачлось» ему американской историей.

Выпустив в соавторстве с натуралистом Эдмундом Хеллером двухтомник об африканских животных, Теодор Руз-

вельт с сыном и еще несколькими любителями приключений решил побывать в Латинской Америке. Бразильское правительство помогло организовать экспедицию с целью исследования загадочной реки Сомнения, текущей от бразильского плато на север, на соединение с Амазонкой. В феврале 1914 года двадцать два путешественника отправились в дорогу. От начала до конца их преследовали несчастья и неудачи. Внезапный прилив унес две лодки. Утонул один из гребцов. Чудом прошли водопад, но потеряли оборудование. Один участник экспедиции сошел с ума, что стоило жизни другому. Рузвельт повредил ногу, а инфекция сделала рану опасной. В довершение всего он заболел малярией. После двухмесячных мытарств, преодолев почти две с половиной тысячи километров, экспедиция вышла к Манаосу. Здоровье Рузвельта было подорвано до конца дней. Он потерял в весе около тридцати килограммов, но у него хватило сил поблагодарить министра иностранных дел Бразилии «от всего сердца за шанс принять участие в этом огромном исследовательском предприятии». Река Сомнения стала по решению бразильского правительства рекой Рузвельта. Участливый друг спросил его: «Почему Вы решились на это в Вашем-то возрасте?» «Мне хотелось еще раз почувствовать себя подростком», — ответил Рузвельт.

С гораздо меньшим мужеством Рузвельт воспринял другое испытание судьбы. Как известно, одним из главных деяний его империалистической внешней политики явилось содействие расколу Колумбии ради постройки на чужой земле Панамского канала, полностью контролируемого Соединенными Штатами. Он сделал это, полагал Рузвельт, для народа США и прогресса цивилизации, покрыв себя славой и заслужив вечную благодарность. Как бы не так. Всего через каких-то десять лет после данного события государственный секретарь при президенте Вильсоне — Уильям Брайан признал, что в отношении Колумбии была совершена несправедливость, американское правительство готово принести извинения и уплатить 25 миллионов долларов в качестве компенсации. Для администрации Вильсона это был шаг, направленный на улучшение отношений с латиноамериканскими странами. Для Рузвельта — личное фиаско. То, что он считал титаническим подвигом и триумфом дипломатии, официально назвали воровством.

Предложенный президентом Вильсоном договор с Колумбией говорил об «искреннем сожалении» по поводу учиненной несправедливости. Рузвельта душила злоба: «Я рассматриваю предлагаемый договор как преступление против Соединенных Штатов, как оскорбление чести Соединенных Штатов... и серьезную угрозу будущему благосостоянию нашего народа». (Через шестьдесят с небольшим лет подобные же фразы можно будет услышать по поводу пересмотра договора о Панамском канале от таких республиканцев, как Рональд Рейган.) Рузвельт предпринял настоящую атаку на сторонников договора, заявляя, что «каждое действие, которое мы предприняли, соответствовало высшим принципам общественной и личной моральности». Это был и самообман, и самоослепление, и попросту обман. Экспансионисты бросили клич по всей стране и, сплотившись, блокировали подписание договора.

Все эти важные для Рузвельта дела прервала 1 августа 1914 года мировая война. Агрессивность и самоуправство, присущие наиболее значительным действиям Рузвельта как политика, особенно отчетливо проявились на фоне всеобщей реакции, вызванной нарушением Германией нейтралитета Бельгии. В то время, когда почти весь политический мир оплакивал участь маленькой растоптанной страны, Рузвельт остался верен своей «киплинговской» философии, оправдывающей любые средства в борьбе за выживание сильнейших. «Истинный государственный деятель, — пишет Рузвельт на восьмой день войны, — должен пренебречь любым договором, если действия по его поддержанию могут представить собой самую серьезную опасность для нации». Рузвельт претендовал быть джентльменом в обыденной жизни. В дипломатии сама эта претензия казалась ему жалкой, недостойной мужественного государственного деятеля. В журнале «Аутлук» от 22 августа 1914 года он высказался так: «Когда гиганты вступают в смертельную схватку, как это происходит сейчас, они полны решимости попать все, что стоит на пути колоссальных борющихся сил».

Нетрудно вообразить восторг Рузвельта при виде развернувшейся исполинской мировой схватки. Чисто гуманитарные соображения не пользовались у него уважением. Он даже не считал нужным осудить ужасающую бойню, в конечном счете означающую конец той «аристократи-

ческой» Европы, которую он так любил, где царили его единомышленники.

В годы своего президентства Рузвельт вывел корабль Америки из гавани «доктрины Монро», открыв перед ним новые просторы. Он сумел сблизиться с Англией, которая разменяла свою «блестящую изоляцию» на членство в Антанте. Поэтому ясной становится проантантская ориентация экс-президента. Она вполне соответствовала основному идейному течению среди американской буржуазии, тесно связанной экономически со странами Антанты и с Англией в первую очередь. С помощью активной английской пропаганды поворот общественного мнения в сторону антигерманской коалиции стал ощутимым уже в начале осени 1914 года.

Начинается последняя битва Теодора Рузвельта. Всегда склонный персонифицировать политические силы, на этот раз он избирает своим противником удачливого, как ему казалось, дилетанта в политике — Вудро Вильсона. Рузвельт обличал нерешительность вильсоновской администрации в деле поддержки союзников. Он называл Вильсона «византийским законником», желая подчеркнуть, что его высокопарные речи служат прикрытием постоянных внутренних махинаций. Вильсон, со своей стороны, твердо взял за правило избегать контактов с Рузвельтом, высказываний о нем, что крайне задевало Рузвельта. Однажды Вильсон объявил: «Единственный способ общаться с противником вроде Рузвельта, это внимательно смотреть на звезды над его головой».

Отношения Рузвельта и Вильсона характеризовались отныне непримиримой враждой. Очевидной становится и разница в стиле руководства. Вильсон, воплощение хладнокровия и силы интеллекта, стремился перед резким поворотом в политике заручиться достаточной поддержкой. (Не будем говорить сейчас о 1920 году, когда Вильсон, обгоня главенствующую точку зрения, выступил с идеей «Лиги наций» и потерпел сокрушительное поражение.) Рузвельт же обычно бросался вперед, чтобы политические силы догоняли его, поэтому имел большой простор для нападок на медлительность и нерасторопность Вильсона.

Итак, уже через несколько недель после начала войны Рузвельт потребовал, чтобы вступил в силу взлелеянный им негласный союз с Англией и Америка приняла уча-

стие в мировой борьбе. Этой идее Рузвельт посвятил оставшиеся четыре года жизни. Первым значительным обращением к широкой публике явилась книга «Америка и мировая война», увидевшая свет в начале 1915 года. Здесь явственно просматривается размежевание с политикой Вильсона «быть нейтральными даже в мыслях». Под знамя Рузвельта, на котором было начертано «Готовность», вставали милитаристы и экспансионисты империалистической Америки. Воинствующие элементы стремились доказать, что Америка может выиграть в конфликте двух сторон, выступив арбитром. Но для этого ей надо быть готовой бросить свою военную силу на весы решений. Не вызывает сомнений, что Рузвельт размышлял над возможностями Америки, открывающимися в ходе войны. Из должника Европы США превращались в ее кредитора, в промышленности начинался военный бум. Впервые Америка говорила на равных с могущественными европейскими державами. Более того, к ней обращались с заискиванием, понимая, что от позиции США частично зависит исход мировой схватки.

Рузвельт и Лодж (старый союз) способствовали тому, что президент Вильсон не отменил эмбарго на продажу вооружений. Эта мера означала большую помощь Антанте. Проатлантическая группировка ратовала за обходительное обращение с Англией, за отказ от покупки интернированных в американских портах судов, выступала за молчаливую поддержку необходимой Англии контрабанды, за расширение торговли со странами Антанты.

В начале 1915 года в «Чикаго трибюн» появилось интервью Рузвельта, в котором он утверждал, что Германия рано или поздно станет соперничать с США в зоне Карибского моря. «Мы будем втянуты в войну с Германией со значительно меньшими шансами на успех, чем если бы мы присоединились к державам, ныне ведущим с ней борьбу». Рузвельт буквально кипел от ярости: «Вильсон и Брайан — презренные создания, они не пойдут на объявление войны, если их не толкнуть на это». Вот если бы президентом был он, то «занял бы позицию, вынуждающую немцев либо изменить линию своего поведения, либо объявить нам войну». Полковник Рузвельт становится несомненным лидером движения за вступление в войну. Но вражда с президентом Вильсоном воздвигает

перед ним барьер, за которым скрывается подлинная информация из правительственных кругов. Те, кто находится ближе к кормилу власти, знают, что Вильсон не такой уж пацифист, он строит грандиозные схемы нового мирового порядка, где эпицентром могущества будут Соединенные Штаты.

Война стала всепоглощающей страстью Рузвельта. Даже свое выдвижение в 1916 году он поставил в зависимость от степени воинственности избирателей: «Было бы ошибкой выдвинуть меня в президенты, если только в характере народа не появится нечто героическое». Теперь он хотел номинации, хотел быть кандидатом, но кандидатом от республиканской партии, а не от прогрессистов, дело которых было обреченным. В милитаристском угаре он и не вспомнил о реформизме 1912 года.

За неделю до проведения конвента республиканской партии Рузвельт заклинал «избрать американского президента, а не вице-короля при германском императоре». Это была убийственная тактика для претендента, если учитывать влияние выходцев из Германии в республиканской партии и нежелание американского народа принять систему всеобщей воинской повинности. Конвент в Чикаго в июне 1916 года не мог избрать обгоняющего время полковника. Платформа республиканцев призывала к «честному соблюдению нейтралитета между воюющими сторонами». Вопрос о Рузвельте практически даже не обсуждался. Выдвинулась новая фигура — верховный судья США Чарльз Эванс Хьюз, взгляды которого были достаточно туманны. Рузвельту ничего не оставалось как поставить на Хьюза, некогда охарактеризованного им как «Вильсон с бакенбардами». Еще не остыв от борьбы, он говорил: «Трудно представить себе более жалкую группу, чем республиканцы, выдвинувшие Хьюза. Они едва ли лучше, чем коррумпированные и лунатически дикие ослы, которые составляют ряды демократов под главенством этого хитрого, беспринципного и боязливого демагога Вильсона». Но чтобы не закрыть себе дорогу в будущее, Рузвельт был вынужден произнести, что он поддерживает Хьюза, «способного, прямого человека».

Вильсон оказался из всех наиболее дальновидным политиком. Он видел преобладающее стремление американского народа к миру и сыграл на том, что страна была

удержана от войны. Чтобы пройти на повторный срок президентства, В. Вильсон избрал лозунг «Он удержал нас от войны». Это сработало безотказно, и мандат на следующие четыре года был получен в ноябре 1916 года. Но плодами этой победы Вильсон распорядился, по сути дела, аналогично тому, как призывал Рузвельт. Только сделал это более обдуманно. От «вооруженного нейтралитета» Вильсон быстро шел к войне. Перехват ноты Циммермана, в которой Мексике за объявление войны Соединенным Штатам обещалось возвращение «потерянных территорий в Нью-Мексико, Техасе и Аризоне», дал сторонникам войны последнее — необходимый предлог. В один из моментов прозрения Вудро Вильсон дал оценку будущему: «Война означает автократию. Те, кто слезет с боевых коней, неизбежно завладеют контролем над страной, ибо мы будем зависеть от магнатов стали, нефти и финансов. Они будут править нацией». Американский империализм созрел, теперь он был готов к войне и лишь ждал сигнала.

Президент США Вильсон 2 апреля 1917 года взошел на трибуну перед собравшимися в одном зале сенаторами и членами палаты представителей. Он просил конгресс об объявлении войны за «повсеместное главенство права при помощи такого союза свободных народов, который принесет мир и безопасность всем нациям и сделает мир наконец свободным». В лице Вудро Вильсона американский империализм обрел деятеля более современной формации, не штурмующего безрассудно очередной Сан-Хуан, а трезво взвешивающего шансы Америки на лидерство.

Увы, не Рузвельту, потратившему десятилетия на пробуждение у элиты вкуса к международным авантюрам, а этому неожиданно оказавшемуся в кресле президента профессору придется перекраивать карту мира. Теодор Рузвельт видит для себя только один выход: набрать дивизию добровольцев, отправиться во Францию и там прославиться или умереть. Повторение в новом, грандиозном масштабе подвигов Сан-Хуана может всколыхнуть его сограждан и еще раз открыть ему путь в Белый дом. Рузвельт, желая достичь своей цели, пытался очаровать Вильсона. Он поставил недавнее послание Вильсона конгрессу наравне с «великими государственными документами Вашингтона и Линкольна». Понимая, к чему клонит его собеседник, президент кивнул на стол, заваленный пред-

ложениями от тexasских рейнджеров, полковников из южных штатов, «конечно, не столь знаменитых». Рузвельт ушел даже несколько обнадеженный. («Мы запросто поговорили с президентом, и я бы сказал, что все улажено, не будь моим собеседником мистер Вильсон».) Вот именно. После встречи Вильсон сказал: «Он великий большой младенец».

Во многом повторяя карьеру своего знаменитого родственника (с той лишь разницей, что плацдармом была избрана демократическая партия), пост заместителя военно-морского министра занял Франклин Делано Рузвельт. По его просьбе военный министр Бейкер встретился с полковником. Существовала формальная преграда в виде отсутствия у Рузвельта военного образования, но он был полон решимости поставить на службу последнему предпринятию весь свой авторитет. Прибывший в США с военной миссией маршал Жоффр согласился, что американская дивизия во главе с экс-президентом США на французском фронте желательна. Однако цензура государственного департамента не пропустила слова несведущего в американской политике маршала. Жорж Клемансо в открытом письме президенту Вильсону также замолвил словечко: «Есть одно имя, которое символизирует всю желательность и привлекательность американской интервенции. Это имя Рузвельта... Его влияние, его престиж, искусство речи необходимы солдатам Франции». Клемансо, однако, как и Жоффр, не совсем отчетливо понимал особенности американской политической арены. Вильсон поставил точку: «Я думаю, что лучший способ обращения с мистером Рузвельтом — не замечать его». Если положение таково, что Рузвельта стало возможным игнорировать, приходится говорить о конце карьеры.

Рузвельт, многолетний фаворит судьбы, теперь почувствовал свое бессилие. Лишь мщение и жажда любой ценой политически выжить владели им. Чтобы привлечь к себе внимание, он публикует в августе 1917 года свою переписку с военным министром Бейкером, подающую того в невыгодном свете. Отказ дать ему дивизию Рузвельт изображает как козни прогерманских агентов. Послав четверых сыновей на фронт, он разъезжает по стране с призывами умножить усилия. Его экзальтация не вяжется с суровой реальностью, напыщенные романтические образы

ни в малейшей степени не сообразуются с постыдной и печальной хроникой войны. Чтобы быть услышанным, Рузвельт ищет рупор. Он избирает газету «Канзас сити стар», критически настроенную в отношении Вильсона, где с осени 1917 года до зимы 1919 года появляется более сотни его статей, написанных в сугубо националистическом духе. Горечь отставленного за ненадобностью политика буквально сжигает его. «У меня было славное время и я не против заплатить за него. Невыносимо думать, что эти свиньи скажут, что я вышел из игры».

Но Вильсон, несмотря ни на какую критику, умело ведет государственные дела. Рузвельт требует поставить американские войска под командование французов и англичан, а Вильсон настаивает на обособленности американского командующего — генерала Першинга и сепаратности действий американского экспедиционного корпуса. Рузвельт требует заключить тесный союз с Антантой, а Вильсон предпочитает держаться на расстоянии, ограничиваясь некоей ассоциацией. Рузвельт требует скорейшего объявления войны союзникам Германии, а Вильсон ждет и ищет как можно использовать эту ситуацию. Вильсон теперь лучше служит интересам правящего класса, чем этот ура-патриот Рузвельт, чьи главные заслуги политика, разбудившего американские имперские интересы, в прошлом.

Судьба не будет вечно милосердной к Вильсону, хотя пока он на коне, а дела Рузвельта плохи. В довершение всего он оглох на одно ухо. Теперь у него половина зрения и слуха, но он еще находит силы совершить два тура (в мае и сентябре 1918 года) по стране. В день получения известия о капитуляции Германии Рузвельта увозят в госпиталь с приступом ревматизма.

Бизнес и правящая элита Америки были удовлетворены глобальным и перспективным подходом Вудро Вильсона, его стремлением подавить Германию, овладеть контролем над остальным капиталистическим миром, держать Советскую Россию в состоянии «санитарного карантина». Сложившаяся ситуация вынуждала Рузвельта смириться с мыслью о неотвратимости конца его тридцатилетней политической карьеры. Но до последних своих дней и даже после смерти Рузвельт сумел остаться бойцом и политиком. Посмертные публикации его статей в популяр-

ных изданиях подготовили почву для выступления анти-вильсоновских сил. В 1919 году сенат не ратифицировал проект вхождения США в Лигу наций. Это привело к политической изоляции президента Вильсона и его физической гибели.

Последнее публичное выступление Рузвельта состоялось 28 октября 1918 года (накануне ему исполнилось 60 лет) в Карнеги холл. В двухчасовой речи перед огромной аудиторией он привел все возможные аргументы против внешней и внутренней программы Вильсона. Это был его вклад в победу республиканцев на выборах в конгресс в 1920 году. Но Рузвельту увидеть этого уже не довелось. Он умер утром 6 января 1919 года в Сагамор-Хилле, где и был похоронен без воинских почестей, оркестра и пышных речей.

В тот же день Вильсон, который находился в Италии, узнал о кончине своего противника. Президентский поезд остановился близ Модены, и журналисты могли наблюдать сквозь стекло, как Вильсону подали экстренную телеграмму. Изумление и скорбь на его лице сменились невольной радостью: смерть Рузвельта, казалось, устраняла основное препятствие в реализации планов Вильсона относительно его «политического детища» — Лиги наций. Он никак не предполагал, что даже из гроба Рузвельт нанесет ему сокрушительный удар.

Пока было ясно одно — с Теодором Рузвельтом ушла целая эпоха.

Именной указатель

- Адамс Б.— 114
Адамс Г.— 72, 107
Адлер Д.— 16
Амадор М.— 119
Артур Ч.— 39, 40, 54
Астор У.— 16, 27, 48
- Бальфур А.— 120
Беверидж, сенатор — 83, 143
Бейкер Н.— 184
Бейкер Р.— 142
Бекон Ф.— 113
Биль Г.— 126
Бирд Ч.— 138
Блейн Дж.— 39—42, 57, 70
Брайс Дж.— 115, 121
Брайан У. Дж.— 79—81, 101, 103, 149, 154, 178, 181
Брэндайс Л.— 136, 137
Булвер Дж.— 117
Бюлов, фон — 125
Бюно-Варилья М.— 117, 119
- Вандербилт К.— 17, 27, 28, 30, 56
Вашингтон Б.— 103
Вашингтон Дж.— 49, 116, 183
Вебб У.— 30
Вебстер У.— 34
Вестбрук Т.— 31—33
Вивер Дж.— 66
Вильгельм II — 124, 125, 129, 132, 155
Вильсон В.— 8, 146, 160, 161, 166, 167, 170, 179, 180, 186
Витте С. Ю.— 129—131
Вуд Л.— 90, 91
- Гамильтон А.— 49
Гантон Дж.— 96
Гарриман Э.— 127, 140, 146
Гаррисон Б.— 45, 54, 56—58, 62, 64, 65, 70—72, 152
Герберт М.— 121
Гошен Б.— 115
Гомперс С.— 75, 95, 104

Гулд Дж.— 28, 31, 32

Дадли У.— 58

Данн Ф.— 91

Дебс Ю.— 68, 69, 160, 166

Депью Ч.— 56, 57, 92, 94

Джексон Э.— 31, 44, 54, 55, 80

Джессуп М.— 30

Джефферсон Т.— 11, 12, 14, 34, 44, 49, 51, 84, 158, 162, 177

Джонс Дж.— 68

Джордж Г.— 60, 61

Дрейк Э.— 12

Дрю А.— 28

Дьюи Дж.— 89—91, 120, 138

Дэвис У.— 27

Дюпюи де Ломе — 88

Жофр, маршал — 184

Жюссеран А.— 124

Зелигман Э.— 96

Йеркес К.— 21

Канеко, барон — 128, 130, 131

Карнеги Э.— 12, 28, 66, 75

Карроу Э.— 61

Кеннеди Дж.— 177

Керзон, лорд — 155

Киплинг Р.— 72, 115

Клей У.— 34

Клейтон У.— 117, 146

Клемансо Ж.— 184

Кливленд Г.— 29, 35, 38, 40, 42, 43, 55—59, 64—69, 72, 113

Кокси Дж.— 68

Колко Г.— 144

Комура — 128, 129

Конгер Э.— 127

Конклинг Р.— 35

Кортеллиу Дж.— 139, 140, 147

Кроули Г.— 136

Кэй М.— 56, 100, 103

Лафайет, маркиз — 115, 138, 157, 161, 165

Лафлин Л.— 23

Лертон Х.— 112

Ли А.— 20, 120

Ли Ф.— 88

Линкольн А.— 34, 40, 112, 158, 165, 183

Линч Т.— 40

Липпман У.— 136

Лодж У. К.— 29, 40, 62, 70, 72, 77—80, 82, 83, 85, 91, 103, 112,
122, 131, 172, 181

Лонг Дж.— 83, 89

- Маколей Т.— 120
Манзи Ф.— 166
Мантохо-и-Пассерон П.— 90
Марокин А.— 117
Мартенсен К.— 17
Мейер Дж.— 128
Меррей Дж.— 25
Монро Дж.— 11, 116
Морган Дж.— 29, 48, 74, 102, 103, 106, 108—110, 113, 127,
146, 147, 150
Морли Дж.— 115
Моррис Г.— 49, 50
Мур Дж.— 118
Мэдисон Дж.— 11
Мэхэн А.— 83, 85
- Николай II — 128—130
Нокс Р.— 110, 112
- Олдрич У.— 145, 157
Осборн Г.— 155, 166
О Брайен Дж.— 39
- Паркер Э.— 140
Паркхерст Дж.— 76, 93
Паунсфот Дж.— 117, 121
Пенроуз Б.— 93, 100, 103
Перкинс Дж.— 166, 169
Перкинс У.— 113
Пенн У.— 157
Першинг Дж.— 185
Пинчот А.— 162, 167
Пинчот Э.— 150, 157
Пулитцер Дж.— 28, 87, 106
Пульман Дж.— 13, 69
- Райан Э.— 27
Райт Ф.— 16, 112
Рид Т.— 70, 72, 77, 78
Робинсон Д.— 106
Розен Р.— 129
Рокфеллер Дж.— 13, 28, 48, 103, 108, 139, 144, 147
Рокхилл У.— 83
Рузвельт Р. Б.— 23
Рузвельт Дж.— 115
Рузвельт Ф. Д.— 8, 9, 92, 120, 132
- Саймонс Э.— 137
Салливэн М.— 16
Сервера А.— 91
Синклер Э.— 142
Смит А.— 138
Спринг-Райс С.— 72, 114, 115, 121, 126

- Стеффенс Л.— 74, 77, 142
Стилмэн Дж.— 140, 147
Стюарт А.— 17, 27
Такахира — 128, 129
Тарбел И.— 142
Тафт У.— 29, 72, 82, 88, 103, 127, 152, 153, 156, 157, 162—164,
167, 170, 176
Тревелиян Дж.— 115, 141
Трейси Б.— 83

Уайт Г.— 121
Уайт У.— 143
Уинг С.— 95
Уэйл У.— 136

Фиск Дж.— 28
Флинн У.— 161
Форейкер У.— 40, 56, 145
Фостер У.— 95
Фрей У.— 83

Ханна М.— 78, 80, 98—101, 103, 107, 108, 140
Хейс А.— 54
Херст У.— 87, 88, 106
Хесс Дж.— 24, 29, 30, 39
Хилл Дж.— 28, 103
Хиллс Дж.— 104
Хоар Дж.— 41
Холмс О.— 112, 137
Хофстедтер Р.— 149
Хьюз Ч.— 182
Хьюит А.— 60, 61
Хэй Дж.— 72, 82, 117, 120, 125, 126

Цолгош Л.— 105

Чемберлен Дж.— 115
Чендлер У.— 83
Черчилль У.— 175
Чоэт Дж.— 30, 121

Швоб У.— 108
Шерд Т.— 36
Шерман Дж.— 57, 73, 74, 85, 150
Шерман У.— 104, 110, 111
Шофилд Т.— 113
Штернберг Г.— 115, 125, 128
Шурц Дж.— 72

Эдмундс А.— 40
Эдуард VII — 121, 156
Эли Р.— 96
Элкинс Дж.— 145
Эрран А.— 117

Основные даты жизни и деятельности Т. Рузвельта

- 27 октября 1858 г.— в Нью-Йорке родился Т. Рузвельт
1876 г.— поступил в Гарвардский университет
1880 г.— окончив университет, поступил в Колумбийскую школу юриспруденции
1881 г.— избран в ассамблею штата Нью-Йорк
1882 г.— избран лидером республиканского меньшинства ассамблей штата Нью-Йорк
1884—1885 гг.— жил в Дакоте, занимаясь литературной деятельностью
1886 г.— по возвращению в семейное поместье Ойстер-бей обратился к политической жизни, участвовал в выборах на пост мэра Нью-Йорка
1889 г.— утвержден членом комиссии по гражданским назначениям
1895—1897 гг.— полицейский комиссар Нью-Йорка
1897 г., апрель — назначен заместителем военно-морского министра
1898 г.— подав в отставку, принял участие в военных действиях на Кубе, по окончании которых был избран губернатором Нью-Йорка
1900 г.— избран вице-президентом
14 сентября 1901 г.— принял присягу, став после гибели У. Маккинли президентом США
1902 г.— возбудил процесс против «Нозерн Секьюритиз компани»; выступил арбитром при урегулировании забастовки шахтеров
1903 г.— образовал министерство торговли и труда; способствовал отделению Панамы от Колумбии, положил начало строительству Панамского канала
1904 г.— переизбран на пост президента США на второй срок; Т. Рузвельт проводит законы в духе государственного регулирования промышленности, закладывая тем самым основы государственно-монополистического капитализма; создает национальные заповедники
1905 г.— выступает посредником при подписании Портсмутского мира между Россией и Японией, за что получает Нобелевскую премию мира
1908 г.— посылает корабли военно-морского флота США в кругосветное плавание, это явилось первой глобальной демонстрацией американской военной мощи
1909—1910 гг.— охотится в Африке, путешествует по Европе
1912 г.— создает прогрессистскую партию, участвует в борьбе за пост президента США
1913—1914 гг.— предпринимает экспедицию в Бразилию

1914—1919 гг.— активно участвует в политической жизни США, добивается вступления Америки в первую мировую войну на стороне Антанты; борется с проектом В. Вильсона о вхождении США в Лигу наций

6 января 1919 г.— в Сагамор-Хилле скончался Т. Рузвельт

Научно-популярное издание

Уткин Анатолий Иванович

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ

Политический портрет

Художник В. Д. Сысков
Технический редактор А. И. Долженко
Корректор А. А. Герасимов

ИБ № 380

Сдано в набор 20.03.89. Подписано к печати 06.09.89. НС 15137.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 11,99. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,29.
Тираж 100 100 экз. Заказ 197. Цена 80 к.

Издательство Уральского университета. 620219, Свердловск, ГСП-830,
пр. Ленина, 13 б.
Типография изд-ва «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

0-54

А.Н.УТКИН

Теодор Рузвельт